
---

22 ИЮНЯ

Отдавая дань памяти жертвам Великой Отечественной войны 1941-1945 гг., а также жертвам всех войн за свободу и независимость нашего Отечества, п о с т а н о в л я ю:

1. Установить, что 22 июня - День памяти и скорби.

В День памяти и скорби на территории всей страны:
приспускаются Государственные флаги Российской Федерации;
в учреждениях культуры, на телевидении и радио отменяются развлекательные мероприятия и передачи в течение всего дня.

2. Настоящий Указ вступает в силу со дня его подписания.

Президент Российской Федерации

Б. Ельцин
Москва, Кремль
8 июня 1996 года

«Русский литературный центр»
2017 год

Россия, Украина, Белоруссия — какой бы ни была политическая ситуация в мире, для наших трех стран 22 июня навсегда останется важным и памятным днем. Днем, что напоминает нам обо всех погибших в боях, о замученных в фашистской неволе, умерших в тылу от голода и лишений. Мы скорбим по всем, кто в те непростые времена защищал и прославлял отечество

Данное издание решено сделать ежегодным, чтобы защищать память о нашей непростой истории в те годы. Пускай, сейчас часто любят переписывать события прошлого. Но пока живы писатели, что сумели прочувствовать всю тяжесть того военного времени, благодаря общению с защитниками нашей Родины — мир будет помнить и искренне чтить такую важную дату, как 22 июня.

Сборник, который вы держите в руках, дорогой читатель, свидетельствует о подлинном интересе современных писателей к отечественной истории. Авторы со всех уголков нашей станы откликнулись на приглашение принять участие в составлении книги. Можете принять участие в поддержке Дня памяти и скорби и вы! Достаточно поделиться впечатлениями о прочитанном в социальных сетях с хештегом #22июня, рассказать о прочитанном друзьям или просто, подарить близкому человеку это замечательную книгу!

***Ваш,
Никита С.Митрохин
редактор-составитель***

ПОЭЗИЯ

Сергей Момджи

Возвращение на Родину

*Когда исходят жизненные годы,
И приближается к тебе порог,
То тянет в наше детство нас, ей-богу,
В начало бега жизненных дорог.*

*Боюсь немного я того стремленья,
Увидеть место, где когда-то жил,
Предвестник смерти мрачной появленья,
И проявление всех высших сил!*

*Но вот, когда придет ко мне то чувство,
Куда направлюсь страстно я тогда?
Где тот исток от жизни реки устья,
Откуда начались мои года?*

*Быть может, Киевский вокзал и школа,
На набережной дом и метрополитен?
Но школы нет давно и всё знакомо,
Поход такой мне был бы слишком прост.*

*А что еще? На улице Боброва,
Зайти в Днепропетровский старый двор,
Куда нас мама направляла после школы,
И деда с бабушкой послушать разговор.*

*Давно их нет уже на этом свете,
На улице Боброва всё не так,
Пожалуй, мне не это на примете,
Другое чувство, такой уж я чудак.*

*Года до школы, памятнее, что ли,
И напрягаюсь, где же был там я,
И память начинает поневоле,
Тихонько возвращаться в те края.*

*А там война, мотала годы долго
Нас с мамой - как кошмарный сон,
И в памяти - железная дорога,
И криками наполненный вагон.*

*И чтобы мне туда сейчас вернуться,
Состав мне нужен, старый паровоз,
Вагон с младенцами и в нем проснуться,
И чтобы он тебя в Сибирь повез!*

Сорок седьмой - тяжёлый год...

*Сорок седьмой, тяжёлый год,
 Дымы за речкою Магниткой,
 Смотрел я "Каменный цветок",
 Мне показала память зыбко.
 В нём семилетний я малец,
 Впервые вижу я цветное,
 Кино и сказку, наконец,
 Не видел до сих пор такое.
 И мне не хочется: "Конец"
 Прочесть, я не хочу финала,
 Притихший, смотрит оголец,
 И хочет дальше чтоб, немало.*

*И вот, седой уже старик,
 По телевизору, включая,
 Я вижу вдруг не боевик,
 А детство как своё сначала.
 Данила-мастер у горы,
 И Катерина молодая.*

*Любовь узнал я с той поры,
 Сильнее, чем Хозяйка злая
 Волшебных сил подземных гор,
 Сильнее даже, чем разлука,
 Я много видел с этих пор,
 Сижу и всхлипываний звуки...*

Мне дороги отца воспоминанья

*Мне дороги отца воспоминанья,
Эскиз нашел я в книжке записной,
Набросок карандашный и с названием,
В страничке пожелтевшей и простой.*

*Сюжет там прост - вокзальное прощанье,
Вопрос возник один: когда и с кем?
Когда увидишь ты, сюжет венчальный,
Значительней не кажется совсем.*

*Написано там было, между прочим,
Моим отцом тогда порой ночной:
"Прощание", Новосибирск, полночи,
20-е, январь, сорок второй.*

*И рот не изуродован там криком,
И руки не заломаны в мольбе,
Там может, спит жена, уткнувшись ликом
В плечо солдатское, в шинель, к тебе!*

*На голове буденовка одета
И сзади этот вечный вещмешок,
А ведь прошел грозою по планете
Тот самый страшный сорок первый год!*

*В слиянии их мирном и спокойном,
Такая в них уверенность в себе,*

*Что веришь, эти победят достойно,
И счастье, веришь, будет в их судьбе!*

*Отец мой написал потом картину,
Повесил дома в рамке на стене,
Но почему-то тот эскиз я выну,
Как прошлое пронзает сердце мне!*

Два билета на 22. 6. 41г

*Перебирал папины бумаги я,
Встретился в них синенький листок,
И в бумаге каждой может магия...
Старенький верчу в руках квиток.*

*Парой театральные билеты,
Даже неоторванный контроль,
Все на "Периколу" - в оперетту...
В сердце вдруг моём возникла боль.*

*Июнь, двадцать второе, сорок первого,
Эта дата отпечатана была,
И как время, цвета темносерого,
Вечер выходной, жары пора.*

*Не пришлось смеяться в оперетте,
Или с Периколой погрузить,
Им в антракте не стоять в буфете,
И с конфетой пива не попить.*

Что меня сильнее поразило,
Что за муки все тогда прошли,
Мой отец прошел почти пол-мира,
Передряги, тяготы войны.

Рудники, просторы Казахстана,
Гор Уральских недр поднимал,
Марганец искал тогда, и странно,
Те билеты в сумке сохранял!

Память о счастливой прошлой жизни?
Ужасы прошедшие войны?
Помнить о величии Отчизны?
Или чтоб запомнили сыны?

Никому всё время не показывал...
Мне один понятен лишь ответ,
Что-то личное с ними связано,
Про его, те двадцать девять лет.

Посёлок геологов в декабре

Не знает житель городской,
Трещит поленьями как печка,
Стучится вьюга о крыльцо,
И догорает в углу свечка.

Как дуть бешено в трубе,
Бродяга ветер воеет злобно,

*В седой декабрьской борode
Дудит в трубу нашу утробно.*

*Занесено моё окно
Метелью ровно под наличник,
Мороз разрисовал стекло,
Красиво, как тетрадь отличник.*

*Заснуть я долго не могу,
Под вой в трубе, треск печки сытой,
И кажется, что дом в снегу
Под утро станет весь засыпан.*

*Отец мой, выйдя на крыльцо,
Во тьму стрелял, волков пугая,
И я спокоен был зато,
Под полушубком засыпая...*

*Прошлась сейчас строка по сердцу,
Когда я вспомнил про отца,
Послевоенное всё детство,
Переживанья огольца.*

Дети войны

*Мы дети войны, мы её не забыли,
Хоть в нас не стреляли,
хоть нас не бомбили!*

*А жизнь проходила у нас в эшелоне,
в теплушке иль просто в товарном вагоне,
где трудно, бывало уснуть до утра,
под горький запах гари котла,
под крики младенцев и запах пелёнок,
и сами ревели, ведь каждый ребёнок!
Не знали, ясно, про ясли и про детсад,
но с братом играли мы в бой и десант,
мальчишки, мы только куда ни ходили,
на свалке лимонки играть находили,
на ёлки обрезок мы вешали гайки,
не помню, чтоб были там мишки и зайки!
А вечером мама, придя, над платком,
нам вшей вычищала густым гребешком!*

*Мы дети войны, мы её не забыли,
хоть в нас не стреляли,
хоть нас не бомбили,
но помним, что наши отцы победили,
а матери нам всю любовь отдавали,
чтоб выросли мы и войны бы не знали!*

Дети и война

*Я не участвовал в войне,
И был тогда еще младенцем,
Не представлял её себе
И пули не летели в сердце.*

*Но приняла война во мне
Свое ужасное участие,
И кралась так за мной везде,
Была причиной всех несчастий.*

*Я не участвовал в войне,
Не рыл траншеи и окопы,
И не было в моей судьбе:
Идти вперёд, взрывая доты!*

*Война участвует во мне,
Пусть даже ранней сединою,
Лет до шести был нем вполне,
Я кажется, на ней порою.*

*Ребенка той поры должны
Считать участником войны!*

22 июня

*В памяти двадцать второе июня,
И позабыта весна,
Минимум ночи - из прошлого пуля,
Так начиналась война.*

*Рушились планы и жизни надежды,
Сёла, дома, города,
Мирным нам день тот не будет, как прежде,
Всё в нас стреляет она.*

*Нас убивали, бомбили, стреляли,
Ужас вселялся в дома,
Сколько за Родину жизнью отдали?
Теперь издаём тома.*

*Ну, а живые? Те зубы сцепили,
Тыла ли, фронт разворот,
Долгие годы борьбы - победили,
Те, кто советский народ!*

*Что сейчас хаять ошибки и промахи,
Сами какие сейчас?
Мирным давно отцветают черёмухи,
Жизнь пощадила всех нас.*

Правда о 22 июня 1942

*Вбить новую пытаются в нас правду,
Как в сорок первом началась война,
Что побросали оружие отряды,
И в плен сдавалась будто бы страна.
Что были сплошь повсюду дезертиры,
И на призывных пунктах никого,
Не выходили даже из квартиры,
Лишь ожидая немцев, для того.*

*Обычна для врагов здесь полуправда,
Что хуже лжи всегда во много раз,
И дезертиры, в плен сдавались - правда,
Бросая и оружие подчас.
Когда страну несчастье кольхает,
Всплывает на поверхность всё дерьмо,
И пена через край переливает,
И в горе выливается одно.*

*Потеряно войсками управление,
Невыполнимыми, приказы вдаль летят,
И паники идёт столпотворение,
И кто-то в злобе будет тому рад.
Но были Брест, отчаянность сражения
И отходили с боем, хоть горя,
И выходили и из окружения,
Как ручейки, сливаясь все в моря.*

*И клевета - сидел на даче Сталин
И никого тогда не вызывал,
В архиве нам теперь всё показали,
Что каждый день кого-то принимал.*

*Была растерянность и боли нервные,
И горе приплелось надолго к ним,
Но первые слова запомним верные,
Что дело правое у нас, мы победим!
Снова двадцать первое июня,
А войны уже упала тень,
Хоть день Памяти народа в будни,
Выходной сегодня, как тот день.*

*Память нам стирают прошлым годы,
Прадеды уходят и деды,
Но позволит оценить итоги,
Время нас без лишней суеты.*

*Было против нас тогда скорее,
Победили, были как один,
Хотя враг вначале был сильнее,
Но народ всегда непобедим*

*Многие в тот день пускай погибли,
Отступали спешно на восток,
Духом наши люди не поникли,
До победы путь хотя далёк.*

*Не отставшая на век Россия,
СССР, то Вам не СНГ,
Это пролетарская мессия
Принесла мир новый на Земле.*

*Жертвы, что принёс народ бесценны,
Я Вас не истории учу,
Чтоб ценили строй, что создал Ленин,
Зажигая поминальную свечу.*

22 июня 1941г

*Двадцать второе июня,
На небо всходит Луна,
Скоро рассвет страшный будет,
И с ним начнётся война.*

*Мама с отцом в оперетту,
На "Перикола", но вмиг
Только остались билеты
Вместе с контролем у них.*

*Небо тогда разрывалось,
И разрывались сердца,
Так с миром все распрощались...
Трудная доля отца.*

*Как исковеркают судьбы,
Всех разбросает война,
Сонмы убитых прибудет
Или сожженных дотла.*

*Хмурые сведены брови,
Грозные лица отцов,
Но все сражаться готовы,
Бьёт горе будущих вдов...*

День скорби

*Про вероломность нападения
Мне прожуржжали в детстве уши,
Возникли позже лишь сомнения,
Я не носил тогда беруши.*

*Убрали пятую колонну,
Исход же был тогда таков,
Беда России всегда помню:
Колонна вечна дураков.
Одни запуганы, не спорят,
Другие тупо повторяют,
Не ведая, что близко горе,
Что, мол, готовы воевать.*

*Но не готова оборона,
Сплошные дыры там и тут,
Войны начало проворонят,*

*И лётной технике каюк.
А где окопы в полный профиль,
Чтоб дотов занятых, не счесть?
И где готовились, как профи,
То получился потом Брест.
За сорок первый, дорогою
Мы заплатили цену здесь,
Очнулись только под Москвою,
Поняв войны весь ужас, жесть.*

*Мне только кажется порою,
Что зря на предков мы грешим,
Не дай Бог с новою войною,
Боюсь, всё снова повторим.
А может быть, войны не надо,
Мы просто так всё отдадим,
И под салютов канонады,
Все мы заранее скорбим.*

Война и мир

*Война всегда ожесточает сердце,
Не выстрелил ты первым, сам убит,
И никуда от этого не деться,
И в голенище нож с тобою бдит.*

*И сколько раз пускал его ты в дело,
В разведке иль в бою - враг захрипит,*

*Когда вонзаешь нож в живое тело,
И убиваешь - день ещё прожит!*

*Уже автоматически, не целясь,
Рука твоя свой суд врагам вершит,
Не успевая думать или сверясь,
А что душа на это говорит.*

*Война, она - жестокая, как время,
Которое вперед всегда летит,
И ты считал, минутами всё мерил,
Придет тот час, который победит!*

*Пришел домой, теперь ты на гражданке,
Хозяйство, дом и порося завел,
На тракторе рулишь, как раньше в танке,
И срок забить свинью к тебе пришел.*

*Рука привычно к ножнам потянулась,
Врагам в глаза не успевал смотреть,
Сейчас же в сердце что-то повернулось,
Когда решил в глаза ей поглядеть.*

*Ты повернулся, все в груди заныло,
И нож свой бросил прямо за порог,
Понятно, что не сможешь ты отныне,
На жизнь руки поднять, хотя б на скот!*

Николай Кузнецов

*В тылу врага, под Ровно было,
Где наш сражался спецотряд,
Кино смотрел и сердце ныло,
Пять серий, что смотрел подряд.*

*И как сражался наш разведчик,
Герой Союза - Кузнецов,
Такой наградою увенчан
Посмертно, из большевиков.*

*Он шел на Запад, в одиночку,
Без связи, помощи своих,
Оуновцы поставят точку,
И жизни голос его стих.*

*Он бился и за Украину,
И за Советский наш Союз,
А я смотрю кинокартину,
И горьких не скрываю чувств.*

*Во Львове памятник разрушен,
Зато в чести "Галичина"
Могла представить такой чуши,
Ты, победившая страна?*

*Фашистский прихвостень Бандера,
Объявленный героем был,*

*Украины новой, но не СССРа,
Недавно суд хоть отменил.*

*Не потому, что он повинен,
Людей советских убивал,
А что гражданства Украины
Он никогда не принимал.*

*Победу с помпой отмечаем,
Она святая нам была,
Но как-то мы не замечаем:
Ещё не кончена война!*

Танковый десант

*Посвящается брату моего деда -
Василию Егоровичу Ряничеву*

*Мой дед был Ряничев Иван,
Он лет с четырнадцати слесарь,
В двенадцать сиротою став,
Сестре и брату стал, как кесарь.
Детей просила у него
Забрать сестра его мамыши,
Но он не отдал никого,
Сам вырастит он Васю с Пашей.
Дал дед образование всем,
И сам прошёл ПромАкадемию,
Советской власти, между тем,
Обязано то поколение.*

Перед войной Василий стал
 Директором в Донбассе шахты,
 Авария, был в ней обвал,
 Под суд директора и: "Ах, ты!"
 Ему дают десятку срок,
 Тюрьма с Гулагом ожидает,
 А тут война, судьбы урок,
 И он прошение направляет.
 Пошли тогда ему навстречу
 Тюрьму заменяют на штрафбат,
 Чтоб кровью искупил навечно,
 К тому же в танковый десант.
 Все впереди, когда атака,
 Они сначала на броне
 За башнею стальнойю танка,
 И с автоматом на рывке.
 Так часто, возвращаясь с боя,
 Не досчитаться штрафников,
 Посмертно не дадут Героя,
 Но всё простят - закон таков.
 Или получит кто раненье,
 Конечно, сразу в медсанбат,
 И кровью смыто преступленье,
 Обычный станешь враз солдат.
 Его не ранило ни разу,
 И часто Вася был один,
 Вернувшийся живым на базу,
 И штрафником он брал Берлин.
 Победа, сняты обвиненья,

Вернулся в Горловку домой,
Работать мог бы, без сомненья,
На шахте нужен он живой.
Но всю войну прошёл на нервах,
И столько повидал смертей,
Его разбил паралич первый,
Отнялись ноги, так верней.
Затем второй, ещё серьёзней,
Весь неподвижен он лежит,
И через год достала всё же,
Кто на войну дала кредит...

СССР после войны

Жирели, всех ограбив, США,
Трясли пред носом атомною бомбой,
А жили мы, в кармане ни шиша,
После войны в разрухе полной.

Но победили, в общем, мы тогда,
И нас боялись янки откровенно,
Могли мы защищать свои права,
Боялись, что запросим мы и Вену.

Союз народам всем примером был,
Когда хозяева страны - все люди,
Подачкой Маршалла им придавили пыл,
И США Европе другом будет.

*По новой мы отстроили страну,
И как всегда, всё это в одиночку,
Но с нами лучше надо жить в ладу,
Как с бомбой ядерной поставим точку.*

*И победили мы тогда нужду,
И каждый год нам приносил успехи,
О, если бы платили по труду,
Озолотились люди бы навеки.*

*Давали помощь всем, кто слабый был,
К чертям колониальную систему,
И третий мир был нам надёжный тыл,
Не превращали свои души в схему.*

*Могучая, великая страна,
И с лучшим в мире том образованием,
И первый спутник, запущен был тогда,
И в космос первый полетел - Гагарин.*

*Не в роскоши мы жили в те года,
И не катались "слуги" в Куршавели,
Детишек трудно нам растить всегда,
Но знали мы, что за себя потели.*

*Мне неприятно слышать, как сейчас
Писаки про то время стали "хрюкать",
Для оболванья наших масс,
И как кощунство нашим мукам.*

Константин Спасский

Судьба потомков

*Веков кровавые соцветья,
Где каждый день – смертельный бой!
Призвали и моё столетье
Измерить собственной судьбой!*

*Пусть скоротечны жизни годы,
Но то, что есть, - то от щедрот!
Посей на будущее всходы, -
Продли могущественный род.*

*Минует время лихолетья,
Пройдёт последний смертный бой.
Пусть мира новые столетья
Потомки назовут судьбой!*

Наш бой

*Я думал, что святые святы,
Что жизнь проста, а смерти нет,
И что погибшие солдаты
Вернутся вновь на белый свет.*

*Я думал, что пройдут парады
По окончании войны.
И что высокие награды*

Получат родины сыны.
 Все, в общем так.
 И всё иначе.
 Где смог, и я рискнул собой.
 Покоя нет. А это значит,
 Что продолжается наш бой.

Право

Имели право,
 И были силы
 Ступать со славой
 В свои могилы.

О героизме
 Булаты пели.
 В живых остаться
 Бойцы не смели.

Так было надо.
 Кому незнамо.
 Потом награды
 Вручали мамам.

Опять беспечно
 Поют булаты.
 Как прежде,
 В вечность,
 Идут солдаты.

Убили деда и прадеда.
Прадеда наши, деда фрицы.
Отцу досталась лишь победа,
А мне отцовы небылицы.

Кому судьба, кому судьбина-
Тюрьма, протез, звезда, медали,
Кусок земли, сырая глина,
Таёжный гнус, пустыни дали.

Кому- то космоса пространство,
Кому ещё войны достаток,
Да чёрное голов убранство,
Жизнь начинающих, солдаток.

Что ждёт меня? Простое пьянство?
Судьба героя или гада?
Убогой жизни постоянство?
Или Всевышнего награда?
Увидеть хочется прадеда,
Послушать деда, выпить малость,
Чтоб потекла у нас беседа
За жизнь, за молодость, за старость.

Но всех давно поубивали.
Кого-то наши, кого фрицы.
В истории пустые дали
Ушли родные сердцу лица.

Война

Маслом пишутся иконы.
 Шьются золотом погоны.
 Вера двигает вперед,
 Защищает древний род.
 Не обманет государь.
 Будем бить челом, как встарь.
 А тревоги чёрные,
 Чёрные - перчёные,
 Вороньими птахами,
 Грудь сдавили страхами...
 Потому как всюду войны,
 Те, в которых мы достойны
 Поразбить врага во прах,
 Чтоб познал вражина страх.

Эх, война! Чудная мать!
 Не охота погибать!
 А охота жить безбедно.
 Да мечтанье это вредно.
 Сытость – веская причина,
 Чтобы вишьрь росла личина.
 Каждому свой ум – закон!
 Распознай-ка где, чей звон!
 Мира не было и нет.
 Собирай военсовет...
 Попортили судьбинушку,
 Даром льют кровинушку.

Шла война который год.
На войну ходил народ.
Воевал, стрелял врага,
Да отращивал рога,
Да отращивал усы.
Говорили для красоты.
Только красота не там,
То давно известно нам...
Всех, попал кто под замес,
Списком помянет собес.
Разной масти мужиков
Умников и дураков.
Стариков белёных,
Да юнцов зелёных.
Смерть чистит под метёлочку,
Не оставит щёлочку.
Совесть у кого чиста?
Вот могилка без креста.
Без звезды, без досточки.
Безымянны косточки.
И солдат и офицер
Гибли на один манер.
Смерть геройская красна.
Девке принесла весна
Вести из военкомата
Про убитого солдата.
В похоронке всё слова!
Не одна в селе вдова.
Слёз унял бы кто поток.

На войну ушёл браток.
 И вернуться быстро смог,
 Вражеский фугас помог.
 А кому случился плен
 Не нашелся даже тлен.
 Всё серьёзно на войне.
 Можешь не поверить мне.
 Верь – не верь, иди - проверь,
 К Богу в рай открыта дверь!
 Прорастал по ветру хмель.
 Да летал по полю шмель...
 На протезах шёл солдат,
 Орденам железным рад,
 Плакал, боль тая свою.
 Отходил боец в строю.
 А в строю ещё-то есть!
 Есть кому башки не снести,
 И кому без рук, без ног
 Целовать родной порог...
 Позабрали наспех войны
 Тех, кто большего достойны,
 Эх! Была бы жизнь проста!
 Всё бы с чистого листа!
 Как продлить её чуток?
 Был бы жив, да будет прок.
 Стороной бы шла война.
 Так была бы жизнь длинна.
 Понапишутся иконы,
 Златом вышьются погоны.

Анатолий Беднов

Пограничник

Коротки в июне ночи, деревья стоят в цвету.
Птичьи трели слух ласкают,
опьяняет аромат.
Но граница есть граница, и сегодня на посту
Не зевает и не дремлет
Красной Армии солдат.
Вот чихнул, но по уставу не положено апчхи.
Вдруг начкар тебя услышит –
и схлопочешь нагоняй.
За рекою в бывшей Польше запевают петухи.
Над водою шепчут ивы, ветви
длинные клоня.
За спиною Украина, Кострома и Ашхабад,
Впереди лежит Европа под фашистом –
это факт.
Но война еще не скоро: хоть, конечно.
Гитлер – гад,
Он нарушить не посмеет этот самый
мирный пакт.
А рассвет уже занялся –
вверх ногами бутерброд:
Купол неба черным хлебом, горизонт –
клубничный джем.
Через реку нарушитель не пройдет
ни вплавь, ни вброд,

Караул под знаком Победы

Виктадий Чепет

Это было недавно. Тридцать девять лет назад. Был у нас такой преподаватель истории, который часто отступал от темы и рассказывал познавательно-воспитательные истории. О том, что истории были познавательными, мы догадались сразу, а вот то, что они еще и воспитывали нас – будущих летчиков-штурмовиков – поняли гораздо позже. Тем не менее, вот эти лирические отступления мы больше всего любили. Они научили нас правильно относиться к Сталину. Ох, как наш преподаватель не любил его! Но каждый элемент своей нелюбви он так для нас «разжевывал», что сомнений не оставалось – он прав.

Однажды он нам рассказал о летчике, который был ранен в воздушном бою, но привел самолет на аэродром и чудом посадил. А когда самолет остановился, умер. Он выполнил свой долг.

Под впечатлением его рассказа мы пошли на лекцию по реактивным двигателям. Читал нам ее полковник Нецадим. Несмотря на грозную фамилию, Панфилий Григорьевич был человеком мягким, но справедливым. Короче, на этой лекции Гешка Чепус и вывел в конспекте по РД первые строчки этих стихов.

Потом был караул. К творчеству Чепус привлек и меня. Смены у нас не совпадали, поэтому строчка за строчкой мы записывали асинхронно, с интервалом

в два–четыре часа. Зато содержание строк глубоко продумывалось на посту. Вот так мы и накарябали то, что было забыто на 39 лет, а неделю назад случайно обнаружено полковником в запасе Чепусом на тлеущей бумаге конспекта по РД.

Штурмовики

*Далеко за Вислой
Догорает день.
Над землёй повисла
Предночная тень ...
А под ней со свистом,
Сквозь зенитный град,
В логово фашистов
«Батя» вёл «ребят».
И для них, немногих,
«Батя» был пока —
Опытный и строгий
Командир полка.
Цель нашли, и ночью —
В круг! На боевом...
Тишину на клочья
Рвёт разрывов гром.
Высоко взлетают
Сполохи огня,
Видеть помогает
Ночь, светлее дня!
Ухают фугасы —*

Искры до небес.
 Огненною трассой
 Режет тьму «ЭРЭС».
 Пушками приветил
 Точно! Выше нос!
 Пол-лаптя на ветер
 И сквозь зубы: «Сброс!»
 Был доволен Батя:
 «Ну, не подвели,
 Молодёжь, а на те —
 В клочья разнесли».
 Что ж, кончай работу,
 Надо поспешить.
 Очередь пехоты,
 Дело довершить.
 И идёт «шестёрка»
 На восток в строю,
 Миссию на этом
 Выполнив свою.
 Но война сказала:
 «Стоп, отложим пир!
 Смерть вас ожидала.
 Бейся командир.
 Коли ты везучий,
 Чёрт тебя не съест,
 Вот тебе из тучи —
 «Мессер» — чёрный крест».
 Бой принять? Да где там!
 Голова б цела.

Коль пусты лафеты,
Плохи, брат, дела.
Миг, чтоб шансы взвесить...
«Ну, держись, подлец!
Лишь бы бились десять
Молодых сердец».
Пять лихих пилотов,
Пять друзей—стрелков.
Это ж он, не кто-то,
Воспитал «сынков».
— Эй, Орлята, слушай!
Всем вперёд и газ!
«Пятый», ты ведущий.
Выполнять приказ!
Забирает круто
Вверх полупетля,
В быстром танце будто
Кружится земля...
Вниз и вновь — по-русски —
С тряской разворот,
Страшной перегрузкой
Раскрывает рот...
Трассы над мотором,
Значит, враг не прост.
Он с тупым напором
Нагло лезет в хвост.
Этот всё посмеет —
В небе он не гость,
А коль так, сильнее

Боевая злость.
 Ах, ты ж Бога в душу!
 Ну, ты и нахал...
 Дай ему Павлуша!
 И стрелок «давал»!
 Шла снарядов лава
 В огненный туннель
 И огнём пылала
 Грозная турель...
 Цель прошла трасса
 Меткого стрелка!
 «Мессер» яркой кляксой
 Вспыхнул в облаках.
 Батя обернулся:
 — Дырочку готовь!
 И плеча коснулся:
 На ладони кровь...
 Он в бою отчаянном
 Не заметит мог
 Что весьма печальным
 Был его итог...
 По кабине ИЛа
 Расползлась гарь.
 В трёх местах пробило
 Пулями фонарь.
 — Пашка, ты держись там,
 Недалече дом!
 Вон, за речкой чистой
 Наш а-э-р-о-д...

Жалюзи закрыты,
Перегрет мотор.
Будто бы подбитый
Прерван разговор.

****

В треске и шипении
Радиоэфира
Ждали с нетерпением
Голос командира.
Затаив дыхание,
Как один примолк
В тяжком ожидании
Весь авиаполк...

****

— Ужинать бы взялись...
Батя... — он придёт, —
Словно извиняясь,
Повторял начпрод.
— Третий, третий, третий... —
Таня извелась.
— Третий, ну, ответьте,
Что же там у вас?
Долгие минуты
Складывались в час.
Чу! Мотор как будто
Сбоку!? Вот те раз!
В пору удивиться!
Пашке невдомёк,
Почему садится

Батя поперёк?
 Всё глассада круче —
 Видно и стрелку,
 Он, ведь, был из лучших
 В батином полку.
 Девять метров, восемь...
 Видно, нет чудес!
 Ил щитками косит
 Под собою лес.
 Отработай РУДом!
 Что же ты, пилот!
 И случилось чудо —
 Ожил самолет.
 Ил земли коснулся,
 Круто развернул —
 Ну и полк очнулся!
 И к нему рванул.
 Пашка из кабины
 Спрыгнул на крыло,
 Еле-еле сдвинул
 Фонаря стекло.
 Потянул несмело
 Батю... С виду — цел,
 Лишь уткнулся белой
 Головой в прицел.
 На педалях ноги,
 Кисть гашетку жмёт.
 Летчик — видят Боги! —
 Мертвым бой ведёт.

Запредельной волею
Он пришёл с небес,
Лишь тогда позволил
Умереть себе...
Принцип и зачатие:
«Смерть простить нельзя!»
И в бессмертье Батю
Понесли друзья.
Он их знал по имени
В небе и в строю,
И в бою за жизни их
Не сберёг свою...

****

Наступает вечер.
Взлет! За нами долг!
Расправляет
плечи-крылья
Батин полк.
Под крылом фугасы.
Сброс! Имею честь!
Это наших АСов
Боевая месть!

Владимир Капицын

Памяти деда-фронтовика

Мой дед из прошлого пришёл –
 (Мне – сон под Благовест,
 Иначе как меня нашёл,
 Сменил я много мест).
 И перед маем, как в кино
 Такие снятся сны:
 Дед в форме, бодрый, заодно
 С историей страны.
 – Вот разыскал тебя я, внук,
 Не виделась давно.
 А что людей – огромный круг,
 В театр али кино?
 А там плакат; стоят рядком
 Зачем собрались тут?
 Когда болтают языком,
 Хлеба ведь не растут.
 Так здесь же, внук, завод стоял,
 Туда все люди шли,
 Как утро, вечер – валом-вал,
 И где ж теперь они?
 – С бедой собрался, дед, народ,
 Хоть жизнь – всегда театр.
 Давно закрыли их завод,
 И люди без зарплат.
 Туда же рейдеры пришли;

Купили что ль «патент»,
Потом был склад и казино –
Остался только ...бренд!
И этих нужды привели:
Построили здесь дом,
Бедняги денежки внесли,
Но их не селят в нём.
А как поселишь, если дом
Сначала надо сдать,
А их застройщик деньги спёр,
Успел уже удрать.
Тех обманули в ЖКХ,
Вдвойне подняв тариф,
А управляющий сейчас
Уехал на Мальдив.
– А что за город аль село?
Какой еще Мальдив?
– За океаном место то –
Жулья корпоратив.
– Да разве можно так, внучёк?
На что ж тогда партком?
– Его же нету, дед, давно.
Тут старший... управдом.
– Послушай, внук, ты ж офицер!
Как в армии дела?
– Я, дед, ушёл, покуда цел,
Она ж – едва цела.
– Да что же там теперь, скажи?
Опасность какова?

И где же главные враги?
 И кто там Голова?
 – Там правил бывший финансист
 И батальон девиц,
 А офицеров боевых
 Они толкали вниз.
 Хотя сейчас уже другой,
 Тот – правильный мужик,
 Иначе б, дед, военным всем
 пришёл уже кирдык.
 Что посмотреть хотел бы, дед?
 – Хотелось мне в Литву.
 Юозас – друг мой, там живёт,
 Прошли мы с ним войну.
 – Теперь там за граница, дед,
 Другие там в чести.
 Уже знамён там красных нет,
 И шествуют враги.
 Сейчас и Украина, дед,
 Совсем уже не та.
 Сначала был нейтралитет
 Теперь пришла вражда.
 На Западе героем стал
 Бандера и УПА,
 Но Путин Крым без боя взял,
 Вернулись мы туда!
 – Постой! В Крыму я воевал!
 И он всегда был наш.
 Его ж ещё Потёмкин брал.

*Какой-то ералаш!
– Тут, дед, у нас была беда,
проспали мы Союз.
И Крым отдали мы тогда,
Как продают арбуз.
Историю забыл народ,
Хоть и неплохо знал,
За это время город Львов
Кто за Бандеру, взял.
Потом на Украине, дед,
Большая шла гоньба,
Коль у хохлов порядка нет,
То Крым – опять сюда.
Совсем был опечален дед:
– Жалею, очень стар!
А правды – не было и нет!
За что ж я воевал?!
И как мы строили страну
Еще перед войной,
И после – стройку не одну,
Вели, как будто бой!
Что мог ответить деду я
(Иль образу его)?
Чьи гибли годы и друзья,
В огне горело все.
Мол, дед, прости убогих нас,
Что просмотрели мы,
Как вдруг огонь в душе погас,
И вот уж нет страны?*

Сказал лишь так:
 – Бывает, дед, затменье иногда,
 Но образ твой, героев всех
 Нас отрезвил тогда.
 И ваша кровь, и этот пот,
 Пропитанный войной,
 Огонь и труд, и подвиг тот,
 Как знамя над страной,
 Помог поднять, как будто в бой,
 и повести людей,
 Чтоб снова Родину поднять
 И уваженье к ней!
 И в жизни был, конечно, толк
 Коль в миллион голов –
 На улицах Бессмертный полк
 Под звон колоколов.

Владимир Мальцев

Верность

Стоят невспаханные нивы,
Остовы рухнувших церквей
Молят и просят снисхожденья
У странников земли моей...
Погост у брошенного храма
Возделан бережной рукой.
Блаженная седая дама
Жизнь отдала любви святой...
Любимого на фронт благословила,
Иконку в руки отдала,
Четыре года святых просила,
Всю жизнь потом его ждала...
Ждала, молилась, как умела,
Обет нарушить не смогла
И замуж выйти не посмела,
Ждала его - ждала, ждала...
Ждала, надеялась, любила
И крест свой трепетно несла,
Письмо потёртое хранила,
Не дождалась – к нему ушла...
Погост у брошенного храма
Возделан бережной рукой.
Блаженная седая дама
Здесь обрела земной покой...

*Марина Макова***Один в поле воин***(легенда)*

*Река Добрость и Сож река
катят воды среди полей,
катят волны уже века,
вспоминая один из дней.
Где стоит стольный Кричев град,
и Сокольничи в ширь идут,
задержался один солдат
и навечно остался тут.
Он казался врагам полком,
или ротой в сто человек,
из бычины шагнул легко
прямо в прошлый двадцатый век.
Богатырь семи пядей во лбу
и косая сажень в плечах,
он свою обменял судьбу
на панический вражий страх.
На холме средь высокой ржи,
где орудие не видать,
он сумел создать миражи
так, что поле стало стрелять.
И не ясно откуда бьёт
по колонне огня ураган.
Первый танк, что подбит был влёт,
перекрыл дорогу врагам.*

А последний, пылая в огне,
к отступленью отрезал пути.
И застряли как в пробке те,
что блицкригом мечтали пройти.
А решивших пробраться в брод
илом склеили берега,
так пучиной разгневанньх вод
помогала солдату река.
Шел не равный бой два часа,
Сколько танков, бронемашин
и врагов ушли в небеса!
Воин в поле был только один.
И когда это понял враг
и снаряды закончились враз,
карабин парень сжал в руках
и с последней пулей угас.
Тёплый вечер кровавил закат,
травы никли к могильной земле
и спокойно лежал солдат,
ни о чём уже не жалел.
Лежал мальчик, не богатърь,
двадцати непрожитых лет,
унося в небесную ширь
своего бесстрашья секрет.
Хоронили его враги,
над могилой сказал офицер,
что такие вот пареньки
для любого вОйна пример.
И три залпа послали в зенит,

*где-то вздрогнула мать под Орлом
там, где школа родная стоит
и родительский старенький дом.
Река Добрость и Сож река
катят воды среди полей,
катят волны уже века,
вспоминая один из дней.*

В Безвестье падает листва

*В Безвестье падает листва,
отпущенных в забвенье лет.
Растёт увядшая трава,
смеются те, кого уж нет.
Там деревянно спят дома...
(на месте их микрорайон),
за летом движется зима,
и не слышать церковный звон.
И улицы совсем не те,
другие носят имена,
и объявленья на щите
ещё не тронула война.
Нет набережной у реки,
есть берег в суете дорог.
И кто-то пробует стихи,
страдая от избытка строк.
Спешит весёлый человек,
что в сорок третьем был убит,*

в безвестье канув, словно в век.
Ещё живой! Уже - гранит!

Идёт война

Идёт война... Она не позабыта,
она ещё не кончилась в сердцах...
Глумится враг, в сраженьях недобитый,
над коленьем, победившим страх.
Из гнили, чёрных нор повыползали
со свастикой поганой пауки.
Историю народов перевертали,
собрал свою лжеправду из трухи!
Так подло, так по-зверски, так жестоко
враг всё святое яростно крушит!
Свои помои брызгает из окон
на памяти незыблемый гранит!
Перевернуть в мозгах его задача,
то, что так долго, свято берегли!
Им этот бой кровавый снова начат
в сетях, в сердцах, во всех концах земли.
Объединяйтесь люди и народы!
Все вместе мы сумеем отстоять
свою Победу и свою свободу!
Враг не пройдёт! Нас миллионов рать!

Михаил Фисенко

Двадцатый век

Прощай, прощай двадцатый век,
 Ты сделал все, что мог.
 И новый – двадцать первый век
 Ступил через порог.
 Ты строил, воевал и жил
 Ветрам всем вопреки.
 Огонь нам ясный всем светил,
 Огонь твоей строки.
 Хоть и поэтов я твоих
 Не знал наперечет,
 Но время пролегло сквозь них,
 По венам их течет.
 Прощай, прощай двадцатый век,
 Я для себя сберег
 Твой, не потухший огонек,
 И шепот теплых строк.
 И та, нетленная строка
 Звала с собою в даль.
 Мы строки эти про себя
 Твердили как букварь.
 И в строках этих билась жизнь,
 Сражалась до конца,
 Они в окопах родились
 Сраженного бойца.
 И были после найдены,

Откопаны, в пыли...
Спешили жить его сыны,
И твердым шагом шли,
И время было им под стать,
Когда вставали в строй.
И в обелисках эта жизнь
Восстала над горой...

****

Шел сорок первый и пехота
В окопах яростно дралась,
Но наседала вся Европа
И танки втоптывали в грязь.
И рвались нервы, сталь коптила.
Стелился низко сизый дым.
Пехота в вечность уходила,
Шла вслед за облаком седым...
Но все равно, сквозь дым и пламя
Вставали юные бойцы,
Они в руках держали знамя,
Что в руки дали им отцы.

****

Это вы надышали мне
Воздух страны.
Вы, ушедшие в зори,
Мои пацаны.
Те, кто просто ходил,
Те, кто просто любил,
Выбиваясь из сил,
Выбиваясь из сил.

*И в суровый мороз,
Проклиная, любя
В эту жизнь вы ушли
Не жалея себя.
В настоящую жизнь,
За далеким костром,
И земля вам была
Как единственный дом.*

Довоенные танго

*Довоенные фото,
В них забытое что-то...
Кто-то смотрит упрямо
На меня со стены...
Еще живы, не скошены,
Снегом не запорошены
И дороги военные
Ими не пройдены...
И осталось по двадцать им,
Остальное-все дым и дым...
Остальное лишь фото,
Что висит на стене.
Остальное лишь фото
Но срывается что-то,
И стучит больно в сердце
Подступая во сне...
Танго, довоенное танго...
Мирно зреет в манчжурских*

Степях гаолян,
На манчжурских дорогах,
На Харбинских отрогах
Тебя помнят сегодня
Русский воин Иван...

Мой Дед

Он погиб на войне,
На далекой войне...
Это память о нем
Поселилась во мне.
За него я живу,
За него я дышу,
Когда строки суровые
Эти пишу.
Это память моя
Поднимает меня
И сияет в ночи
Яркой искрой огня.
Заставляет перо
Окрыляться мечтой,
Отбирая навечно
Равнодушный покой...
Заставляет любить,
Заставляет страдать.
Эту память о нем
Никому не отдать...
Никому не отдать

Этот шарик земной.
 Все, что было на нем,
 Все случилось со мной.
 За него я живу,
 За него я дышу
 Когда строчкой стихов
 Равнодушие крушу...
 Это тоже война,
 Это тоже война...
 До меня она в мире
 Была рождена...

Борису Корнилову

Я верю в корявые строки,
 Из пепла вставала страна
 И главная песня - "О встречном"
 Их всех за собою вела.
 Дорожке мордастых талмудов,
 Раскрашенных, как попугай,
 Шагали под ветры и пули
 Дорогой в потерянный рай.
 В обмотках, пропахшие дымом
 Тяжелой, намокнутой махры,
 Остались вы яростным взрывом,
 Накалом высокой жары...

****

Как ясно писали предтечи,
Как точно ложились слова,
Им песни свинцовой картечи
Пропела степная трава...
Захваченный гулом моторов,
За них в этом мире живу.
И песня бескрайних просторов
Приходит ко мне наяву.
За них в этом мире мечтаю,
Их память тяжелую чту.
Когда ухожу, улетаю,
Свою догоняя мечту.
Сверяю их трудное время,
Что мчалось у них за спиной,
С моим, где машинное племя
Летит по дороге земной...

Сергей Александров

О тылах...

(Рассказ солдата)

Воя, падают бомбы,
 плоть раздирая и души.
 Где голова, где – ноги...
 Забиты землю уши.
 И кровожадно водит хоботом
 смерть с крестами –
 За ней уже - пол Европы. Полмира...
 А что за нами?
 Что за моей спиной?
 Какая за мною сила? -
 Рыхлая стенка окопа,
 Да под ногами – месила
 Из крови, гильз и шинельки,
 И мертвого командира...
 Досталось ему шрапнелью –
 И жить не достало силы.
 Еще за мной – старый «сидор»,
 Где два сухаря, тушенка,
 Кисет с буквой «В» - Василий,
 Рукавчик от распашонки –
 Жена мне с письмом прислала,
 Сказала, что – сын, как ждали...
 Кому-то, наверно, мало.
 Но мне ТО – сильнее медалей,
 Сильнее речей геройских,

*Сильнее смертей всех вместе!
Пусть прет на меня всё войско...
Давайте, поближе лезьте,
Чтоб больше вас всех скосило,
Пощады чтоб не просили!...*

*Спасла меня сына Сила.
И, значит, - спасла Россию.*

Сны старого солдата

*Всё о ней, о проклятой –
Пусть была и давно...*

*Шли в атаку солдаты
В чёрно-белом кино.
Взрывы, сполохи, пламень,
Смрадный дым до небес...*

*И остался на память
В пни расстрелянный лес.
И воронки – озёра;
И оврагом – окоп,
Где ручей невесёлый
Упирается в лоб
Ржавой башне. И птицы
Там не вьют своих гнёзд –
Видно, тоже им снится
Память павших берёз...*

Отцу

Ты страх оценивал лишь боем
 И перекрестьем на броне.
 Ты не считал числа пробоин,
 И километры по стерне.
 Была в привычку непогода,
 И с кровью – снег. И с пеплом – пот...
 Ты не хотел, чтоб был хоть кто-то,
 Который это не поймет.

Ты все хотел дождаться внуков,
 Хотел услышать: «Дед, а дед...»
 И ты кусал от боли руку,
 Когда гремел салют побед.
 И, отвернувшись к стенке ночь,
 Подушкой слезы оттирал...
 А утром – так вот, между прочим,
 Ты говорил: «Прекрасно спал!
 Лишь духота была в заботу...
 А на подушке? – Просто пот...»
 И не хотел, чтоб был хоть кто-то,
 Который это не поймет...

А годы мчались... Все тревожней
 В окно выглядывая нас,
 Ты ждал. Устало и надежно...
 И не дождался только раз.
 В последний раз – к орудию сходу!
 В последний раз шепнул: «Вперед..!»

*Я не хочу, чтоб был хоть кто-то,
Который это не поймет!*

*Пусть проклят буду я тобою,
Когда вдруг встану в стороне!
Ты страх оценивал лишь боем
И перекрестьем на броне.*

Осень 41-го

*Стояли сны, заиндевели,
В сугробах синего рассвета.
И на пригорке старый леший
Прощался с запахами лета.*

*И солнце вновь свершало муки
Рожденья в тусклом небосклоне.
И у берез поникли руки,
И морды вскидывали кони,*

*Глядя вслед стаям журавлиным
И ветру, что бежал за ними...
И исходила паром глина,
И осень превращалась в зиму...*

*Вновь непонятное явление
Пороши рыжей ворожило -
И листья падали на землю.
И мы пока что были живы...*

22.06.1941

*И листья шепчутся неслышно.
И ветерок в ветвях чуть дышит.
И дождик шелестит по крыше.
И удивленная луна
Глазеет из-за туч украдкой.
По лужам цокает лошадка...
Весь город спит – тревожно-сладко.
Как будто поутру – Война...*

**Мы. Те, которые –
от Москвы до Берлина.**

*Не любили мы траурных маршей тогда –
Толку мало от них на погостах.
Там в могильных воронках вскипала вода
После крика предвечного: «Воздух!»...
Но, забитые в землю, в болота иль в снег
По макушку кувалдою минной,
Мы упрямо вставали – и пяталась Смерть
От Москвы – через Клин – до Берлина!..*

*Там, в Берлине, устали менять мы стволы –
Мы долбили прямою наводкой.
И кирпичною пылью курились столбы
Частых взрывов... И выпитой водки
Не хватило, чтоб вытравить
горечь потерь*

И привычный вкус пироксилина.
Снится нам этот путь –
и тогда, и теперь –
От Москвы – через Клин – до Берлина.

Сколько нас полегло...
Сколько выжило нас...
У околиц – стоят обелиски.
Нас – списали. Но мы не уходим в запас,
Пусть – назло – и инфартам, и спискам!
И на койках больничных в атаки идём
В маскхалатах, рыжевших от глины
И от крови... Как будто мы вновь –
день за днём –
От Москвы – через Клин – до Берлина...

Наши внуки уже старше нас раза в три.
Да и правнуки выросли тоже.
Нам в глаза они смотрят.
Вглядись же и ты,
В батальоны ушедших, прохожий.
Может быть, ты узнаешь кого-то из нас,
Может, вспомнишь из перечней длинных –
Это мы с твоим дедом в атаки не раз
Шли с Москвы – через Клин – до Берлина...
От Москвы – через Ржев – до Берлина...
От Москвы – через Курск – до Берлина...
От Москвы – через Брест – до Берлина!..

Эльрида Морозова

Живой

*Уж давно отгремела война,
Поросли воронки травой,
Стаял новый снег на полях,
Воздух снова запах весной.*

*Возвращался домой солдат
Не в шинели, а в черном пальто.
Понимал он, что опоздал
Очень сильно, почти на год.*

*Ближе к дому замедлил шаги,
Еще ближе - хотел свернуть,
Но заставив себя идти,
Он вздохнул и продолжил свой путь.*

*А жена вышла вдруг на крыльцо,
На дорогу, чтобы посмотреть,
Словно что-то ее позвало,
Не смогла больше в доме сидеть.*

*Низко голову он опустил
И в воротах остался стоять.
Только тихо сказал: - Прости.
Очень я пред тобой виноват.*

*Письма с фронта я плохо писал,
Хоть скучал очень сильно по всем,
Потом женщину я повстречал,
Перестал вам писать я совсем.*

*Боевая подруга моя
Выжить мне помогла, победить.
А когда возвращались назад,
Я пошел к этой женщине жить.*

*Стал отцом я чужих сыновей,
Привязаться успели они,
А мои - по ночам снились мне.
Да, мне дороги обе семьи.*

*Я обратно к тебе не вернусь,
Понимаю, что предал вас всех.
Только лишь повидать вас хочу
И облегчить тяжелый свой грех.*

*Ты прости, дорогая жена,
Очень я виноват пред тобой.
Долго-долго молчала она,
А потом прошептала:
- Живой!*

Юрий Согрин

Знает кроха...

*А война – это очень плохо.
Там от пуль погибают люди.
Про войну скажет даже кроха:
- Пусть войны никогда не будет!..*

*Пусть живут на земле солдаты,
И от ран пусть не умирают,
Пусть не ездят они куда-то
И друг друга не убивают.*

*На войне погибают люди,
На войне погибают дети.
Пусть войны никогда не будет,
Будет мир пусть на всей планете.*

Раненый

*Он лежал в воронке от снаряда,
Чуть присыпанный дымящейся землёй.
На груди помятая награда
С ленточкой, что сделалась золой...*

*Где-то там, в заснеженной деревне
Дом родной. И мама у окна.*

*Что поделатъ, видно род их древний
Здесь закончится... Живи теперь одна.*

*Жаль, что внуки из избы не выйдут,
Не обнимут бабушку любя.
Внуков нет. Никто их не увидит –
Не оставил сын взамен себя.*

*Поспешил туда, где силы злые
Налетели с дальней стороны,
В бой вступил за Родину – Россию,
Как такие же безусые сыны.*

*Им не всем начертано вернуться.
Кровь пролитая запенилась рекой.
Не подняться им, не разогнуться.
Там, в чужой земле нашли покой...*

*Только рядом кто-то крикнул звонко:
- Есть живые?! Я вам помогу!
И в воронку хрупкая девчонка
Рядом с ним упала на бегу.*

*Он собрал все силы, улыбнулся:
- Я... живой... - тихонько прошептал.
Тут же в землю головой уткнулся:
- Помоги мне... что-то я... устал...*

*Он лежал на старенькой кровати
Весь в повязках с головы до ног.
Рядом с ним в немаленькой палате
Те, кто выжить в страшной бойне смог.*

*Он лежал и вспоминал девчонку,
Спасшую его из-под огня:
« Сколько ж надо сил, чтоб из воронки
Вытащить смогла она меня?*

*И ведь не один я был там ранен,
С многими случилась эта гнусь...
Вот поправлюсь и цветок герани
Подарю ей... А потом женюсь!*

*И родятся для бабули внуки,
Будет несподручно ей тужить...
Залечить бы только ноги, руки.
И остаться в этом мире жить...»*

Малолетка

*По сгоревшему посёлку,
Мимо голых труб печных,
По разбросанным осколкам,
Опасаясь пуль шальных,
Шёл мальчишка-малолетка
По дороге босиком.
Как случается нередко,*

Был он каждому знаком.
Всем отвечивал мальчишка
Свой приветственный поклон.
И в потрёпанном пальтишке
Выглядел неброско он,
Неприметно для солдата,
Что пришёл в страну с бедой.
Кто шагал вперёд куда-то –
Истязатель молодой.
Всё вперёд, без остановки,
Оставляя вместо сёл
Ямы от бомбардировки,
Да сгоревший частокол.
Что же вдалеке от дома
Ищет молодой злодей?
Счастья в землях незнакомых?
Воплощения идей?
Он и сам того не знает.
Выполняя злой приказ,
Разоряет, убивает,
Развлекаясь так подчас.
Шёл каратель. А навстречу
Не боясь людской молвы,
Даже чуть расправив плечи,
Не склоняя головы
Шёл мальчишка-малолетка.
Всё запоминал подряд:
Где фашистская танкетка,
Где орудия стоят,

Сколько моется фашистов
 На пруду и на реке.
 Всё подсчитывал он быстро
 Пальчиками на руке.
 Шёл один из малолеток
 По сгоревшему селу.
 Нёс в руке букетик веток.
 Шло добро навстречу злу.
 Тот букетик малолетка
 Собирал не просто так:
 Ветка средняя – танкетка,
 А потолще ветка – танк.
 И на веточке ромашки
 Очень точно говорят
 Лепесточки-оборвашки
 О количестве солдат.
 Всё расскажут ветки эти
 В партизанском блиндаже,
 Куда утром на рассвете
 Попадут они уже.
 Ветка средняя – танкетка,
 А потолще ветка – танк...
 Ну, а где же малолетка?
 Спит на нарах. Он устал.
 Командир шинель поправил,
 Что укрывла мальшиа,
 Кружку с кипятком оставил
 И шагнул из блиндажа...
 Год уж, как у них в отряде

Появился паренёк.
- Не гоните меня, дяди... -
Прошептал, как только смог.
- Нет ни мамки, ни сестрёнки,
Дом сожгли наш на заре...
Не хочу стоять в сторонке –
Отомщу я немчуре!..
И остался. И прижился.
Партизанский путь избрал.
Стать разведчиком добился –
Много сведений собрал.
Он свой шифр неразрешимый
Пользовал, идя в село:
Ветки – танки и машины,
А цветочки их число...
Командир стоял у ёлки,
Прижимая автомат.
А еловые иголки
Источали аромат.
Отломив немного веток,
Улыбнулся в тишину:
«Без таких вот малолеток
Нам не выиграть войну...»

Александр Богданов

Честный напиток мужчин

*Сдуй огонек голубой,
Только усы не сожги,
Истины спирт питьевой
Сразу ударит в мозги...
С «шилом» не надо шутить,
Дескать, тебя «не берет»,
Честный напиток мужчин
Самых различных широт.*

*В «шиле» дано обмывать
Россыть заслуженных звезд;
Спиртом, увы, провожать
Мертвых друзей на погост...
В мире военных мужчин
«Он» свою службу несет
От экстремальных глубин –
До экстремальных высот!*

*Самый заслуженный из
Области жидких чудес,
Списанный- как антифриз,
Выпитый- как антистресс!
Можно контакты промыть...
Можно, но лучше нальем!
Нужно на выдохе пить –*

Молча, на выдохе, пьем!
Резко посыльный стучит...
С моря вернемся- допьем
Символ свободы мужчин,
Скованных властью погон!
...Если судьба сохранит,
Отставников соберем
Выпить за выпитый спирт
И позолоту погон...

Солдаты – журавли

У каждой войны свои песни про журавлей...
Звуки войны
Им не слышны.
Глядя свои беспробудные сны,
Спят пацаны.
В мире теней
Взвод журавлей
Кличет, ну кто там отстал из солдат
От части своей?
Как на парад,
Строем летят,
Многим обратно, увы, не дано
Вернуться назад.
За ратный труд
В этот маршрут
Ангелы душам солдатским свои
Крылья дают.

Зоя Резанова

Память, и не только моя

*Уже и сердце не болит,
Ведь отболело, только - грусть
И радость, рядом все стоят,
А, я - готова; ну и пусть.*

*Я помню деда, - пестовал,
Любимых нас, последних внуков
И дома, и с собою брал, на совещания,
Катал, полями, рожь, пшеницу, в руки
Колосья рвал и разминал...
Так шли года; - родные руки.*

*Он был парторгом – головой,
Войну прошел, всю до Берлина,
А до того, колхозный строй
Выстраивал, и знали имя;*

*Колхоз «Искра» и был таким,
ВДНХ и все такое;
Все чаще он сидел один
И с грустью вдаль, смотрел на поле...*

*Я помню руки...
Ордена, на кителе, висевшем строго;
Фуражка, галифе еще...*

*На детский взгляд, казалось – много,
Для одного, пройдя войну.*

*О ней конечно вспоминал,
Такое просто не забыть;
Но говорить – не говорил,
Работаю, старался жить.*

*Я помню, как он уходил...
Рассвет уже был без него;
Заснул и выбился из сил
Сказал: простите! Вот и все...*

*Я буду помнить и люблю;
Нет никого родней родных;
Любимых, добрых, дорогих
Ушедших; Все равно - моих.*

04.05.17.

Светлая Память!

*Написала лишь строчку:
Помню Вас, я, родные!
Полетело цепочкой
Над всею Россией:*

*И я, своих - помню!
И я, помню - то же!*

*Своих и чужих
И все стали дороже.*

*Мы дети и внуки
Несущие знамя,
И правнуки с нами –
Все помним и знаем;*

*Живем, пока память
Нас держит добром;
Поклон, всем, кто пал
И дожил до времен.*

*Стоят обелиски
И смотрят в Рассвет;
И видят, и слышат:
Забывших, Вас нет!*

09.05.17.

Мальчишкам ВО войны

*Артиллерия била всю ночь.
Ночь шептала: ну, спрячься салага!
Что бы утром любимым помочь,
Отступавших - держать, в ом отвага.*

*Что бы враг, не прошел рубежи
За которыми - мирные жизни;
За которыми - дети, отцы;*

Мама там же, любимое имя.
Наступает рассвет – тишина...
Минометы взрывают – засада...
Только ринулся в бой старшина
И сердечко вдруг вздрогнуло: надо!

И пошли пацаны, салажня
Бить врагов, оставляя погибших;
Принимать всех готова Земля,
Школьных лет, ребятишек вчерашних...

Раны были, сегодня болят...
Память держит. Рядами сложила...
Приняла всех, сырая земля...
Было, было...вчера, словно было.

Мало их, пацанов, с той войны,
Что в сегодняшней день взгляд имеют;
От других, уж одни ордена
И потомки их помнят и греют
У сердца – Война!

16.05.17.

Солдатам ВО войны

Весенний день; звенели ордена,
Но холод пробивал
Зимой так было...
Когда в окопах, а кругом снега;

*Буржуйка в блиндаже,
Как тело нило...*

*А он пришел, солдат войны домой;
Чернеет остов, печи, что стояла
И – ничего...
Стоял он, как немой
И лишь слеза, по-тихому сбежала;*

*- Пришел же я!
Встречай меня жена!
И матушка моя, он вспомнил -
Голосила...
И детки, плоть и кровь моя
Семья
И как же я без вас?
Когда все было?*

*Он на коленях, сколько простоял
Не помнит просто, и не знает
И уж с рассветом, когда
Остывшая Земля
Сказала: Встань! И помни это!*

*Солдат опять, куда - то зашагал...
Пусть, где – то там;
здесь ничего не держит...
Душою, как – то, к сироте пристал,
Ведь был отцом, и сердце чуть утешил.*

*И шли года; он только – человек
Он помнил все, любимых поименно;
Работой жил и строил новый век;
Деревни, города, чтоб счастье жило;*

*И передать хотел всю Соль Земли,
Чтоб берегли потомки Мир наш мирно;
Чтоб не было разлук, слепой войны
Солдат пронес всю боль, во имя Мира.*

16.05.17.

Где то - там. (Украине)

*Там. Где - то — там,
На линии огня,
Вновь в подземелье спрятали меня;
Так было уж, в сороковых годах,
Сегодня — и сегодня — тот же страх.*

*Но где то там, внутри
Душа мне все твердит:
- Смотри, смотри, смотри!
Как гибнет твой народ.*

*Ты будешь дальше жить,
Свободное дитя!
И строить жизнь свою
И села, города...*

*И Солнце вновь взойдет,
Над Родиной твоей,
Ты — выйдешь, страх уняв
И станешь лишь сильней.*

*Ты знаешь, что добро,
Все нужно охранять,
Оно лишь для тебя,
На панов — не пенять;
У них своя судьба,
Удел у них другой,
А бьется за родных,
За Родину — босой.*

*На смерть идут лишь те
И возрождают Жизнь,
Любил, кто не во сне
И ты, и ты — держись!*

Мне страшен — этот суд!

*Не суд! А блажь и страх!
Убийцы, все они — не в Господа руках.
Они мертвы давно. Пора им уходить.
А коли, их уж нет — они не будут жить.*

13.06.14.

Смотрел он молча. (Донбасу)

Смотрел он молча,
Белый свет внимая
И думал: вот и жизнь земная
Закончена. А я, так жить хотел,
Хотел любить — любил,
Но был не смел.
Теперь об этом говорить!..
До коле? До коле будем жить
Чужою волей?
В неволе - то есть?
Кто вольным был рожден
И был и жил,
Он грязь и нечисть, просто
Встал и сокрушил.
Не страшно!
Ведь за мной придут другие.
Другие,
Что желают жить как я:
Ценить добро
И рядом пусть стихия;
Я — выстою! Мы — выстоим!
Не — зло!
Зловещие клыки
Слюною жгучей,
Врезаются в селенья, города,
А люди ждут и учат,
Просто учат

Уроки жизни смертного врага.
 Где ж эти семена взошли раздора?
 Кто высеял их дьявольский почин?
 Их — смоят!
 Но смывать их только кровью,
 Ведь память умирает только с ним,
 С народом не покорным, не глухим.
 А он ведь выстоит! Чудес хоть не бывает,
 Он силы набирает, что без края...
 Не может зло, как дерево развиваться,
 На нем лишь воронье смогло б гнездиться;
 Вороны — не велика, птичья стая,
 Не каждый двести лет живет внимая,
 Лишь — внимая.
 Так много мыслей пролетело вскользь...
 Теперь я точно знаю: я — что гвоздь,
 Который медленно, но входит в грудь врага,
 Не будет долгим бой, без сапога...
 Сапог не тот, что в прошлые века,
 Напали и нарвались — не на дурака...

13.06.14.

ПРОЗА

РАЗВЕДКА БОЕМ

Ким Ярушко

17-й Кантемировский танковый корпус вместе с подразделениями 11-го стрелкового Прикарпатского корпуса вплотную подошли к форсированию р. Буг. На другой стороне немцы сосредоточили танковые артиллерийские отборные эсэсовские части. Кроме того, на глубину до 20 км. по данным нашей разведки, немцы организовали мощную оборонную зону, - прорыв советских войск на этом участке был чреват для неприятеля непредсказуемыми потерями территории, техники, живой силы.

Пока наши части готовились организовать переправу, фашисты постоянно контролировали территорию вдоль реки штурмовой авиацией, бомбардировщики с крестами постоянно осуществляли сброс своего смертоносного груза на наши позиции. Река, давно не давала рыбакам Украины, Белоруссии и Польши запасов народившейся за эти годы рыбы, однако сейчас её было в больших объемах: от взрывов бомб и снарядов водное пространство было устелено плывущей животами вверх рыбешкой разного калибра.

Старшина разведвзвода танкистов Ярушко Антип, прихрамывая на правую ногу возвращался из медсанбата, в котором провел несколько дней и с сожалением смотрел на плывущее, никому сейчас не нужное, рыбное хозяйство, припоминая донские места, семью

свою, родной разведвзвод, в котором он был заместителем. С добротой в сердце и сожалением, что не будет рядом с ним его земляка, храброго лейтенанта Хлопонина Николая, командира танкового взвода, с которым они дружили. Земляк и героический командир остался в медсанбате залечивать раны, хотя рвался на передовую, зная, что скоро будет большое наступление на этом участке фронта.

Разведвзвод в 17-ом танковом корпусе был на лучшем счету, однако ему почему-то не везло с командирами, - то ли по молодости, то ли по неосторожности они выбывали из строя очень часто. Поэтому долгое время старшина Ярушко, родовой донской казак с опытом войны, знаниями ведения боя, разведки, наличием личных качеств смелости и рукопашного боя, оставался исполняющим обязанности комвзвода. Был у него один недостаток, как у любого казака, - Вера в Господа Бога (он не скрывал этого) и честные высказывания вышестоящим командиром по отдельным вопросам, связанным с действиями разведки, что им не всегда нравилось.

Этот момент больше всего коробил полит работников, однако они при сложных ситуациях в бою тоже вспоминали Всевышнего и тайно от всех носили нательные крестики, даже знали некоторые молитвы.

Старшина пересек территорию своего «хозяйства» и вошел в широкий блиндаж, где его разведчики о чем-то оживленно беседовали.

- Здорово живете, товарищи - поздоровался он.

Зная хорошо нравы своего командира, разведчики четко ответили: «Слава Богу!» Улыбнулся Антип, и какая-то радость в сердце и душе поднялась невидимым лучом, даже глаза заслезились. Улыбнулся он, обнял своих ребят, - и пошли разговоры...

Утром старшина побрился, умылся холодной водой, привел в порядок форму, поправил нательный крестик, оглядел чужую бугристую степь с дурманящим запахом полыни, вспомнил донские просторы, родную станицу...

- С прибытием, товарищ старшина, - прервали его мысли два молодых разведчика из соседнего стрелкового взвода.

- И вам не хворать. Как дела молодежь? – спросил Антип.

- Скоро в наступление, - вы ногу свою подлечили? Заживет, как на собаке, не впервой, - буркнул командир.

Подбежавший сержант доложил, что старшину вызывает командир роты.

- Ну, казачок, отъелся на госпитальных харчах? – пошутил подполковник Подопригора и подошел к карте, висевшей на стене.

- Спасибо, все любо, еще повоюем. У меня просьба: повременить посылать в поиск молодежь, надо их кое-чему подучить, я за это возьмусь лично.

- Добро, это ты сам решаешь. Но завтра в ночь ты должен подготовить группу смелых, выносливых ребят и провести «горячую» разведку боем, но такую,

чтобы немцы приняли это за серьезное наступление с тыла, так как нашему корпусу поставлена задача срочно форсировать реку Буг, - подполковник показал на карте место переправы.

- Вопросы обеспечения всем необходимым, а также заброс группы и схему возвращения решишь с соответствующими службами. - Он подошел к казаку, обнял его за плечи, объяснил детали поиска, основные задачи, связь и главную задачу.

- С Богом, старшина, надеюсь на тебя, от вашего рейда многое зависит, сохраним сотни бойцов. Я коммунист, но верю в Спасителя и нашу Победу, не снимаю никогда крестик с груди. Возвращайтесь живыми...

Командир разведвзвода собрал бойцов на поле, недалеко от расположения своего «хозяйства». Вдали был слышен лязг танковых гусениц, обоюдная артиллерийская перестрелка. Группа фашистских самолетов тяжело плыла по небу, таща в своих брюхах смерть, а навстречу им с земли били плотным огнем наши зенитки. Один бомбовоз, пораженный зенитками, рухнул далеко в поле, осветив взрывом полнеба.

В крепкой казачьей памяти старшины всплыл дед и его наставления, которые помогали ему выжить в боях. Он знал, что надо сказать своим товарищам, показать им все, что знает и умеет сам, настроить их на удачу и успех, победить и выжить.

- Я человек верующий, да и вы все христиане во взводе, потому прошу: просите у Господа Победу,

знайте хоть одну молитву, самую короткую. А главное – иметь беспредельную Веру в Бога, в себя и в Удачу. С Богом можно вести разговор только через молитву. Я об этом говорил и раньше. Но, как говорится «На Бога надейся, но сам не плошай».

Нам поручено серьезное задание: завтра проникнуть в тыл противнику и отвлечь на себя их силы с передовой позиции, расположенной вдоль реки Буг, сымитировать нападение на фрицев главных наших сил с тыла.

Антип осмотрел разведчиков, отделил двух «очкариков», троих с сильными ушибами и растяжениями связок и двоих молодых, пришедших в разведку два месяца назад и шесть пожилых бойцов.

- Эти ребята остаются «дома», идущим в поиск подготовить оружие каждому по его навыкам, гранаты, пистолеты, ножи, мины, маскхалаты...Срок готовности: завтра к полудню.

С остальными разведчиками старшина вместе с сержантом Коньковым провели боевую тренировку по рукопашному бою.

Коньков – знаток старинных русских боевых школ «Скобарь» и «Буза» незамысловатыми, но точными движениями отработывал с ребятами захваты, броски ножом на расстоянии, удары сбоку, подсечки и другие приемы борьбы.

Бойцы знали, что их командир обладает знаниями и практикой рукопашного боя, недоступной разведчикам, они попросили его поделиться секретами боя.

- То, что я знаю и умею, досталось от деда моего, по наследству, добрый казак был. Крепью казачества были «характерники», особая, тайная казачья каста, владеющая наукой боя, Казачьим Спасом. Вошедший во время боя в состояние Спаса «характерник» владеет гипнозом, заговором, осторожными молитвами, телом и духом своим... Он не боится смерти, его задача: не бойся за себя, а сохрани жизнь другу, поручив свою жизнь заботам товарища. Это и есть древний закон русской дружины – «За други своя!», это закон предков наших.

Казачий рукопашный бой не театрален, не зрелищен, потому очень жесток, он передавался из поколения в поколение, вместе с родовой иконой и родовой песней. Казаков учили терпеть боль и не злиться, так как разозлившийся или впавший в ярость теряет контроль над окружающим, значит, обречен. Под пространством «характерник» понимает полусферу, в центре которой он находится, ось полусферы проходит через него. Порядок секторов полусферы зависит от того, кто рядом с ним, чтобы своих не побить. Ударом он выметывал со всего плеча, независимо - вооруженными руками или открытой ладонью. Причем, такой порядок боя сохраняется, независимо где идет схватка (поле, окоп, мост и т.д.)

Казачья школа боя опирается не на интеллект бойца, а на рефлексy, что очень важно, но требует высокой физической выносливости. По казачьей науке для нападения на врага в поиске предпочитается время

от двух часов ночи до шести утра. Доказано вековой практикой, что в это время у людей мозг дремлет, даже если тело бодрствует.

В нашем случае мы тоже так поступим.

Старшина Ярушко встал посреди поляны, замер, сосредоточился и принялся совершать немыслимые движения, удары руками, ногами, пальцами, конечности двигались вдоль тела без сковывающих движений. Он поражал сразу несколько условных врагов, его взгляд был глубинным и пронизывающим...

- Редко кому дается эта наука, сможет освоить только тот, кто имеет природные задатки к этому виду борьбы, особую психологию и полное владение собой, корнями эта борьба уходит много веков назад. Вам это тоже под силу, в это надо твердо верить каждому.

- Один из самых простых, но важных приемов огневого контакта, который наиболее эффективен ночью при численном превосходстве противника – пережат, которым все вы владеете, применяйте его постоянно. И еще: не забудьте про «македонский захват» - стрельба пистолетами из двух рук. Большие пальцы кистей плотно цепляются друг за друга, а цель ловить одновременно правым и левым глазом. Для левшей целиться левым глазом, а стрелять из правого пистолета. Отдыхайте и готовьтесь, с Богом – закончил старшина.

Следующим вечером группа разведчиков форсировала на лодках реку. За 10 километров от основных

сил ползком просочились по дну неширокой балочки, выходящей в тыл территории, занятой немцами. Луна осторожно выглянула из-за тучки, осветив укатанную проселочную дорогу, поле, редкий лесок вдалеке, - тут же исчезла, погрузив увиденное в темноту. Дальше разведчики продвигались по обеим сторонам дороги, направляясь по имеющимся данным разведки к пропускному немецкому пункту, который располагался в глубине территории, занятой фашистами, на краю редкого лесочка. Переговариваясь между собой только звуками птиц, разведчики оперативно сняли часовых, оставив в живых долговязого фрица, который обеими руками прижимал к себе губную гармошку. Узнав у него пароли, место дислокации материально-технической базы и другие подробности, решили взять «музыканта» с собой, однако немец вдруг вскочил и решил бежать, за что получил под левую лопатку летящий десантный нож.

Первый контактный рукопашный смертельный бой с немцами окрылил разведчиков. Помолвившись, они двинулись дальше.

На трех мотоциклах с коляской, укомплектованных пулеметами и, прихватив на всякий случай немецкую форму, в которую оделись старшина (унтер-офицером) и несколько бойцов, владеющих немецким языком, рукопашным боем, группа двинулась по дороге к крупной складской базе противника.

- Надо передать по радиации информацию о том, что узнали, а также доложить, что группа поиска решила

устроить «фейерверк» на гитлеровской технической базе, а потом возвратиться по согласованному маршруту – приказал старшина радисту.

Он собрал всех бойцов, поставил задачи перед каждой пятеркой, зная способности всех своих учеников. Максимально облепив мотоциклы, они двинулись к самому главному объекту. Схему расположения охраны, стоянки танков и бронетранспортеров, емкостей с горючим и другие места дислокации гитлеровцев по объекту, знал каждый разведчик из информации пленного. Осторожно, не доезжая до немецкой базы, в полной темноте, часть разведчиков, освободив мотоциклы, полукольцом окружила блокпост, укрепленный и хорошо охраняемый. Мотоциклы с разведчиками, включив фары, медленно приближались к охранной немецкой территории и солдатам, высыпавшим из каких-то щелей, как горох. На базе было спокойно, кое-где в домиках светились огни.

«Обер-лейтенант» весело выкрикнул окликнувшим и осветившим его фонарями гитлеровцев во главе с гауптманом пароль и безоружный спокойно покинул мотоцикл. Антип стоял в центре окруживших его врагов, они уже считали его своим. И вдруг, постояв немного, мысленно прочитав короткую молитву, он вошел в состояние Казачьего Спаса, издал звериный вопль, буквально парализовавший немцев. Управляя сознанием, пространством и временем, поражая волю окружающих его врагов, старшина заработал ногами, руками, локтями, пальцами, как адская

машина, был слышен хруст ломаемых позвонков, - он убивал врагов древним казачьим способом – голыми руками. Его товарищи, окружившие неприятеля, довершали это страшное дело штыками, прикладами.

Сержант Криворучко выдернул из общей массы офицера, слегка оглушил его и связал, чтобы сохранить «языка». Все было кончено, Антип постепенно отходил от выполненной страшной работы, успокаивался. Надо было идти дальше. Отдав дополнительные приказы и рассредоточив всех по объектам, старшина с тремя разведчиками бегом направился к месту расположения тылового немецкого штаба. По его сигналу, почти одновременно, в разных местах немецкого подразделения стали рваться танки, бронетранспортеры, цистерны с горючим, раздавались крики фашистов, взрывы гранат и частые выстрелы. Внезапность сыграла свою роль, считая это нападением основных сил русских, фашисты не оказывали серьезного сопротивления и начали покидать базу.

Группа немцев на легковых «Опелях» и бронетранспортере рванула по выездной дороге к линии передовой обороны, в сторону переправы, не успевшие занять свободные места, бегом устремились за ними. Пора было уходить и разведчикам. Собравшись по сигналу командира, группа поиска на мотоциклах и уцелевшем бронетранспортере, двинулась в обратный путь, предварительно заминировав территорию базы и дорогу за собой в нескольких местах.

Понимали ребята, что задание было выполнено, однако возвращались из поиска с тревожными лицами: случайной пулей убит весельчак и общий любимец Андрей Сизов, тяжело ранен младший сержант Приходько Петр, в ночной перестрелке получили ранения четверо молодых бойцов, имеющих боевой опыт. Впереди были новые бои...

А позади полыхала материально-техническая база фашистов, рвались снаряды на складах, дорога была освещена заревом, клубы дыма змеями шевелились в небе, закрывая выглянувшую луну. По радиации разведчики запросили помощи для прохода группы через передовые позиции противника. Вскоре заработала наша артиллерия по переднему краю, прикрывая отход разведгруппы. Очнувшийся немецкий офицер испуганно тарасил глаза и что-то кричал, но было не до него. Старшина дал команду прорываться группе выше течения реки, чтобы не попасть под перекрестный огонь. Учитывая, что разведчики двигались на немецкой технике, в темноте фашисты не успели разобраться и опознать русских. Чуть позже они почуяли что-то неладное, открыли огонь из стрелкового оружия, засвистели снаряды, но разведчики были уже вне досягаемости огня. Отход разведгруппы оказался удачным.

В результате разведки боем группа разведчиков командира взвода старшины Ярушко Антипа, ранее награжденного Орденом Красной Звезды, медалями «За Отвагу», «За взятие Киева», и др., уничтожила 6

танков, 3 бронетранспортера, до 100 немецких солдат и офицеров.

Разведчики прибыли к месту переправы, а на заминированной дороге, рвалась боевая техника, снятая с немецких позиций для отражения атаки русских с тыла.

А в это время 17-й танковый корпус вместе с 11-й стрелковым Прикарпатским корпусом, форсировали реку Буг в районе Уладовка. Материалы, добытые разведкой боем из штаба технической базы фашистов, а также пленный немецкий офицер были переданы командованию фронтом.

Приказом по корпусу от 21 июня 1944 года все участники поиска за образцовое выполнение боевого задания, проявленную доблесть и мужество, были награждены орденами и медалями, командир разведвзвода - Орденом Отечественной войны II степени.

А 22 июня сыну старшины Ярушко Антипа, рожденному в день начала войны, исполнилось три года.

До Победы оставалось 352 дня...

«Исповедь близнецов»

Валентина Жукова

Том первый. «Между небом и землёй»

Непроходимая сибирская тайга окружила далёкую сибирскую деревню «Брусничный». Шумят над головой могучие сосны. Лохматые ели затевают пространство, слегка поскрипывая то тут, то там, придавая тайге зачарованную сказочность. В небе над деревней нависли тяжёлые грозовые тучи, и порывистый ветер с хулиганским свистом играет верхушками берёз, сосен и елей. Безжалостно гнёт стройные берёзы и молодой кустарник; срывает молодые шишки с могучих сосен и кедра, раскидывая по сторонам. А где-то вдалеке одна старая ель стонет, как бы жалуюсь на своё недомогание, привлекая к себе особое внимание. Скалистый крутой берег своенравной, по-девичьи стропливой реки местами выделяется по особому ландшафтному расположению, где величаво раскинулась могучая ширь, захлёбываясь и перекачиваясь через пороги, образует пенистую волну.

На крутом обрывистом берегу стоит пожилая женщина и смотрит на реку задумчивым взглядом. С её головы медленно спадает цветной кашемировый платок. Седые волосы беспощадно треплет ветер, будоражит воспоминания о далёком прошлом и не даёт сосредоточиться на самом главном содержании про-

шлого бытия. В руках у неё потёртые, выгоревшие от времени листы, сохранённые ею же самой, главной героиней Евдокией Афанасьевной; На листах видны еле-еле заметные записки, того самого солдата, который

«Вот бы мне всё это увидеть по-настоящему в натуральном облике. Что это? Разве на рассказах далеко уплывёшь, только лишь абстрактно можно себе представить те далёкие берега. И можно ли сравнить тот дальний берег, где родилась; с этим, на котором стою в разлуке с далёким прошлым. Очень хочется побывать и посмотреть на малую родину. И, кажется, дело-то не за горами, а вот ведь не прыгнешь. Представляю: Финский залив, Выборгская сторона, на которой жил и строил корабли Пётр Первый, звучит гордо, где на небе тоже ни облачка, и на улицах города, подобно муравьям с ношей мирно снуёт население, кто куда, взад-вперёд с лёгкой ношей, у кого-то и потяжелее. Где теперь две мои горошинки? А может они где-то, совсем рядом, о чём я не могу знать?»

Плач Евдокии

*Может быть, одна – жена солдата, а другая – медсестра.
Вы друг с другом, как сестрёнка с братом.*

Нам бы встретиться пора.

От меня вас разделили. Развели по городам.

Солёный огурец делили. Надоедали нашим поварам.

Одна больная и при смерти лежала за Шумихою рекой.

Мне вас так часто не хватало.

Хоть бы встретится с одной!

*Увезли одну на Украину. Меня же в лес густой, на целину.
В тайге батрачила и гнула спину. Где вы теперь?*

Я так и не пойму.

Быть может вы опять на поле боя.

Жуткий страх всё это на семью.

Кто-то может быть женой героя... Где вы теперь?

Я так и не пойму.

Вот она какая, жизнь-злодейка,

Кто придумал страшную войну.

Это он! Жизнь его одна копейка.

Бомбёжкой рушит тишину.

Привезли вас из Ленинграда.

И было вам всего лишь месяцев по пять.

Что это – божья кара иль награда?

Сумели от Гелетая убежать?

Где же вы теперь родные? Господни не изведаны пути.

Или вы нашли кусочек рая, где же вас теперь найти?

Может, фотографию отправить? Там ваш целый взвод,

Возможно, кто-то тоже ищет?

И каждый сам себя найдёт,

А коли вспомните мою досаду, – отзовись, не медля часа.

Между собой не споря,

Из медного ковша запьём мы горе таёжным,

терпким квасом».

Евдокия Афанасьевна представляет походку. Голос слышит, словно из-под земли; тот томный внутренний и далёкий голос Степана...

***

– Женщина, давайте вашу тяжёлую ношу, я помогу, наверное, нам с вами по пути? – Степан Петрович осторожно взял в руки тяжёлую ношу. Поднял, приблизительно желая взвесить на глаз. – Ого! Ничего себе, нагрузились, будто про запас...

– Да, сынок, возможно и про запас. Немец-то, слышал? – грозитя напасть. И что ему не сидится, не живётся спокойно?

– Алчность по захвату территорий. Хочет править всем миром. Посмотрим, что из этого получится. Как бы последние штаны не потерял, как при Наполеоне. Тот ведь тоже мечтал править всем миром. Да так навоевался, что своих солдат мёртвых грыз в обратной дороге, покидая Москву.

– Хорошо было с вами побеседовать. Прощайте, вот я и дома. Может, ещё свидимся когда-нибудь с вами? Вы мне настроение подняли. Спасибо за помощь, уважаемый попутчик.

Бежит по улице весёлый мальчуган в коротких штанишках, катит перед собой колесо, а по улицам гроыхает полуторка. Мчится легковой автомобиль, обгоняя и унося в салоне важно восседавших пассажиров. Быстрым шагом идут офицеры Красной Армии.

– К чему вся эта беготня? Надо к жене сходить, узнать как там у неё. Всё ли в порядке, возможно тут же и заберу её из родильного дома? Кого она мне подарила на этот раз? – сердце Степана Петровича колоти-

лось, вот-вот выпрыгнет, как будто спешит на первое свидание. Родильный дом города Выборга утопал в зелени деревьев, в клумбах с цветами, на газонах. По дорожкам шли счастливые молодые папаши и родственники навестить новорожденного; который первым криком извещает мир о своём появлении на свет. В роддоме царил суматоха. По коридорам сновали врачи и санитарочки в белых халатах. У некоторых недоуменные лица. Остановились две медсестры, о чём-то между собой разговаривают, разводят руками в стороны, пожимают плечами, смотрят по сторонам. Степан Петрович, мужчина двадцати восьми лет, среднего роста, крепкого телосложения, с букетом цветов, с пакетами фруктов, осторожно и тихо подошел к медсестре, которая сама шла к нему навстречу.

– Здравствуйте, милая симпатичная девушка. Не подскажете, в какой палате лежит Жихарева Мария Григорьевна? Она вчера одиннадцатого июня родила девочку или мальчика? – медсестра посмотрела на Степана Петровича с сочувствием. Показала рукой, как пройти к палате. Степан Петрович, поблагодарив сотрудницу, пошел дальше по коридорам медицинского учреждения, рассматривал двери, выискивая нужную табличку с надписью. Найдя дверь палаты, в нерешительности остановился, постучал в дверь, и, приоткрыв, заглянул в палату. Он увидел свою жену, симпатичную женщину двадцати четырёх лет, лежащую на кровати. Мария поднялась с кровати, встретила мужа с радостью.

– Лежи-лежи, тебе нельзя так рано подниматься, – взяв руку жены, Степан Петрович нежно к ней прикоснулся; целуя, сам внимательно смотрел ей в лицо. Мария осторожно спрятала руки под одеяло. Муж понял: что-то с женой происходит. Степан взял стул, сел у кровати Марии. Снова нежно взял её обе руки в свои. С нежностью же посмотрел ей в глаза.

– Машенька! Как здоровье? Как здоровье у нашего малыша? Где он? Я хотел бы посмотреть на наше с тобой творчество! Ты уж извини. Нёс тебе цветы, да таможня запрет наложила. Нельзя, говорят, фрукты тоже нельзя, говорят, пока что. От них у ребёнка стул жидкий будет.

– Спасибо. Ничего Стёпа, все хорошо. Здесь неплохо кормят по рецепту врачей. Здоровье хорошее и у меня, и у малышки. Её только что медсестра отнесла в детскую комнату, где все новорожденные. Может, ещё увидишь, если подольше посидишь.

– Что-то тревожно, Машенька, на душе?

– Всё образумится. Стёпа, что-то случилось? Я вижу на твоём лице тревогу, Стёпа? Почему у тебя печальный вид? О чём думаешь?

– Как не думать, Машенька? Представляешь, я на руку наложил сегодня. К чему бы это? Как ты это понимаешь? – Степан знал, жена читает сны, как в руку ложит.

– Во сне что ли? К деньгам значит, Стёпа. Тебе скоро отпускные начислят, и в отпуск махнём к родным краям.

– Какой чёрт во сне! Стыдно сказать и грешно утаить, – Степан, краснея перед роженицами, не знал, куда себя деть. – Прямо вот сейчас, как к тебе добирался.

– Худу быть, Стёпа, к худу это. Не к добру. Лучше бы ты не рассказывал сон свой.

Желая сменить тему разговора, Степан нашёлся, что спросить.

– А что у вас тут за беготня медперсонала?

– Ничего особенного, как всегда рабочее состояние медперсонала. – Мария приняла тревогу мужа как свою собственную, стараясь как можно быстрее определить будущее явление. Но что может случиться с мужем? Она терзалась догадками. А возможно и не с мужем, может, что-то случится и с дочерью?

– Какой-то у тебя, наверное, необычный день, если ты с таким видом пришёл. Мог бы и подождать, не приходиться. Зачем грусть приносить мне, на ребёнке отразится. И я тогда ничего не буду говорить. – Мария чуть-чуть не проговорила о пропаже дочери. – Просто персонал бегает без дела по коридорам. Должны найти выход из ситуации.

Не догадываясь ни о чём, Степан посмотрел на часы. Перевел взгляд на окна палаты. Форточка в окне открыта. За окном солнечный летний день сменялся грозowymi тучами. Были видны деревья с молоденькими листочками; они тихо покачивались, а на деревьях отрадно пели птицы. Степан с сожалением смотрел на женщин. Они, тоже не

выдавая тайну пропажи девочки, с любопытством разглядывали мужа Марии. От смущения Степан потер ладони о колени, не зная, куда их приложить или применить.

– Мария, мне надо идти. Посидел бы еще, но дела поджимают. Да и вам надо отдыхать. Попытаюсь завтра забежать, извини, если получится. – Степан Петрович встал, отставил в сторону стул. – До свидания, женщины.

Он вышел из палаты, а Мария укрылась с головой одеялом и дала волю слезам.

– Нет, женщины, что-то случилось, он далеко не тот мужчина, чтобы показывать свое дряблое здоровье.

В палату вошла санитарка с ведром, полным воды, и со шваброй. Она посмотрела на Марию.

– Ты чего хнычешь, или с дочкой что? – Санитарка поставила ведро на пол, приступила к влажной уборке. – Эх, девчата, мне бы вместо вас здесь полежать, да ребёночка тоже родить.

– У вас нет детей что ли? – с подозрением спросила Мария санитарочку.

– Бесплодная уродилась, где уж мне их взять. А теперь уж и годы не позволяют об этом мечтать. Как хорошо бы иметь родню в старости...

– Ты бесплодная, а у неё ушла дочка ещё до венчания. Считалось раньше: дочь – отрезанный ломоть от родителей. Вот она сразу определила свою судьбу. Весь персонал на ноги поставила, пять часов ищут.

– Ты, чего мелешь? Как это ушла?

Санитарка работала шваброй под кроватями. Вдруг швабра упёрлась во что-то мягкое. Наклонившись, санитарка увидела свёрточек из детского одеяла роддома.

– Господь с тобой, кукла ты моя! Тебя ищут, как это тебя угораздило убежать от матери. Весь роддом на ноги поставила? Ух, ты, обмочилась, мокрющая-то, а ей хоть бы хны. Выносливая будет баба. Гляньте, бабы, девчонка, завернутая в одеяльце, лежит под кроватью, и наяривает свой кулачище. Ей богу в жизни выход найден будет в любой ситуации, Ей-богу, голодной не останется!

В палате рожениц все засмеялись, санитарочка всем подняла настроение. Вошла дежурная медицинская сестра. Увидела в руках санитарки ребенка. Подошла ближе, с улыбкой посмотрела на девочку. Лежащая на соседней кровати женщина встала, взяла у санитарки ребенка, положила на кровать Марии. К ней подошли еще две женщины. Все дружно приступили к пеленанию. Довольная старшая медсестра легким шагом подошла к дверям палаты и выглянула в коридор. Подозвала младшую медсестру, приложила указательный палец к губам.

– Пропажа нашлась, тихо вы, товарищи, пропажа-то никуда не убегала.

В палату зашли главврач, акушерка, медсестра, санитарка роддома. Все поздравили мать со счастливым завершением поиска.

– Кто её нашёл? – спросил главврач.

– Санитарочка, – Мария довольно прижала дочку к груди.

– Вот кто производит тщательную уборку. Все щели промывает, и даже ребёночка выскребла. Молодец, Галина Иннокентьевна, молодец!

– Обещал прийти на следующий день, но почему-то не приходит. – Спрашивает рожениц.

Через два через два дня опять пришёл муж Марии.

Степан сел у кровати жены и с интересом посмотрел на дочь.

– Очень симпатичная девочка. Спокойная, видно, будет? Вся в мою маму и похожа тоже на неё. Ну, прямо как две капли воды, – душу и сердце Степана переполняли эмоции, краски заливали его лицо от восторга.. – Спасибо за дочку, Марьюшка, спасибо тебе, родная. А сын у нас ещё с тобой будет, – он говорил, будто сожалел о чём-то. – Будут, родная, как грибы после дождя. Какие ещё наши годы? – Рядом с Марией на кровати тихо спал завернутый в пелёнки ребенок.

– Прямо так уж на твою мать! А моего ты в ней ничего не находишь? Нет?

– Пока отставим эти пререкания. Она всего лишь маленькое существо. И рассмотреть схожесть черт лица пока невозможно. – Мария поправила одеяльце на дочери. Поцеловала. Довольно улыбнулась тому, что дочь её рядом под самым сердцем и, кажется, никуда не убегала от матери.

Тем временем Степан настраивал себя сказать очень важное и страшное и боялся испугать женщин своими новостями.

– Ты, что-то хочешь сказать Стёпа? – увидев перемену в лице мужа, спросила Мария.

– Да, хочу сказать, вам всем, женщины. Война, Мария! Ты слышала, объявили по радио. Германия напала сегодня. Украину долбят. Ах, мать их ети-то. Придётся тебя отправлять в Сибирь.

– У нас в родовом отделении нет радиоприёмника. Тебя, Стёпа, заберут на фронт?

– Заберут, Мария, я не святой. Отправлю к Евдокии Афанасьевне, в Сибирь, чтоб душа была спокойна за вас. Посажу в вагон и на фронт. Сам подам рапорт, чтобы забрали, бить их надо, гадов, – женщины сидя на кровати, вытирали слезы платочком. Одна из них стояла у окна, задумчиво глядя на улицу. Вторая роженица вдруг неожиданно завыла по-волчьи.

– Вот тебе и примета, навалить на руку ни с того, ни с сего. К худу, бабы, к худу всё это, – медсестра, поддерживая разговор рожениц, протёрла стол и поставила графин с питьевой водой. – У этой роженицы муж и брат служат на самой границе. Как же ей не завуть?

Во дворе роддома на скамейках сидели женщины в цветных халатах, разговаривали с мужчинами, вытирая слёзы. Медсёстры озабоченно подошли к палатам рожениц, тихо приглашая по фамилиям для прохождения процедур. Санитарки

носили посуду с готовыми продуктами питания к ужину.

– Тебя когда выпишывают, Мария? Ты бы спросила, не то, не ровён час, можешь остаться здесь одна без моей поддержки. Вдруг не сегодня завтра принесут повестку?

***

– Ну, женщины, прощайте, может, ещё свидимся, – Степан бережно прижимал к груди тёплый комочек живого существа. Роженицы, породнившиеся в родильном отделении, обнимали друг друга, не пряча и не скупясь на слёзы, и через полчаса Степан Петрович, собрав пожитки Марии, увёл её с собой.

Через два месяца на железнодорожной станции Степан провожал Марию. Помахал рукой через стекло, прижимаясь близко к стеклу вагона.

– Осторожно, не зацепило бы тебя вагоном, – Мария, не сдерживая огорчения, плакала.

– Вот ведь, как оно бывает; даже ночки не выделил – женой полюбоваться, – Степан, не стыдясь, тоже вытирал слезы внутренней стороной кепи. – На тренировочном стадионе пробыли всё время, жёнушка...

– Я буду ждать тебя, Стёпа, и дочка тоже будет ждать. Я люблю тебя, Стёпа. Береги себя ради нас.

– Я тоже вас крепко люблю. Поцелуй за меня дочку. Не успели даже имя ей дать. Ну, что ж, прощайте мои милые. Господь даст, еще свидимся. Я пойду – времени в обрез. Так начальство моё распорядилось...

Степан Петрович помахал рукой. Он уходил, а Мария тянулась всё ближе к окну, чтобы как можно дальше проводить глазами мужа. Да слёзы заслоняли всё, как бы ни старалась она протереть платочком глаза. Не получилось. Мария упустила из виду мужа. Она ещё горше того начала рыдать. В вагоне была суета. Пассажиры укладывали вещи, Не разбирая свои или чужие, наступали ногами или переступали, чтобы как можно быстрее захватить свободное место. Путь на восток – не ближнее место, шесть тысяч километров подальше от войны. Напротив Марии женщина покопалась в вещмешке, доставая трехлитровый бидон.

– Пожалуйста, посмотрите, за вещами Я сбегаю за кипятком, пока поезд стоит, еще не давали сигнал отправления.

– Какой там кипяток! – громко закричал на весь вагон пассажир, – тут места надо занимать, а вы за кипятком?! Не сумеешь вернуться, как вороны налетят. В соседнем районе всё наповал разбито немцами.

– Нет, женщина, лучше вы подержите мою дочку. Давайте я сбегаю. Я моложе вас. – Мария Григорьевна вышла из вагона, перебегая железнодорожные пути, ища глазами мужа. Вдруг железнодорожник ударил в колокол. Состав пришел в движение. Мария торопливо налила из крана в бидон кипяток, оглядываясь, не ушёл ли её состав. Неожиданно в воздухе послышался гул. На состав с оглушительным свистом и грохотом посыпались смертоносные груши. В вагоне

паника: слышны крики, стоны. Со звоном вылетали стёкла из окон, а незнакомая женщина с Марииным ребёнком на руках то и дело поглядывала в окно, еще не задетое вражеским снарядам. Она то и дело шептала и крестилась:

– Господи, спаси и помилуй нас, – пассажиры выскакивали из вагонов. Женщина, одной рукой держа ребёнка, другой продолжала осенять себя перстами. Она с ужасом смотрела на небо.

– Это ни дать ни взять они! Это фашисты! Что же вы, гады, творите то? Али креста на вас нет, мать вашу эти-то? – Не щадя себя, она стучала кулаком в грудь и грозила мощным кулаком в сторону немецких самолётов.

Марию оглушило. Она не понимала, что происходит. Увидела только, что ее вагона на прежнем месте нет, а сохранившийся впереди паровоз и часть вагонов медленно двигались и скрывались из виду, увозя эвакуированных на восток. Поднимаясь по интуиции, Мария бежала с бидоном по шпалам, бережно сохраняя кипяток, который уже давным-давно остыл. Запыхавшись, она перепрыгивала через доски разбитого вагона. Упала, запнувшись. Опять встала и опять побежала, не понимая, что происходит. Следом шел второй состав. Мария опять упала, и не спешила подниматься.

– Всё пропало. Вся жизнь прахом пролетела! К чему тогда и я буду коптить белый свет? Пусть давит к чёртовой матери!

Паровоз остановился, её подняли под руки, отвели в сторону. Машинист дал свисток и продолжил путь на Восток. А маленький свёрток копошился в своём одеяле в копне. Рядом с ним лежал раненый солдат. Он стонал. Девочка, раненная осколком в левую щёчку, смотрела широко открытыми глазами на карусель смерти. Глотала и, захлёбываясь собственной кровью, продолжала временами сосать кулачок и жестоко царапать себе лицо. Солдат тяжело поднялся, взялся за голову, шатающей походкой подошел к свертку, наклонился над ребенком.

– О, господи! Откуда такую крошку сюда занесло? И тебя не пощадила костлявая злодейка. В первые дни войны, видно, и в первые дни жизни – боевое крещение! Где же твои родители? Что теперь прикажешь мне с тобой делать, святое создание? – солдат осторожно вынул маленький осколок из щёчки ребёнка.

– Не подсматривай, мал ещё, за взрослыми подглядывать. Сейчас обработаю твою рану собственной мочой. Правда, говорят, учиться у родителей всегда есть какая-то польза в жизни. Как учила мама, так и я тебя стану лечить, – пока солдат обрабатывал рану из личного крана горячей мочой щеку маленькой знакомой, сам он про свою боль совсем забыл.

– Так, видимо, слегка зацепило, марганцовки не хватило, себя обработаю следующим разом, как ёмкость найдётся, – подумал он. – Терпимо, до свадьбы, авось, заживёт.

Тут солдат увидел недалеко отброшенный взрывной волной фанерный чемодан. Он подошел к чемодану и открыл его.

– О! Да мы с тобой живём, парень! Здесь лежат все нужные женские вещи. Женщина и в Африке женщина, всегда знает, что с собой в дорогу прихватить. Сейчас мы с тобой определим: что кому подойдёт в первую очередь, – солдат надёялся, что найдёт что-нибудь стерильное для пацана. Достал из чемодала некоторые из вещей, потряс их от пыли. Порвал платье, перепеленал ребёнка поверх тех пеленок, в которые тот был завернут, осторожно по-отцовски.

– Вот бы не подумал, что придётся проходить курсы молодого отца, а тут нате вам с кисточкой, явились, не запылились. Сюда бы ещё девушку, какую вроде матери. Втроём-то бы легче и веселее справляться, – головная боль всё сильнее напоминала солдату о себе. Он сел на землю подле стога, взялся руками за голову. Помотал головой, тихо застонал.

– Время не терпит, война считает минуты, надо подниматься и идти, – он взял ребенка на руки, шатающей походкой пошёл в сторону военного эшелона.

– Слушай, мужик, что ты кряхтишь, или я тебя неловко прижимаю? Стоп, подожди-ка, сейчас я тебя посмотрю, может, ты обмочился? – солдат развернул живую ношу, рассмотрел пелёнки.

– Прости, меня дочка, что ж это я так расхлябался то, а? Не догадался даже познакомиться, с кем имею дело. Вижу лицо, думаю, ну и ладно, господь с тобой,

какая-никакая, а живность всё же. А тут гляди на неё, живой будущий цветок. Только умело поливать тебя надо и ухаживать. Ну да ладно, врага победим, а там посмотрим, что с тобой делать. Тебя покормить бы надо, да, к сожалению, нечем прости уж меня, Я не готов к такому повороту. Я сам ещё только-только солдат строевой Армии, что прикажут, то и делай. Знаешь, что? Давай-ка познакомимся сначала. Меня зовут Степан, а тебя? Надо поискать в твоих ремугах записочку, чья ты и откуда, – Степан покопался в пелёнках девочки, переложил её в найденные женские вещи. И среди них нашел бирьку с надписью: вес ребёнка, год, месяц и день рождения.

– Ого, весом не обделил тебя господь бог, видать и родители не из мелкосортного калибра. Три килограмма семьсот грамм, представляю, вырастешь с мой рост – тоже неплохо будешь выглядеть. А звать-то вот тебя почему-то не назвали мою крошечку. Какое бы ты хотела имечко иметь, а, Варвара? – У солдата самопроизвольно соскочило с языка это имя.

– Прости, я не хотел тебя обидеть, ты не ревнуй меня. Ты мала ещё об этом думать, поняла, нет? Тебе годков то, поди, месяца три или как? – девочка, как будто что-то понимая, после каждого вопроса солдата как бы скромно прятала своё личико в окровавленные пелёнки и одеяльце, то и дело крутила головкой в разные стороны и улыбалась со словом «агу».

– Вот тебе и «агу», Варенька, когда научишься говорить по-русски? Всё «агу» да «агу». Ладно, перепеле-

нал, а теперь пошли. Только стоп, надо остатки вещей забрать, тебе на вырост пойдут. Она ведь, матушка-война не спросит, где доставать, а у тебя уже готовое приданное. Я там присмотрел в чемодане такое красивое платье, какая-то дамочка выкинула вместе с чемоданом. Чемодан-то я брать с собой не буду, в вещмешок не уместится, слишком тяжёлая ноша будет для нас с тобой, а вот барахлишко-то всё заберём. Так, нет? Агу?

Солдат собирает вещи, а в вещах обнаружил бумажный свёрток с ржаными пряниками и поллитровую бутылку с водой, надёжно с закупоренным горлышком.

– Варька! – закричал солдат от радости на всё пространство между небом и землей.

– Живём, Варька, живём, Варенька! Теперь живы будем, не помрём! Я тебе сейчас, как мама моя делает, сооружу соску из ржаного пряника, – Степан нашёл недалеко от чемодана новую консервную банку из-под тушёного мяса. Замочил небольшой кусочек пряника. Завернул жидкий пряник в кусочек трофейного материала, перевязал солдатскими нитками и сунул Варьке в рот.

– На, ешь! Правда, не мамкиным молочком пахнет, голод не тётка, всё пойдёт подчистую. Бедная, сколько хоть лет-то тебе девочка? Ещё и году не прожила, а горяхватила под завязку. Ну, вот если б я на тебя не наткнулся, а, что было бы с тобой? Сколько ещё хлебнёшь, милая, ты моя. – Степан опять схватился за голову руками.

– Как же быть то мне теперь с тобой, а вдруг и меня в дороге схватят гематомы? Куда я тебя дену? Жаль мне тебя, неизвестно, в какие руки попадешь. Ладно, у меня ещё есть время отпуска, может, управлюсь за короткий срок. Дойду до военкомата, продлю отпуск, если дадут такую возможность, и в детском доме тебя оставлю, чтобы сердце за тебя не болело.

Степан сошёл на платформу с ребёнком в руках. Узнал, в каком районе есть детский дом. Ему дали адрес детского дома в селе «Таёжный».

– О! На ловца и зверь бежит, – с радостью воскликнул Степан.

– Вы ко мне обращаетесь, мужчина? – спросила проходящая мимо Степана девушка.

– Неет! Я со своей дамой разговариваю.

– Что в узелке находится? – Удивлённо спрашивает девушка.

– А, что с ней нельзя договориться, как вы думаете? Через неё только и добьёмся, чего захотим. Кстати, вы не скажете, где находится детский дом?

На стене детского дома огромными буквами было прибито: «Детский дом «Янтарный». Солдат открыл калитку территории детского дома, подошел к входной двери, оставив вещи подле главного входа. Нянечка по длинному, светлому коридору сопроводила его к кабинету заведующей.

– Вам уважаемый, товарищ, вот сюда, к ней. У вас тоже на фронте жену убило? Да? Как жаль, как жаль до боли костей, жалко молодых парнишек, да ещё с

дитём на руках. Она возьмёт вашего ребёнка, обязательно возьмёт. У нас здесь десятки таких горемычных сирот.

Сотрудница детского дома постучала в большие, оббитые чёрным дерматином двери кабинета. Открывает двери. Оба вошли в кабинет с большими окнами и высоким потолком. Напротив окна стоял большой письменный стол с графином и водой, заваленный документами. На краю стола стояла настольная лампа. У правой стены был диван. У левой стены – шкаф с книгами. Лицом к окну стояла заведующая детским домом, Маргарита Ивановна, стройная женщина, с вьющимися волосами до плеч. Женщина повернулась к вошедшим. Нянечка детского дома, увидев, что молодой человек смущён и растерян, начала говорить за солдата.

– Маргарита Ивановна, еще ребёнка привезли...

Маргарита Ивановна подошла к письменному столу, села в кресло, достала бланк документа. Посмотрев на солдата, предложила ему присесть на стул возле письменного стола.

– Будем оформлять ребёнка на приём в детский дом? Кто вы? Откуда ребёнок прибыл? Как зовут ребёнка? – Степан подошёл к рабочему столу заведующей, сел на стул, бережно прижимая к груди свёрток. Нежно посмотрел на девочку. Ребёнок посмотрел в ответ широко открытыми глазами, улыбнулся, зевнул широко открытым ротиком.

– Что, Варенька, примут нас здесь, как ты думаешь?

– Мы пока ещё никому не отказывали. Та-ак, вашу дочку Варенькой зовут? Как ваша фамилия, папаша?

– Вы меня загоняете в угол, уважаемая Маргарита Ивановна, я не знаю ничего о ней. Расскажу, как всё происходило, и откуда у меня на руках оказалась Варька. Вот вещи я прихватил попутно, там, у стога сена, для её будущего.

– Вас-то как зовут? – спросила Маргарита Ивановна.

– Степаном зовут.

– А фамилия как ваша? – Степан показал документы из военкомата. Заведующая детским домом торопливо записала данные солдата.

– Хорошо, оставляйте свою дочку, а мать-то её как зовут?

– Нет у неё больше матери. Погибла она в этой же бомбёжке, а эта альбатрос уцелела. Летела, как ангел, а упала, как чёрт – в старую копну сена, в том, видимо, её счастье и было, остаться в живых. Ожидали отправлений эшелонов на восток на станции под Ленинградом. На железнодорожной станции стояло несколько составов. У одного состава были выставлены военные караулы. Я, солдат с карабином за плечами, стоял у крайнего вагона. Ничего не предвещало, вдруг в воздухе послышался гул моторов. На нас упали свинцовые груши. Кто из караула попрятался в укрытия, а кто стрелял по самолётам из карабинов. Недалеко от меня бомба упала, я получил ранение. После этого мне дали увольнение на десять дней.

– Вас тоже надо обработать, товарищ.

– Вы обо мне не беспокойтесь, лучше девочку осмотрите, она вся в крови засохшей. Мочой её сам обрабатывал по старинке, по методу мамы.

– Немедленно девочку в лазарет детского дома! – приказала Маргарита Ивановна. – Что с ней? Серьёзное что-нибудь?

– Осколок в щеке находился, я его осторожно вытаскивал. Наверное, языком будет плохо ворочать. Другого я ничего не мог с ней сделать. Жива, здорова? Ну, и слава богу! Спасибо и на этом, за скорую медицинскую помощь.

Степан словно вновь родился от приятного общения: с Варькой ничего плохого не случилось.

– Ну, и дальше что было, рассказывайте Степан.

– Дальше?

– Конечно, дальше рассказывайте!

– На железнодорожной станции вагоны трясло как в лихорадке; повсюду разрушения. Горят разбитые вагоны. Летят по сторонам доски, облицовка от вагонов, лежат трупы военных и гражданских. Санитары бинтуют раненых. А какая-то женщина с бидоном в руках орёт: «Кипяток не разлейте, кипяток не разлейте!» Ей помогают сойти с рельсов, а она одно кричит: «Жить не хочу, где моя дочка!», и всё тут. Память, видно, вышибло от взрывов бомб. Неподалёку от военного эшелона был старый стог сена; я не помню, как оказался в стогу или в копне, не знаю, как её называть. Прихожу в себя, тяжело поднимаюсь, еле-еле

стою на ногах, а голова совсем не моя. Хочу понять, где я нахожусь: оглядываюсь по сторонам, вижу, рядом в копне, копошится маленький свёрток. Почти подползаю к свертку. Гляжу, ребёнок. Ну, думаю, слава богу, теперь мне одному скучно не будет. Я осмотрел девочку внешне, надеялся, что это пацан, по характеру – спокойная была. Раненая, а спокойно смотрит широко открытыми глазами на карусель смерти. Захлёбывается кровью, сосет кулачок. И как это она не захлебнулась? – солдат вытащил из нагрудного кармана осколок. – Вот видите. Есть основания мне не доверять?

– Я разве дала повод к недоверию? Я очень внимательно слушаю и думаю, как же мой там солдат воюет. Наверное, тоже приходится несладко, находится где-то в такой же перепалке.

– Разве бывает на войне кому-нибудь сладко? – В недоумении спросил Степан заведующую детским домом. – Ну и дальше слушайте: Стоит другой военный эшелон. Я с ней на руках, неприятное ощущение контузии, подхожу к офицеру. Офицер с улыбкой смотрит на ребёнка. Объясняю, как всё случилось. Он мне показывает комендатуру. Я там получил отпуск дополнительно, а в это время с Варькой водились и кормили её санитары. Достали молоко на дорогу в банках со сгущённым молоком. Пряники на всякий случай мы с ней не выкинули. Она так прелестно их сосёт через марлечку. Санитарки так подсказали, то есть мамин метод более усовершенствовали

по стерильности, я имею в виду. Таким, способом мы до вас и добрались, а в дороге-то ещё много желающих нашлось помянчиться с Варькой. Поначалу я решил было, а не поручить ли какой женщине Варьку? И в то же время думаю, нет, в детский дом надёжнее будет, и будет с кого спросить.

Солдат сидел на стуле с ребёнком на руках в ожидании, когда заберут Варьку. И в то же время от его волнения из-за расставания с названной дочерью боль в голове сказывалась всё сильнее и сильнее. Со стоном он положил девочку на диван, взялся за голову. Маргарита Ивановна сидела за рабочим столом, работая с документами, и вдруг неожиданно выскочила из-за стола, бросая ручку с пером на пол.

– Вам плохо, солдат? Вам плохо? – солдат не слышит.

Сотрудница детдома в это время унесла Варьку в лазарет детского дома. Там её осмотрели и передали лечащему врачу.

– Ничего, жить будет, – успокоил хирург нянечку, которая принесла ребёнка в хирургическое отделение детского дома «Янтарный».

– Не мешало бы осмотреть солдата, – предложила нянечка хирургу.

– Что с ним?

– Наверное, в коме он теперь. Упал подле дивана, в кабинете Маргариты Ивановны.

– Немедленно к солдату! – скомандовал хирург. Хирург зашел в кабинет заведующей. Солдат сидит,

как ни в чём не бывало рассказывает происходящее с ним и Варькой.

– Немедленно на обследование! – приказал хирург.

– Товарищ доктор, мне нельзя, меня там ждут.

– Да меня под расстрел подведут, если я отпущу раненого солдата, вы это понимаете или нет?! Под расстрел! Я тоже воинскую присягу давал. Так что немедленно в палату на десять дней на обследование.

– Как же я без документа вернусь? Чем оправдуюсь за опоздание?

– Какое оправдание, возможно, по состоянию здоровья тебя комиссия спишет?

***

По истечении нескольких дней Маргарита Ивановна и сотрудники детдома внимательно слушали продолжение рассказа солдата.

– Хорошо, что был в карауле по охране военного эшелона. Сюда, на Восток, везли оборудование эвакуированного завода, а отсюда груз для фронта. Командир отпустил ненадолго, чтобы ребёнка сдать в детдом. – Солдат поднимается со стула, подходит к столу заведующей.

– Вот пока сам находился на ремонте, снова по памяти записал её досье. И на её ручке бирка должна быть: вес 3,7 кг, длина 49 см, рождена 11 июня. Какого года не понятно: дальше написанное оборвано осколком. Имя: Варенька, сам дал, отчество Степановна.

В кабинете заведующей сидели медики и снова задавали тот же вопрос:

– Солдатик, а звать то тебя как? – как бы проверяя его состояние на память.

– Степаном меня зовут. Я уже говорил вам об этом. Некогда мне. Приеду – заберу её к себе.

– Кого вы заберёте? – спросил хирург.

– Как это «кого»? Моё сокровище, нет у меня, кроме неё, больше никого на белом свете! – Степан вытирает глаза пилоткой.

– Только глядите мне за ней в оба, слышите?! Глядите в оба за альбатросом! Мне больше нельзя задерживаться. Опоздание будет считаться дезертирством. Ну что, Варюха-горюха, прощай! – он помахал непонятно в какую сторону, – может, свидимся ещё. Раста большой умницей, – солдат прижался лбом к стене кабинета, плача навзрыд.

– Ну-ну, будет солдат, будет. Живая и сохранна будет твоя дочка, поверь мне, старому хирургу. Был бы я молод, тоже бы здесь не задержался. Спасибо вам, хлопцы, спасибо! Всем от меня передавай спасибо за вашу стойкость перед врагом. Главное, не трусь, и вперёд на врага напролом.

Хирург отдал документ о присутствии солдата на лечении.

– Вот тебе оправдание, только не потеряй, слышишь?

– Я пока находился на лечении у вас, написал кое-что. Вот оставляю свои записки о поезде и вообще

о том, что произошло с нами. Пусть останется ей на память на всю оставшуюся жизнь, и пусть она не поминает меня лихом, если, что... – Солдат оправил ремень, попрощался с сотрудниками детского дома.

– Они у меня получают! Спасибо за поддержку медицинским работникам, если бы не вы, наверное, хана мне была бы. Спасибо и Вареньке за её участие в моей жизни. – Степан вышел из кабинета, не скрывая слёз.

И вот ведь как судьба распорядившись, преподносит сюрпризы, как природе, так и людям, не разделяя никого друг с другом в целом. Они могли встретиться и могли передать эстафету сокровища людского из рук в руки. И кто может знать теперь чей это ребёнок, Варька?

***

Ясный летний день, печёт солнце. Вдоль колосистого ржаного поля, по грунтовой неровной дороге шла Мария Григорьевна, за плечами у неё был мешок. Лицо удрученное, уставшее. Губы потрескавшиеся. Навстречу шла лошадь, впряжённая в телегу. Мария Григорьевна, посторонившись, прижалась ко ржи. Уступила дорогу гужевому транспорту. Управлял лошадью подросток. Лицо подростка было не по годам возмужавшим. На его лице угадывалась усталость. Подросток хлопнул ладонью по широко открывшемуся рту.

– Фу, ты! Один рот, и тот дерёт. До осени весь разорвёт. Тетенька! Видно, ты смелая; одна идёшь.

Всякий народец здесь теперь бродит. Смотри, волки в этой местности появились, Я бы воротился и подвез бы до деревни, да вот беда-то какая, председатель заставил срочно ехать на полевой стан. Стало быть, дельце неотложное. Ты тут присядь у дороги, я тебя увижу и подберу на обратном пути, правда, осталось всего одна верста. Повозка проехала мимо с грохотом, оставила за собой облако пыли. Мария Григорьевна смахнула с лица пыль, чихнула, вышла на дорогу. Она, оборачиваясь в след ушедшей повозки, стояла какое-то время, о чём-то думала. Потом, повернувшись в сторону села, пошла дальше.

На расстоянии версты стало видно село, окруженное широкими ржаными полями. За полями виднелись могучие стройные сосны, изредка стоявшие вперемежку с молодыми березками. Женщина устало перекинула тяжёлый мешок с одного плеча на другое. Снова обернулась, с грустью посмотрев вслед уходящей повозке. Превозмогая недомогания в теле и тяжесть усталости, она еле-еле различала впереди себя широкую улицу, а вдоль улицы деревянные дома – крыши покрыты тёмсом, окна средней величины. Дома из лиственничных брёвен выглядели массивными, старыми. У некоторых домов были двухметровые деревянные ворота. Ничего этого женщина не воспринимала. Обрадовавшись появлению людей, она чему-то улыбнулась. У одного дома сидели на лавочке две старушки, щелкали семечки. Перед ними на траве играли их внучата, года по три-четыре.

Мария Григорьевна остановилась неподалеку от детей, посмотрела на них с грустью в глазах. Старушки на лавочке внимательно изучали незнакомку, отправляя в рот семечки. Дальше между дорогой и домами дети постарше играли в лапту. Навстречу Марие шли женщины, о чем-то разговаривая. У одних женщин – косы, у других женщин – деревянные грабли. Третьи несли узелки с провизией, за ними бежали ребятишки лет по семь-восемь. Мария остановила женщин.

– Здравствуйте, женщины. Скажите, где я могу найти Мезенцеву Евдокию Афанасьевну?

Женщины с большим желанием наперебой показали руками, как пройти к дому Евдокии Афанасьевны. Мария поблагодарила женщин и пошла дальше по дороге. А женщины встали вполоборота и смотрели вслед уходящей.

– Видно, женщина не местная, не из соседних сел, и говорок – от не нашего ума, а вот надо же, все к Евдокии в первую очередь прутся, – сказала полушёпотом одна из них.

– А то как же, кто Евдокию не знает. Видно, по слуху всех эвакуированных, как на мёд тянет.

– Война, бабоньки... У неё заезжай двор-от, видать, где-то стрелкой обозначено место первой остановки. Разлевет она хушь кому-то отказал? Она всех примат, добрая баба, – сказала третья работница с граблями.

Женщины с сожалением смотрели на Марию, качая головой. Потом повернулись и молча пошли дальше. Мария подошла к добротному дому.

Сердце её заколотилось, словно холодец. Она на какое-то время остановилась, прижимая руку к сердцу:

– Найду ли я свою крошку? И где мне её теперь искать? Вот уже восьмой детский дом обхожу за сотни тысячи километров друг от друга. Как примет меня эта женщина? А ну, если Степан написал уже ей письмо сразу после ухода на фронт, что, я могу сказать в оправдание перед его тёткой?

Цветы победителям

Игорь Летунов

9 Мая пожилые люди в военной форме и просто празднично одетые с орденами и орденскими планками и с цветами в руках. Тюльпаны, гвоздики ... и как правило красные, алые. Все это – знаки благородной памяти ныне живущих.

По мере приближения этой замечательной даты – «Победы над фашистской Германией» мне, непрофессионалу-корреспонденту, вспомнилась просьба при разговоре в одной из редакций города Тамбова: «Нужна статья о ветеранах Отечественной войны».

Замечательный мартовский весенний день привел меня на предприятие, где еще недавно пришлось работать. Отдел кадров завода «Ревтруд».

– Кого из ветеранов, – обратился я к начальнику «Военно-паспортного стола», – Можно посетить? – И изложил цель моего намерения.

– Завадская Светлана Вячеславна, – только получил ответ.

Но встреча с Завадской осталась как нельзя важна. У нее оказался полный перечень ветеранов Отечественной войны завода «Рувтруд». И на мою просьбу она незамедлительно назвала первую попавшуюся фамилию: Колодин Михаил Николаевич и позвонила ему, не возражает ли против встречи. И хотя было возражение, что он не такой уж героический, а обычный рядовой войны и предложил встретиться с другими ветеранами:

Мельтник Василий Афанасьевич или Серегин Михаил Иванович. Но все-таки дал согласие на встречу. Ну а на его возражение Завадская ответила, что обязательно напишем и о других ветеранах со временем.

На пороге дома встретил небольшого роста, но крепкого телосложения с сединой, которая подчеркивала его почтенный возраст, человек.

– Колодин Михаил Николаевич?

– Да, – получил утвердительный ответ.

В разговоре он оказался хорошим собеседником, и хотя напоминал о своем не героическом прошлом. Разговорились.

– 24 сентября 1925 года рождения, – сообщил он, – как видишь возраст совсем не для войны. А все-таки в ноябре 1943 года военкомат направил меня на курсы подготовки водителей... В 17 лет... А в это время у меня уже имелось удостоверение водителя. Поэтому прямиком отправили в армию, но только не на фронт, а вначале в запасной полк, где проходил курс молодого бойца.

– Как долго? – Поинтересовался я. – Полгода, как в сегодняшней армии?

– Да месяцев 5 – 6 .

Колодин задумался... Было видно, что вспоминает давноминувшие дни. Сожаление и некоторая гордость за прошедшие годы промелькнула на лице. Он продолжил рассказ.

– В августе-сентябре 1944 года был направлен в состав 1-го Украинского фронта 3-й Гвардейской

танковой армии 9-й мехкорпус 3-й батальон автоматчиком.

«Хорошая память», – подумал я. В подтверждение он назвал фамилию командира бригады – Летвинов, а своего непосредственного командира Криворученко.

– Кстати, командующий танковым соединением являлся прославленный П.С.Рыбалко.

Часть располагалась рядом с городом Салдомер и находилась на отдыхе. Поэтому курсы подготовки для вновь поступивших на фронт продлились.

***

Позже, придя домой, я сопоставил некоторые факты и оказались некоторые совпадения исторического момента, когда призывался на фронт Колодин, как и многих его сотоварищей по оружию, с теми замыслами военначальников и руководителей держав, которые были отражены в ряде документов Великой Отечественной войны.

В своих воспоминаниях маршал Г.К.Жуков пишет о сражении за Украину:

«Новый план освобождения Киева и развития наступления на Коростель–Эитомер–Фастов был представлен на утверждение Верховному. После рассмотрения в Генштабе и увязки с Центральным фронтом план был утвержден.

25 октября начала осуществляться перегруппировка 3-й Гвардейской танковой армии с Букринским плацдарма. Ей предстояло совершить путь около двухсот километров вдоль Днепра, а это означало –

вдоль фронта противника. На наше счастье, погода была нелетная, и авиационная разведка противника во время перегруппировки почти не действовала».

15 ноября 1943 года И.В.Сталин в секретном послании премьер-министру г-ну У.Черчиллю благодарит «за поздравления по поводу наступления советских войск, которым приходится сейчас выдерживать большой напор западнее Киева, куда немцы подбросили свежие силы и танки».

***

На мой вопрос: «Ваше первое боевое крещение?» – Колодин рассказал о местечке поместья Фольверк в Польше, где подразделение остановилось на ночлег.

– Пришли поляки: «Пановье, просим помощи». Однако время было позднее и командир отдал приказ выставить посты и отдыхать.

Утром, после сообщения от постовых, которые заметили немцев близ перелеска и небольшой деревни, где они пьянствовали и насиловали женщин, командир отдал приказ расположиться цепью и залечь перед Фольверком. Обнаглевшая пьяная толпа немцев, бранившихся, ведя бесприцельную стрельбу все приближалась.

Подпустив неприятеля, автоматчики ответили прицельным огнем, что породило замешательство в фашистских рядах. Те залегли. Началась перестрелка... Плотный огонь с обеих сторон не позволял предпринять никаких действий, как с одной, так и с другой стороны в течение полутора часов.

Рядом с Колодиным старшина встал и лишь крикнул «Ура», чтобы повлечь за собой бойцов, был сражен вражеской пулей. Однако другие бойцы дружно подхватили и ринулись в атаку. От этой неожиданности банда фашистов оказалась в замешательстве и бросив оружие, подняли руки с возгласами: «Гитлер капут!».

Пленены были большинство из группировки. Тут подошел поляк и жестами показал на сарай. Тогда командир отделения, взяв с собой несколько человек, в том числе и Колодина, поспешили в указанном направлении.

Командир приказал бойцу открыть дверь и с остальными ворвался внутрь. Однако перед входом валялся убитый немецкий генерал, а второй без сопротивления поднял руки.

В комнату вошла супруга Колодина. – Светлана Ивановна Колодина», – представил ее супруг. Женаты с 1954 года, так что скоро золотая свадьба. Та кратко напомнила, что нужно идти за внучкой в детский садик.

– Да, пожалуйста, – согласился я. – Можно покороче.

– Кстати, – добавил он. – Я и моя жена всю свою трудовую жизнь посвятили одному заводу «Ревтруд», на котором я начал работать с 1950 года во 2-ом цеху рабочим, окончил 2 института и на пенсию ушел в должности начальника производственно-диспетчерского отдела. Моя жена попала на «Ревтруд» по распределению из Саратовского университета.

Колодин продолжил рассказ.

— Уже в Германии в феврале месяце 1944 года, тогда моя служба продолжалась в другой части в качестве водителя американского «Форда» и обеспечивал войсковые подразделения боеприпасами и продовольствием. Но с автоматом ППШ не расставался, он всегда был со мной в кабине. Так вот, нужно было с лейтенантом Олейник Дмитрий Гаврилович прибыть в штаб корпуса и уже по возвращении в штаб полка в районе Явора неожиданно сообщили, что на обратной дороге немцы. Решил ехать по другой и тоже небезопасной ... Выбрали третий маршрут. И, если вначале было все благополучно, то ввиду сумрачного времени, неожиданно на дороге обнаружилась банда немцев в серой камуфляжной форме.

И только считанные секунды решили все, когда нужно было развернуться на машине и на скорости оторваться от наседавших фашистов... По прибытии в полк, в бортах и кабине машины оказалось довольно много пробоин.

Михаил Николаевич встал и принес открытки.

— Мы и сейчас поддерживаем связь. Однополчане, конечно. Обычно к 9 Мая переписка, поздравления, — и показал открытку. — Вот он и есть, зам. Председателя комитета ветеранов войны 3-й Гвардейской танковой армии. — Подпись: Олейник — под поздравлением Президиума Киевского Совета ветеранов войны 3-й Гвардейской танковой армии, — тот самый, что был со мной в грузовике под обстрелом.

– Судьба все–таки. Проходили как–то с боями город Опель, вспомнил, что здесь был в плену мой отец Николай Елизарович во время 1–й Мировой войны. Вот и получилось, что по той же хожу земле вдали от Родины, что и мой отец когда–то.

***

Уже дома, листая книги, попалась на глаза работа военного корреспондента газеты «Известия» Виктора Полтавченко. Об этом времени он пишет: «В феврале 1944 года войска 1–го Украинского фронта после зимних упорных боев под Житомиром и Корсунь–Шевченковским правым крылом продвинулись далеко на волюнь и овладели городами Луцк, Ровно, Здолбунов.

В Ровно находилась резиденция гитлеровского наместника во временно оккупированных областях Украины рейскоммисара Эрика Коха, стяжавшего недобрую известность массовыми убийствами грабежами».

В строго секретном личном послании от г–на Уинстона Черчилля Маршалу Сталину сообщалось: «Что касается войны с Германией, которую Польское правительство желает вести с наибольшей энергией, оно осознает, что крайне необходимо иметь практическую договоренность с Советским Правительством ввиду продвижения освободительных войск на польскую территорию, с которой эти войска гонят немецких захватчиков».

В конце разговора Колодин кратко сообщил:
– Ну а Победу я встретил 9 Мая в городе Цоссене.
Что же касается моей дальнейшей судьбы, то еще до 1950 года я служил в Армии 7 лет... Германия – Чехословакия – Германия. Всего у меня 14 медалей.

***

Прозаик М.Г.Брагин описывает последние дни войны: «Войска 1–го Украинского фронта вышли на оперативный простор. Путь на запад, к Эльбе, открыт.

Крупные силы маршала Конева, рассекая Германию, двинулись навстречу союзникам. В тот же момент, во исполнение директивы Ставки, маршал Конев отдал приказ танковым соединениям Рыбалко повернуть круто на север и наступать через города Барут и Цоссен к Берлину».

В послании от 8 мая 1945 года к Маршалу Сталину от президента Гарри С. Трумена говорится: «Теперь, когда советско–англо–американские войска принудили армии фашистских агрессоров к безоговорочной капитуляции, я хочу передать Вам и через Вас Ваши героическим армиям горячие поздравления нашего народа и его правительства. Мы высоко ценим великолепный вклад, внесенный могучим Советским Союзом в дело цивилизации и свободы.

Вы продемонстрировали способность свободолюбивого и в высшей степени храброго народа сокрушить злые силы варварства, как мощны они не были. По случаю нашей победы мы приветствует народ и армии Советского Союза и их превосходное руководство».

Беба. День Победы

Григорий Подольский

Памяти Бебы

Как известно, суббота в Израиле - день отдыха.

Есть у меня несколько пожилых пациенток в хостеле, что совсем недалеко от дома. В другие дни – работа, рутина, быт. А вот по субботам, когда спешить некуда, я обычно и навещаю в хостеле «моих бабушек». Так я их про себя называю – "мои бабушки", одинокие, славные, при всем своем нелегком жизненном опыте сохранившие чистоту от скверны и бытовщины. Таковыми, наверное, могут быть только старики и дети.

Сегодня 9 мая - годовщина Победы. Стучу в дверь бабушки Бебы.

Открывает маленькая, согбенная годами, с седыми редкими волосами, тщательно причесанными и собранными на затылке гребешком. Аккуратное, из тех времен, платье с накрахмаленным белым воротничком "под горло", в ушах малюсенькие золотые сережки с крошечными гранатами.

Я знаю - Беба каждый раз готовится к моему визиту – тщательно прибирает кровать, чтоб ни одной морщинки, вытирает пыль с комода и телевизора, иногда даже что-то печет на своей крохотной кухоньке.

Садимся напротив друг друга. Маленькие морщинистые руки Бебы дрожат. В подагрических узелках пальцы теребят дужку очков в старомодной оправе.

Жизнь ее непроста, ведь бабушке далеко за семьдесят. Одинокая женщина, она всю прошлую, советскую жизнь проработала заведующей отделом Житомирского архива. И только выйдя на пенсию, решила уехать в Израиль.

Вот и живет себе тихо и замкнуто в одном из иерусалимских хостелей.

Жизнь ее, в общем-то, могла бы сложиться иначе, если б не война. Была семья - большая и дружная, но не осталось практически никого.

- Сегодня 9 мая, доктор.

- Я помню. С праздником вас.

- Спасибо. А хотите, расскажу вам, как я встретила этот день в сорок пятом?

- Конечно ...

Голос у Бебы громкий, как у многих слабослышащих людей, дребезжащий по-старчески, с так и неизжитым за годы жизни в Израиле украинским акцентом.

- День Победы застал меня учительницей - первогодкой в одном из отдаленных сел Ростовской области. Помню, как все мы ее ждали - нашу Победу. Только и разговоров в селе: вот фашиста добьем и братья, мужья, сыновья с фронта вернутся! И заживем!

Накануне, аккурат 8 мая, видела я сон, будто идет крестный ход с хоругвями вокруг нашей житомирской церкви, а у людей улыбки на лице, а колокол церковный звонит, звонит, звонит не переставая. Утром проснулась затемно, и на соседний хутор, к сапожнику побежала. Ботинки-то мои с зимы совсем "каши

просили". Пока шла, ночной сон свой припоминала. Почему бы крестный ход, почему церковь? Я ж тогда комсомолкой - атеисткой была. И вообще, война для нас была самой бесконечной мукой, самым трудным испытанием. А край - конец ее был общей мечтой.

Да, ну вот. Кой - как залатал мне сапожник ботинки ("бери, месяц пронесишь, а там не знаю...").

Потопала обратно. Вдруг слышу, сзади по грунтовке кто-то мчится - пыхтит, и будто прямо мне в спину. Оглядываюсь - моя ученица Нюрка, вся растрепа такая ... Откуда взялась? А она подбежала, бросилась на меня, обнимает меня, целует: «Учителка, победа, война-то, война кончилась! Скоро папка домой вернется!». И ну тебе дальше к селу припустилась.

Ну вот, сбылся-таки мой сон. Победа!

Вхожу в село, а у сельсовета уже стук – гром – плотники молотками трибуну сколачивают, народ во круг толчется, переговаривается.

Демидыч, председатель наш, фронтовик однорукий, машет мне из окна.

- Учителка, знаешь уже? Победа!

- Знаю, председатель. Радость-то какая!

- Речь готовь, девка, ты у нас одна такая грамотная – от комсомола.

- Да что вы, Демидыч, я никогда на собраниях не выступала.

- Ничего, справишься ... В такой-то день! Давай, ступай, а у меня еще дел невпроворот. В 12 часов тут - как штык!

Сказал, будто гвоздь в стену забил.

К двенадцати часам дня народу еще прибыло. Все-го, думаю, с тысячу человек, если не больше. Посъез-жались из всех окрестных сел - хуторов. Ну прямо как Сорочинская ярмарка – телеги вокруг площади, лоша-ди на привязи, гвалт, гармошка заливается бабы – мужики песни - частушки поют, другие плачут, кто с горя, кто с радости. Люди друг друга обнимают, целуются.

А на трибуне уже актив с ноги на ногу перемина-ется. Взошла я по деревянным ступенькам на помост, встала рядом с парторгом. Было мне тогда всего чуть за двадцать годков – худющая, на две головы ниже самого маленького мужика в селе. Да, еще, кажется, только я в округе очки и носила.

А на площади – бурлит толпа. Мужиков-то, само собой мало. Всё больше бабы, дети да старики. Ну и фронтовики – инвалиды.

Митинг открыл Демидыч. Только начал говорить – затихли все как по волшебству ... Кто рот приот-крыл, окурок к губе клеится, кто платок теревит, а у кого слезы из глаз ручьем катятся. Даже малые дети в толпе – и те примолкли. Слушают ...

А я вот смотрю на них с трибуны, сама дрожу дрожмя, однако думаю: боже, сколько же у каждо-го за плечами, сколько мужиков домой не пришло ... Вдов да сирот здесь – не меньше как каждый.

Чувствую, толкает меня парторг в бок, а Демидыч обычно объявляет: «Слово от комсомольской органи-зации предоставляется нашей учительнице».

Микрофонов-то тогда не было, а передо мной – тыща народу. Помню только, первое свое слово: «Товарищи!». А из дальнейшего - ну как отшибло. Говорила что-то в крик, наверное то, что надо (улыбается), и даже руками махала. Выдохнула в последний раз и ... пришла в себя - уже под аплодисменты.

Вот и всё. Да. Наутро встаю, а голос напрочь сел, говорить не могу, так на митинге навыступалась ... Неделю на уроках сипела. Больше я речей в жизни никогда и нигде не говорила. Вот так ...

Смотрит на меня Беба из-под очков, а в глазах - бусинки слез, огромные такие, наверное, из-за выпуклых линз.

Она сейчас вся в своих воспоминаниях. У нее - вот такой День Победы. Такой же, как она сама - скромный, без звона орденов и чеканящего шага парадов.

Но свой, свой - со слезами на глазах.

Хай мынанк – останемся армянами

Николай Багдасаров

Произошло это со мной в начале декабря 1943 года, когда десантная операция на Керчинском полуострове была в своей высшей точке накала. Противник оказывал отчаянное сопротивление, а к югу от Керчи и вовсе румыны перешли в наступление, пытаясь скинуть наш десант в море. К северу от Керчи, в районе горы Митридад, немецкие и румынские позиции обстреливала наша артиллерия с Таманского полуострова, а ситуацию в Керченском проливе днём контролировала наша авиация, что делало положение керченского десанта не таким уж безнадёжным. У нас оставалось всего несколько квадратных километров плацдарма на побережье, которые румыны и немцы отчаянно пытались захватить с суши и с моря, днём и ночью.

Чтобы корректировать цели артиллеристов, необходимые разведданные о позиции противника срочно передавались в батальонный штаб. Утром меня вызвал командир взвода, вручил предписание и пакет с донесением от ночных разведчиков. До штаба было пара километров, он находился в рямой от пуль и осколков старой хате на окраине Ганикале. Когда я явился к дежурному, и он прочёл мою фамилию в предписании, и у него вздёрнулись брови:

– Санасарьян? Ты, что армянин?

– Так точно, товарищ лейтенант!

Забрав пакет с донесением, он неожиданно крикнул одного из сержантов, которые курили у крыльца, и не глядя мне в лицо громко сказал:

– Гвардии – сержант Санасарьян, ты задержан, до выяснения обстоятельств нахождения в зоне боевых действий!

Меня, обескураженного таким поворотом событий, отвели на соседний двор, обыскали, конфисковали все документы, что при мне были, и без лишних слов заперли в сарай, отобрав в первую очередь ремень и табельный автомат. Я ничего не понимал и пытался проанализировать, что я сделал неправильно, вроде бы документы мои должны были быть в порядке, или взводный сделал какую-то ошибку в бумагах? Я сидел на соломе, и когда мои глаза привыкли к полутьме, я рассмотрел, что в соломе напротив лежит человек, скрючившись и накрывшись с головой шинелью. Шинель была немецкая со странными зелёными погонами с белой полоской посередине, похожей на волну. На нашивке на рукаве можно было прочесть цифры: то ли 608, то ли 809. Владелец шинели беспокойно ворочался и что-то бормотал. Неожиданно, я разобрал армянскую фразу: «Чем узум махаль... Майири нерель индз... йертвум ем хорис герезманов...». «Не хочу умирать... Мать прости меня... клянусь могилкой своего отца».

– Инч е? Что такое? – инстинктивно спросил я, повернув к нему голову. Человек мгновенно перестал

ворочаться, быстро откинул шинель и взволнованно спросил по-армянски:

– Барев! Иск ду ал хайерен? Ты что – армянин?

– Ну, да!

– И откуда?

– Из Москвы, а родился в Фергане, в Скобелев. Мои родители родом из Арцаха.

– Ахперь, послушай, а я сам из Гадрута! А откуда твои из Арцаха?

– Они из деревни Мелик-джанлу.

– Из Меликашена! – невольно улыбнулся собеседник. Тут только до меня дошло, что мои родители всегда употребляли азербайджанское название своей деревни в Нагорном-Карабахе при разговоре друг с другом.

– Я там не был, но в Ванке часто бавал у родственников, это – рядом, – быстро продолжал взволнованно он, и даже привстал.

Теперь, когда мои глаза почти привыкли к тусклому свету через узкие щели в сарае, я мог разглядеть этого человека получше. Он был небрито-черный, загорелый, с короткой стрижкой, в чёрной форме "Waffen-SS". На нарукавной нашивке расстёгнутого кителя была эмблема из синего, красного и оранжевых цветов с надписью по-немецки «ARMENIA». Пилотка с круглой кокардой тех же цветов была аккуратно свёрнута и засунута под кительный погон. Всё это было очень странно и неожиданно, тем более, что солдатами в эсэсовской форме занимались только

особисты и живыми их видеть до этого мне не приходилось. А тут ещё и армянин! Он понял мой молчаливый интерес и стал пытаться объяснить мне, кто он, и что означает его форма.

– Понимаешь, я попал в плен в 41, был в лагере для военнопленных в Хмельницкой области «Гросс-Лазарет Славута», не кормили, вначале только вареную капусту как свиньям в корытах давали. А тут ещё приехали однажды армянские офицеры в немецкой форме, собрали всех армян в лагерной столовой накормили, раздали листовки на армянском и предложили, чтобы помогли Вермахту. У них там есть один министр, очень хороший – Розенберг. Он считает, что армяне – арийцы, и их как евреев убивать не надо. А ещё у нас там побывал сам генерал Дро, слышал про такого?

Я отрицательно мотнул головой.

– Он столько турков в 18 году порезал, настоящий герой! Обещал, что в Ереван войдём, своё, без русских государство создадим, Арцах и Джавахк присоединим, Арарат от турков освободим!

– Зря поверили, – с трудом выдавил я из себя. Такой крамолы я ещё никогда в жизни не слышал, а в мирное время и побоялся бы дальше и слушать.

– Ну, а как же другие на это посмотрят, грузины, азербайджанцы? Ведь в рядом с деревней моих родителей тоже азербайджанская деревня была.

– А у нас там на подготовке тоже дружба с азербайджанцами и грузинами была. У них свои легионы есть, такие же как наши. Да, теперь это всё неважно.

Разбили русские наш батальон сначала на Кавказе, а теперь и здесь, на Перекопе. Но мы сговорились вместе сдать, и как только нас в тыл отправили, мы сюда к Керчи двинулись, чтобы фронт перейти и к вам. Ведь здесь румыны воюют, сам знаешь какие они бойцы! Да, не поверят мне, ой не поверят! Не хочу умирать, а ведь расстреляют меня русские ...

Он снова застонал, закрыв глаза рукавом кителя.

– Слушай, когда выйдешь может матери письмо или так передашь, что мол со мной всё в порядке, пусть ничего не узнает про меня, ты как, а?

Я напрягся, но отказать ему не хотелось, понимая всю безнадежность его ситуации. Был бы он русским, его бы и в плен брать не стали, так перекрестили бы автоматной очередью и спрятали бы под убитыми немцами в общей могиле. Но он был армянин! Наверное, оставили в живых на время, просто потому, что инструкций нет, вот и ждут, что скажет начальство. Но ждать долго в таких случаях не принято.

Он присел на соломе. Сделал движение, чтобы что-то достать, но медленно остановился и бросил мне:

– А, вообще, не надо письма, пусть будет так – пусть ничего не знает. И он снова лег на солому, отвернув лицо к стене. После паузы он неожиданно резко повернулся ко мне:

– Ахперь, послушай, ты ведь давно воюешь, и что страшно никогда не было, что убьют?

– О чем горишь! Если рядом кого убьют, всегда радуешься, что не тебя!

Тут я неожиданно для себя стал рассказывать случай, который изменил мое отношение к смерти на войне...

– Один раз, летом, было, стали окапываться, ну на два штыка отдельный окоп я сделал, как слышу вдруг кто-то крикнул: «Немцы! Танки!». Я рванулся бежать и тут раздался рядом взрыв, меня на землю бросило. Когда пришел в себя в боку что-то горячее чувствую. Расстегнул шинель – кровь, но мясо не выворочено – значит осколок маленький. Свои уже дернули прилично, оглядываюсь, а в метрах 30 немецкий короткоствольный танк Панцер. Я с трудом до своего окопа дополз, последнее что видел – лицо немца из под крышки люка, испуганное, наверное, в первый раз на человека ехал. Я лицом в землю, а шинель сверху. Немец ездил сверху по окопу, утюжил его вдоль и поперек, землей завалил, шинель на гусиницу намотал. Мне тогда дышать трудно стало, а дальше ничего не помню. Товарищи рассказывали, что когда танк уехал и меня откопали, то я еле дышал. А когда в себя пришел, то долго смеялся, всех обнимал, да так, что они подумали – свихнулся я. Ранение осколочное было пустяком со страхом в окопе.

Мой визави на соломе напротив слушал мой рассказ очень внимательно, потом задумавшись, медленно произнес:

– Да Астватц, ов прикец кез! Бог тебя спас, счастливый ты, – он вздохнул и продолжил:

– А в моей судьбе рытье окопа мне несчастье принесло. Был я типа ординарца у младшего политрука в начале войны, а он роман с одной связисткой крутил, в землянке, с такой яркой красивой еврейкой. Ну, когда он куда-нибудь уезжал, я к ней тоже приваливался. Всё было бы здорово, да только он это заметил и решил отомстить. Однажды ночью, когда он пьяный был, кто-то из штаба роты позвонил, что надо мол «языка» достать. Ну, он меня разбудил нарочно, и ещё из каждого взвода по 1-2 человека приказал в распоряжение прислать.

Собралась группа из шести человек вместе со мной. До передовой добрались быстро, проволоку разрезали и поползли через поле. Немцы ракетами световыми стреляли. Доползли до перелеска, спустились к берегу реки, и у самой воды нас немцы заметили и открыли огонь. Одного сразу убили, тогда я приказал назад в перелесок ползти. Выползли с убитым, и стали совещаться – что делать. Решили, что убитого надо на месте оставить, и возвращаться назад в часть, разойдемся по взводам и никому ни слова, может пьяный политрук на утро и не вспомнит. А как звали убитого, и кто он – так никто даже и не знал. Ну, я стал могилу, типа окопа копать, через минуты две оглянулся, а остальных уже нет, назад уползли. Только начал я убитого землей зарывать, а меня кто-то сзади по голове так огрел, что только у немцев я в себя и пришел. Ихняя разведка нас заметила и меня как «языка» они и повязали.

Он замолчал, хотел что-то добавить, но остановился на полуслове.

В это время раздался скрежет ключа в замке, и сарай отперли снаружи. Из дверного проёма темный силуэт в пилотке с автоматом на груди оглушил сарай своим громким приказом:

– Эй, Санасарьян, выходи!

Я встал и хотел попрощаться со своим соседом. Но он сам предупредил меня:

– Руки не жми, а то увидят. Прощай...Хай мынанк...

– Прощай...Хай мынанк...

Я вышел, получил назад всё, что у меня отобрали перед моим «арестом», документы, автомат, и даже тот самый маленький осколок металла, завернутый в тряпицу, который вынули из меня в госпитале. На вопрос дежурного – что это и зачем он мне, я ответил: «Если после войны у меня будет сын, то ему подарю». Он в ответ только улыбнулся и кивнул. Наконец, я стал пробираться к своему взводу, но по дороге назад последняя фраза, сказанная моим "сокамерником", всё никак не выходила у меня из головы.

Да, и сейчас, столько лет после войны, мне хочется всё таки пожать руку тому солдату и ответить: «Хай мынанк, ...мардканц мынанк...останемся людьми ...».

Бад Фильбель,
май 2017

Обычные дети войны

Ольга Ильинская

- Дедушка, расскажите нам о войне.

- Не знаю, что и рассказать, я ведь тогда еще мальчишкой был.

- Но что-то, же вы помните? Хоть что-нибудь, ну пожалуйста, нам очень надо, – он внимательно смотрит на нас, устало вздыхает, закуривает сигарету и начинает свой неспешный рассказ.

Это случилось зимой. Снега в тот год выпало много, и все вокруг было белым-бело. В нескольких километрах от нашей деревни базировались немцы. Деревенька наша была не особо приметна, таких деревень полным-полно было вокруг. Немцы шныряли туда-сюда, но нас не трогали. – Он затаился, тяжело откашлялся и продолжил. – Рядом с нами была балка, в ней прятались партизаны. Жители деревни старались помочь им кто, чем может: кто-то продукты даст, а кто и одежду подбросит. Эти партизаны не раз, нападали на одиночные отряды фашистов и, думаю, попортили им немало крови. – Он снова затаился и замолчал. Мы не мешали ему, сидели затаив дыхание, ожидая и страшась услышать продолжение. Его взгляд, суровый и страдающий одновременно, был устремлен вдаль.

- Этот день мне особенно запомнился, врезался в память, словно кто-то зубилом выдолбил в мозгу. Между партизанами и немцами завязался бой. Всех

партизан положили, а нашу деревню взяли в кольцо. Немцы врвались в дома поселян, хватали их и сгоняли в центр деревни. Меня, вместе с моей бабушкой, тоже выгнали на снег - босиком и без телогрейки. Мы стояли и смотрели, как в наши дома бросают бутылки с зажигательной смесью. Моя бабушка беззвучно плакала, причитала, сокрушаясь, как мы с ней будем зимовать.

На этом все не закончилось, немцы стали спрашивать, кто помогал партизанам? Да разве ж можно сознаться в помощи партизанам?! Тогда они всех перебьют. Все молчат, как будто в рот воды набрали. Видя, что пустыми угрозами нас не убедишь, они схватили какого-то старика, облили его бензином и подожгли. Все понимали, что это ждет и нас, но продолжали молчать. Не добившись от людей ни единого слова, они погнали нас к обрыву, решив построить нас в шеренги и расстрелять. Но люди в панике не слушались приказов и опять собирались в кучу.

Когда немцы поняли, что не смогут с нами ничего сделать, окружили машинами и стали строчить по нам из пулеметов. Люди падали на землю один за другим, словно подкошенные. Бабушка падая, потащила меня за собой и прикрыла собственным телом. Через несколько минут, решив, что в живых никого не осталось, немцы уехали. — Старик затушил сигарету, швырнул на землю и, опираясь на сучковатую палку, побрел в сторону магазина.

- А что дальше?

- Дальше? А дальше, прибежал один мужик, он спрятался со своей семьей в погребе и его не нашли, он собрал тех, кто был еще жив. Раненных поместил в ближайший уцелевший дом, а меня и еще нескольких детей переправил в ближайшую деревню.

- И все?

- Нет, не все. Утром в деревню вернулись немцы и спалили этот дом вместе с ранеными.

- А вы?! – Он усмехнулся.

- А что мы? Нас перекидывали с места на место, словно мячики, от одних людей к другим... Да, что там говорить, мы обычные дети войны.

Ванюшин

Сергей Александров

Рассказывать эту историю надо, наверное, с конца.

С аккуратненького огородика бабушки Поли на краю давно покинутой деревеньки.

С маленькой четырёхугольной дощатой пирамидки-обелиска на краю того огородика – всего-то высотой по пояс.

С неровно нарисованной красной звёздочки на боку выкрашенной уже многими слоями синей краски этой пирамидки.

И с прибитой аккуратно гвоздиками ниже звёздочки тонкой – сантиметра в полтора шириной – полоске, на которой выдавлено «ВАНЮШИН».

***

В этой истории будет четверо рассказчиков: я, как услышавший эту историю, и пытающийся воссоединить то, что услышал, в единое целое; Ковылкин Иван Павлович, фронтовик, «сын полка», незадолго до смерти передавший тетрадь со своими воспоминаниями в местный краеведческий музей; Олушева Полина Матвеевна – жительница сгоревшего села Вырово, ныне живущая в Вахнове; и тот, кто по многим веским причинам не смог ничего рассказать, И о котором поэтому расскажем мы трое.

А он как бы будет нам подсказывать, что и как тогда было...

***

Иван Павлович Ковылкин. С 14–ю по 17–ю страницы тетради

... Я тогда сыном полка стал, в марте 42-го. У меня батьку убило взрывом, а он ветеринаром был в нашем кавкорпусе. Я ему завсегда с ранеными кониками помогал, а иногда, если мелкий какой осколок в крупе засел, то и сам его вытаскивал, а рану обрабатывал.

Меня лошади любили. Я для них специально в карманах таскал кусочки рафинаду и корочки засохшие хлебные с солью...

Так вот, меня наши разведчики после того, как батьку схоронили, к себе и взяли. Старшина дядя Коля, Николай Вячеславович Сорожин, под свою руку определил. И стал я у него типа вестового...

...Мы тогда в полуокружении были. Фашисты с боков нас жмут, а мы им шороху тоже даём! Леса, перелески, дороги плохие. Нашим верхами сподручно – выскочили внезапно, постреляли, покромсали, и айда в лес.

Но меня в такие рейды не брали по малолетству (мне тогда 12 лет было всего). Лишь один раз упротился – взяли с собой проверить деревеньку одну, там накануне партизаны сильно пошумели. Мне даже карабин выдали...

Деревенька вся почти что сожжена. Везде фашисты валяются. Хорошо им партизаны врезали! Я поотстал чуток от своих, они почти к околице уже

подошли. Хотел «Вальтер», что завалился за полуразрушенную печку, достать. Я его издала ещё по мутному такому блеску заметил. Слез со своего Жучка – так моего коника звали – оставил его на дорожке, чтоб о кирпичи бабки не побил, сам аккуратно к печке, и тока руку протянул к пистолету, краем глаза увидал, что крапива вдруг сбоку заколыхалась. Я шею вытянул, смотрю, а там фашист здоровущий на пузе спиной ко мне лежит и выцеливает наших. Как я карабин сдёрнул с плеча – и не заметил, а этот гад вдруг ко мне начал поворачиваться. Ну, я в него и всадил пулю. В шею попал...

Наши сразу прискакали. Дядя Коля фашиста добил, а меня отбранил, что шляюсь, где не попадаю...

А только на Жучке своим отъехал от того места – про «Вальтер» и забыл уж – глянь, малиновые кусты, только зелёными листочками покрылись, тоже шевелиться. Я дяде Коле показал на них. Он ППШ в руку, и потихоньку к тем кустам...

***

USCHI

Умирать совсем не хочется.

А дышать – больно.

А лаять – очень больно.

Уже ночь прошла после стрельбы и грохота.

Тогда что-то укусило в бок.

Как плеть инструктора.

Только больнее и сильнее.

И никого рядом.

Ворона утром прилетала. Потом улетела. Теперь копошиться за сараем. Мертвечину клюёт. Я чую. И слышу.

Глаза хотят спать. Во сне не так больно...

Кто-то едет на больших животных.

А-а, лошади...

Глаза опять закрываются. Сами.

Выстрел – как по голове ударили чем-то большим – даже глаза разом открылись. И голова с лап приподнялась.

Потом - ещё один. Тихо.

Вздыхнул – лапа от боли дёрнулась.

Раздвинул носом колючие стебли.

На меня глядели два человека – большой и маленький.

Глаза снова закрылись.

Ладошка маленького человека коснулась моего носа. Ладошка пахнет порохом, сахаром и лошадьми. А три-четыре сахарные крупинки налипли на пальцы.

С закрытыми глазами слизал крупинки.

Вздыхнул. Очень больно. Очень...

***

Иван Павлович Ковылкин.

С 19-й по 24-ю страницы тетради

Привезли мы фашистскую собаку к нам. Я товарища старшину упросил. Сказал, что вылечу. И перевоспитаю!

Дядя Коля сказал, что, ежели я фашиста перевоспитаю, мне сразу Героя дадут.

И все заржали. Дураки!

Мне батя давно как-то говорил, что всякая животина понимает к себе отношение. Злобишь ты её, потому как сама душа у тебя злая, чёрная, в страхе живёт и им питается, тогда и животное злобиться, и зубами пальцы оттяпнуть может, и копытом насмерть зашибет. Потому как чует и злобу, и страх – ведь все чувства запах свой имеют. А с доброй душой и ласковым сердцем к ней, без всякого страха или злобы – так животное это враз узнает, и никогда против тебя тогда ничего плохого не выкажет и не сделает...

Так что пускай ржут.

У собаки, что мы нашли в деревне, на ошейнике был медальон. Федька Подкрон перевёл про какие-то уши. Не может такая кличка у собак быть...

Грудь у пса была навывлет прострелена, и крови он потерял достаточно.

Навозился я с ним – будь здоров! Ну, и медсестра наша, Марья Ивановна, очень мне пособила в лечении-то.

И через недели две с небольшим поставили-таки на ноги! И это притом, что мы дислокацию постоянно меняли, воевали, нас и обстреливали, и бомбили. Вот и Федьку Подкрона, ординарца полковника Соколова, командующего нашим кавкорпусом, недавно осколком мины убило...

А медсестра Марь Иванна, видя, что собака постоянно по пятам за мной ходит, как-то сказала, что это Ванюшин перевоспитанный немец бега-

ет. Вот наши разведчики и стали пса Ванюшиным величать...

А Петя Федосов, кашевар наш, даже из обрезка гильзы табличку для ошейника сделал, а на ней выдал, как собаку зовут. С чего бы это? А Петька только ухмыляется. Хотя, когда я пса раненого привёз, он первый орал, что пристрелить фашистского зверя надо. А теперь вот...

***

USCHI

Слова незнакомые, чужие.

Мягкие, как руки.

А руки хорошие.

Боль убрали, и дышится легко.

Маленький человек всегда рядом. С ним спокойно и надёжно. Он не бьёт никогда, не кричит.

И кнута у него нет. Что-то постоянно говорит мне.

Не понимаю.

Большая женщина сегодня про меня сказала что-то другим большим людям.

Они смеются.

А мне почудилось моё имя. И уши сразу торчком.

Только слово-имя у них длинное выходит.

Наверное, первая половина – кличка маленького человека, а вторая половина – моя...

Уже привык.

И лошади меня уже не боятся...

Вчера поймал зайца и принёс большому человеку, который всегда даёт мне и всем другим каши.

Он что-то сказал, потрепал меня по шее – и положил в мою миску лишний черпак еды...

Надо будет ещё кого поймать...

***

Иван Павлович Ковылкин.

С 27-й по 31-ю страницы тетради

Ванюшин за мной по пятам бегаёт.

Когда я сплю, сидит рядом, сторожит. Никого не подпускает, кроме дяди Коли и Петьки-кашевара.

В начале июля немец почти оттеснил нас назад, перерезал все наши коммуникации, да ещё и 39-й армии тоже, что нашим соседом была.

Постоянные артобстрелы, самолёты с утра до вечера бомбят. Страшно очень.

Потом пришёл приказ, что наступаем скоро.

Нашим разведчикам тогда дали задание – скрытно пробраться в посёлок Погорелое Городище и по рации координировать огонь артиллеристов.

Меня не взяли. Но, так как погода была плохая – дождь и туманы, я за разведчиками нашими самовольно ушёл. А Ванюшин – за мной.

Разведчики устроились в полуобрушенной водонапорной башне. Ночью я к ним и заявился.

Дядя Коля даже хотел меня выпороть вначале. Потом передумал. Наорал шепотом. И оставил. Сказал, что утром отправит обратно.

А утром вокруг фрицы засуетились. Пушки берут куда-то, мотоциклетки целый час тархтели на север – оттуда грохот сильный шёл. Потом колонна танков туда-

же прошла. И надо же такому случиться, что одному танку водокачка чем-то не понравилась. Он, не останавливаясь, повернул свою пушку и вдарил по нам...

Я почти в самом низу был – меня только оглушило. А шестерых наших – насмерть. Только дядя Коля раненый – ему ноги железной балкой перебило.

А Ванюшин из-под груды досок выполз – ему ничего.

А вот рация – вдребезги...

Мы два дня в развалинах сидели.

Под утро 4 августа наши начали артподготовку. А всё с перелётом – не туда бьют.

Дядя Коля тогда написал на карте, куда надо, карту обмотал куском плаща и мне дал. Приказал, чтоб я срочно нашим доставил. А он здесь ещё побудет, дождётся своих.

Мы обнялись, и я с Ванюшиным побежал к недалёкому перелеску. Уже в самом перелеске меня в ногу дурной пулей ранило. Я Ванюшину свёрнутую трубкой в куске плаща карту в зубы дал, сказал, чтоб Марь Иванну нашёл.

Пёс покрутился около меня, посмотрел, как я перевязываю ногу, потом убежал.

Больше я его не видел...

А через час меня на полпути наши подобрали - они к дяде Коле на подмогу шли и рацию с собой несли...

***

USCHI

Маленькому человеку было больно – у него из нижней лапы кровь текла. Он что-то мне сказал,

погладил меж ушами, потом тряпку с бумагами мне прямо в рот сунул.

И я понял - надо сбегать за большой доброй женщиной, что убрала когда-то от меня боль.

И я побежал искать её.

Очень быстро побежал.

Потому что знаю, что такое очень больно...

Большую женщину нашёл в какой-то норе из брёвен. Там и другим было больно.

Я положил ей на колени тряпку с бумагой, посмотрел на неё и побежал к выходу.

Побежал назад, к маленькому человеку, которому больно...

***

Олушева Полина Матвеевна.

В вагоне поезда «Москва – С–Петербург»

Мы с сестрёнкой Феней совсем ещё маленькими были тогда. Мне семь лет, а ей и пяти нету. Папка наш воевал где-то. Мамка пошла в Вахново продукты поменять в обмен на вещи – и не вернулась.

Потом, через два дня, начался страшный грохот. Мы с сестрёнкой в подпол залезли, сидим, дрожим.

Долго грохот был. Потом потише стало.

Посидели мы чуток.

Надо выбираться из подпола. А крышка не поднимается. Её, наверно, сверху чем-то придавило. Только щёлочка малюсенькая – еле ладошка пролезает.

Я под щёлку деревяшку подложила.

И сидим мы в подполе этом и плачем.

Сидим – и ревём в два горла...

Вдруг слышим – что-то сверху зашебурилось,
кто-то ходит.

Потом как будто поволокли что-то тяжелое. Даже де-
ревяшка под люком сломалась, и он снова захлопнулся.

А потом вдруг открылся полностью...

***

USCHI

Напрямик побежал – по полю, а не вокруг – по лесу.

Так быстрее.

Вокруг машины, лошади, люди.

Все бегут, стреляют.

Под лязгающую страшную металлическую ленту
чуть не попал.

Надо бежать в стороне.

Еле убежал.

Там, сбоку, всё ещё грохочет и стреляет.

А я по грязной дорожке бегу.

Вокруг – никого.

Потом вдруг сбоку – треск.

Передо мной Motorred остановился.

Слышу – знакомые родные слова;

- Siehe, Kurt, welcher guter Hund!

- Ist verlorengegangen...*

Ко мне подошёл большой человек с автоматом на
шее. Погладил меня по голове.

Потом сказал, указав на коляску:

- Platz! **

Всё ясно. Запрыгнул в коляску, и лёг.

Тогда другой большой человек, который сидел
спереди на Motorred, засмеялся и сказал:

- Siehe, versteht.***

Которого назвали Kurt, сел позади Motorred, и мы
поехали.

Дорога грязная, вся в кочках.

На дне – трясёт.

Но – терплю.

Потом, сквозь тарактеные Motorred слышу, кто-то
скулит.

Как щенок. Или два щенка.

Выпрыгнул на ходу из коляски.

Побежал в сторону разрушенного дома.

Маленькая длинная щель в земле.

Сверху – бревно.

Вцепился зубами, оттаскиваю.

Тяжело очень.

И ногам больно – порезался об осколки стекла и
острые железки.

Вдруг рядом оказался большой человек Kurt.

Он схватил бревно и оттащил в сторону.

Потом потянул за что-то – и открылась нора в зем-
ле, где была щель.

А в норе двое маленьких человек на нас смо-
трят.

И я вспомнил своего маленького человека.

Он где-то остался.

И ему уже давно больно.

А я ещё не пришёл к нему...

Тот, который Kurt, кричит другому большому человеку:

- Jetzt wird der kleine Zirkus!****

Потом взял меня за ошейник, оттащил к Motorred, показал рукой на двух маленьких человек, и командовал:

- Voran! Fass!*****

Я по привычке оскалил зубы и кинулся вперёд. К норе.

И вспомнил, как мне было больно, а маленький человек прогнал боль.

Я резко развернулся и молча бросился на большого человека Kurt.

И только услышал:

- Vorsichtig, Kurt!*****

***

Олушева Полина Матвеевна. В вагоне поезда «Москва – С–Петербург»

На нас немец смотрел, и собака немецкая рядом была.

Я видела таких собак. Они с фашистами охраняли наших пленных, которые через нашу деревню весной проходили.

Злющие и страшные собаки!

Потом этот фашист оттащил от нас собаку, заулыбался.

Мы выглянули из подпола.

Фашист с собакой что-то сказал другому фашисту, который сидел на мотоциклетке.

Оба засмеялись.

Потом тот, кто держал свою собаку, показал на нас, и что-то крикнул.

И собака помчалась к нам!

Я от страху заорала и закрыла лицо ладонями.

Вдруг слышу рычание. Потом крики.

Потом два выстрела.

Потом опять страшный крик.

Потом выстрел.

Потом стало тихо.

Я отняла ладони от лица.

Смотрю, Феня вылезла из подпола и к собаке идёт. А собака на фашисте лежит. Я тоже подошла. Посмотрела.

Первый немец лежал около мотоциклетки с разорванным горлом.

Второй завалился на коляску спиной.

В его шею вцепился немецкий пёс.

Собака вся была в крови и ошмётках шерсти.

И часто-часто дышала.

А из боков свистело.

Я погладила её по носу, и она отцепилась от фашиста.

Мы с Феней еле-еле оттащили собаку от мёртвых немцев.

Я нашла у себя в кармашке маленький кусочек рафинада – его мама дала мне перед уходом. И Фене такой же дала, но та его давно зализала.

Этот кусочек я протянула собаке.

Она чуть открыла глаза, лизнула сахар.

Потом глаза её закрылись.

И она умерла...

Мы с Феней на краю огорода выкопали могилку, обложили её изнутри досками, что нашли в нашем разрушенном доме.

Потом я заметила какую-то табличку на ошейнике.

Сняла ошейник и оттерла табличку от грязи и крови.

На желтой металлической табличке было выдавлено «ВАНЮШИН».

Всё.

Примечания.

USCHI – распространённая немецкая собачья кличка.

Motorred – мотоцикл.

- *Siehe, Kurt, welcher guter Hund!* (- *Смотри, Курт, какой хороший пёс!*)

* - *Ist verlorengegangen...* (- *Потерялся...*)

** - *Platz!* (- *Место!* - термин немецкой дрессуры.)

*** - *Siehe, versteht!* (- *Смотри, понимает!*)

**** - *Jetzt wird der kleine Zirkus!* (- *Сейчас будет маленький цирк!*)

***** - *Voran! Fass!* (- *Вперёд! Взять!* - термин немецкой дрессуры.)

***** - *Vorsichtig, Kurt!* (- *Осторожно, Курт!*)

Русская любовь

Владимир Чичуров

У некоторых людей может сложиться впечатление, что душевная женщина сентиментальна и слаба, но это совершенно не так. Настоящая женская любовь, каким-то непостижимым образом вмещает противоположности и способна творить настоящие чудеса. Вот один из реальных случаев практической Силы Небесной Любви.

Сороковые годы двадцатого века. Уже целый год гремит Великая Отечественная Война. Жена собирает мужа на фронт. На лбу так и норовят появиться морщинки серьёзности, но она прогоняет их внутренним усилием. Всё готово, дети мал мала меньше хлопают глазёнками, не понимая, что происходит – в доме непривычная тишина, всё пространство напряглось в ожидании. Муж берёт вещмешок и говорит: «Продолжай любить так же, как любила, и я вернусь». Нежно сгрёб всю семью в охапку, расцеловал и ушёл. Вечером деревенские бабы слышали, как где-то неподалёку в лесу выла их молодая соседка, но это было первый и последний раз. После этого, больше никто и никогда не видел её грустной.

Какой-то стальной стойкостью, сквозь зубы, раз и навсегда она решила, что в её семье всё будет хорошо. И где бы ни был её муж, его всегда обережёт её непоколебимая любовь.

Каждое утро дети слышали только её радостный смех и ласку. Они знали, папа вот-вот вернётся и привезёт им гостинцы, но когда это произойдет, никто не знает. И чтобы папа вернулся быстрее, нужно посылать ему добрые мысли и желать успешно завершить все свои дела. Каждый день, садясь за обеденный стол, кашку первому накладывали папе, а вдруг он сейчас зайвится... . Мама всегда ведёт себя так, как будто папа уже здесь, а иногда даже и разговаривает с ним.

Через три года всё та же весёлая мама только наложила в тарелку «нашему папочке» кашу, как открылась дверь, и через порог перешагнул, улыбаясь, отец. «Папа! Папа приехал!» все бросились к нему, и только одна жена стояла и не могла сдвинуться с места. Она что-то попыталась сказать, но из её груди вырвался только стон. С усилием потянулась к нему и начала оседать. Отец быстро подбежал к ней, подхватил на руки и зашептал: «Ну что ты, что ты, Настенька, всё уже позади. Спасибо тебе, Любовь моя».

Вся грудь в орденах, ни одного серьёзного ранения, мысль любящей женщины оберегала его и днём, и ночью. За все три года она не допустила даже намёка на другой исход этой командировки – продолжала весь поток своей любви посылать любимому, и вот он снова дома. Так русская любящая женщина помогала ковать победу и в тылу, и на фронте одновременно.

Оглянись: 22 Июня, 1941 года...

Марк Турков

Предрассветное небо затянули чёрные тучи и, на спящую землю обрушился дождь. Но тучи эти не были сгустившимися облаками – даром планеты, а дождь не был живительной влагой для жаркой июньской ночи.

Предрассветное небо закрыли от восходящего солнца тучи железных машин, из которых на спящих или только ещё пробуждающихся людей посыпались мириады смертоносных зарядов, мгновенно уничтожая города и сёла, разрывая в клочья спящие тела - высвобождая из них потоки крови которые, струясь по горящим развалинам, слились в единую реку: кровь мужчин, женщин, детей; кровь беларусов, украинцев, русских, евреев, грузин, узбеков, казахов – словом всех народов населявших необъятную землю – столь желаемую врагом. И этот озверевший враг захлебнулся, сгинул в этой кровавой реке, пусть не сразу, а спустя годы отчаянной, бескомпромиссной битвы.

Пятьдесят лет спустя потомки тех, кто защитил страну, тех, кто отдал свою жизнь ради свободы своих близких, своей страны продали её, эту страну, эту «Родину-Мать» потомкам тех, кто не смог сокрушить её огнём и мечем.

Развращённые, без веры и чести они, эти продавцы жадные до богатства, передрались между собою,

походя убивая слабых и сомневающихся, орошая невинной кровью могилы павших отцов и дедов.

Письмо

В кислой сырости окопа, привалившись к брустверу, Гойхман потирает руки о приклад винтовки, изредка согревая застывшие пальцы дыханием.

Ноги его прочно увязли в земле наспех отрытого окопа и, казалось нет такой силы которая могла бы вырвать его из ужаса войны, из одиночества тысяч таких же как и он одиноких, коченеющих здесь, в жиже талого снега, мужчин.

Сквозь паутину колючей проволоки они всматриваются в испарину рассвета, силясь не пропустить три зеленые ракеты, означающие начало атаки.

Никто не может видеть улыбки, спрятанной им в согреваемых дыханием руках. Ему не холодно: в левом кармане гимнастерки лежит письмо от жены. Письмо искало Гойхмана по дорогам войны так долго, что бумага пожелтела. Но слова уцелели и теперь жгут все его существо – будоража, казалось давно уснувшую страсть...

«...а это обручальное кольцо для меня как частичка тебя, отблеск твоих чувств, твоя горькая слезинка... грань нашей разлуки и мерцающий свет... Как несправедлива жизнь! Забрать все и оставить только это колечко... Я очень люблю это маленькое чудо -самый дорогой подарок в моей жизни. Я смотрю на него и блистанье случайно упавших лучей

как будто передает мне твоё настроение в данную минуту. И блеск бывает разный. Когда ты грустишь и томишься желанием – блеск тускнеет, а когда радуешься удачам – блеск ровный, спокойный и, я знаю: где-то, пусть пока далеко...очень далеко...мой любимый...и... самый дорогой человек... любит меня, помнит обо мне...»

Гойхман вглядывается в рассвет сияясь не пропустить три зелёные ракеты, но видит перед собой лишь лицо женщины... женщины горячо любимой им, оставленной в смятении чувств именно тогда, когда пришло время любить...

Она нежно смотрит на него, приникшего к её коленям, поглаживая волосы его убаюкивая:

«...иногда я не выдерживаю и целую своё колечко, а оно все-все передает тебе! Поэтому ты и чувствуешь мои прикосновения – ведь я действительно в этот момент целую тебя... Мальчик мой любимый! Дитя ты мое горемычное!

Как я могу позволить, что б кто-то другой прикоснулся ко мне, когда на мне живут, горят, дышат твои уста, твои руки, твои глаза!

Близость с тобой... Для меня это было как очищение от скверны! Как отпущение грехов... И променять это я не могу! Ты – мой! И настолько, что никогда не будешь принадлежать кому-то! И я – твоя! Я – твоя жenuшка, твоя...»

Он ощутил её прикосновение на своих щеках и губы его потептели от её поцелуя...

Смешиваясь с дымом горящих блиндажей пороховая гарь, прибиваемая скучным весенним дождем, стелется по-над землей. Дождь моросит уже второй час, начавшись вместе с атакой по сигналу трех зеленых ракет.

Стремительный бой отбросил противника на несколько километров и, теперь похоронная рота обходит поле сражения собирая страшные плоды войны.

- Ну, все...

- Кажись всех наших нашли? – переговариваются солдаты пробираясь вражеским окопом.

- Не-а! Смотри-ка!

- Шинелька – то, вроде, наша...

За бугром пулеметной точки, опершись о стену блиндажа сидел рядовой. Он смотрел на них такими ясными, голубыми глазами что казалось – само небо струится из них.

- Вставай, друг!

- Хватит отдыхать!

- У повара уж и каша... поспела...

Но солдат счастливо улыбаясь молчал, прижимая к груди руку сквозь пальцы которой еще скатываются рыжие капли...

Пуля пробила солдатскую книжку, какое-то старое письмо и вышла через сердце, унося с собой строку с именем и фамилией солдата.

Пытаясь разобрать эти данные по письму, уже успевшему затвердеть от запекшейся крови, они смогли прочесть на самом краюшке листа: «...твоя Ольга...»

Так они и записали в похоронной ведомости:
«Ольгин, рядовой».

Балтимор, США.
5 июня 1989 года. 58 лет после начала ВОВ

Ветер

Они смотрят друг на друга через пелену дождя, который не разделяет их, а соединяет, передавая размышления высохшего дерева к пожилой даме в окне старого дома.

Она печально смотрит на то, как ветер и дождь треплют безжизненные ветки, обрывают последние, чудом уцелевшие листья и уносит, уносит их куда-то...

Жизнь праздничным фейерверком пронеслась по этому дому и затихла на могилах родителей; погибшего на войне мужа (ее единственной любви) и, вот теперь, догорает в ней и в этом, молчаливом свидетеле.

Пожилая дама ждет окончания жизни. Она знает, что смерть – это лишь новое рождение и она не страшится смерти...

Она не знает своей будущей судьбы, но она мечтает встретить вновь того, кто далекой летней ночью, под вот этим самым деревом, впервые прикоснувшись к ее юному телу шептал ей слова обжигающие не меньше прикосновений... Все сравнивая ее с цветущей яблоней: восхищаясь их красотой и упругой налитостью яблоневых плодов...

С тех пор он называл ее «...яблонька ты моя, не-наглядная...»

...Так и ушел: обнял крепко, жарко поцеловал в дрожащие губы... Сорвал недоспевшее яблоко...

...Так и ушел: с навсегда обритой головой, в серой шинели с катанкой через плечо... Хрустя яблоком и не оглядываясь...

...Так и ушел...

А они остались вдвоем.

Много было охотников поживиться спелыми плодами но они обе хранили друг друга...

Теперь, состарившиеся они предоставлены последнему ветру, уносящему их в небытие....

Черная бабочка

«...Ты здесь, ты – мой! Ты где –то рядом,
Но почему я прикоснуться не могу?

Где ты?

Где я?

Под чьим сейчас ты взглядом?

Кто пьет из губ твоих, усталую зарю?

Во сне?

Во сне я знаю!

Скажи, кто наяву?»

Черная бабочка ночи прикоснулась ко мне следом своих крыльев и растворилась в поле маков – в полыях хани алых лепестков, оставив меня одного в пекле бессоницы.

Черная бабочка, вернись! Укрой и усыпи меня. Подари мне сон в котором я буду целовать глаза любимой...

Я очнулся придавленный десятками бездыханных тел еще не отдавших свое тепло вместе с кровью...

Я не мог пошевелится что б стереть ее со своего лица смешавшуюся с моими слезами и землей...

Солдаты травили нас собаками, а мама заслонила меня от свирепого пса норовившего вцепиться в меня - так она и упала, когда раздались выстрелы – свернувшись вместе со мною калачиком...

...Удалось высвободить руку и оттереть лицо...Откуда этот нестерпимый свет?

...Другая рука еще прибита еще прибита к доске и какие-то люди суетятся рядом... Они вынимают страшные гвозди из моего тела...

...Я вижу среди провожающих растерянные лица мамы и папы и твое, удивленное лицо... Вы не плачете, как другие люди вокруг...

...Это не крест, на котором я распят обогрен кровью – это пересечение рельс на двадцать седьмом перроне вокзала Тэрмини, в Риме...

...Солнце кладет на них угасающие лучи...Как на струны арфы ложатся руки музыканта...Рождая звуки...Моего о д и н о ч е с т в а. Которое заглядывает в сердце леденя его неизвестностью...

...зеленые ракеты в черном небе... Как твои зеленые глаза в нашу белую ночь... И зажатые слезы

в них... и единственная свеча Перголези... И бархат
твоего плеча у меня под щекой...

Я же запретил себе думать о тебе! ...О твоих нена-
сытных губах, о твоих нежных руках, о твоих зеленых
глазах...

...Почему так много людей здесь, на лесной опуш-
ке, слушают симфонический оркестр сидя и лежа на
траве... А ты любишь босой бегать по траве...Я силюсь
разглядеть твою улыбку в толпе, но она обращена не
ко мне: ты смеешься в ответ какому-то парню...

Я зову тебя, зову тебя. Зову...т е б я...

Нет, это не ты... Это бежит навстречу мой сын! Как
он вырос!

Я зову его, зову его, з о в у... е г о...

Меня не слышно...Взрывы...Выстрелы...Фейер-
верк по случаю праздника...

Потянуло ледяным ветром. Но мне не холодно: в
боковом кармане лежит письмо от тебя...

Только бы не пропустить три зеленые ракеты... Вот
они. Надо идти...

Ухожу далеко по дороге

Которая снится...

Не беру ничего –

Только трепет любимых

Ресниц...

Все равно не живу,

Так неси же меня колесница

Неприкаянных снов,

Приходящих ко мне наяву...

Письмо деду...

Инесса Шевцова

«Здравствуй, дед»... Сколько раз я представляла, как могла бы написать тебе письмо и что начала бы его так – коротко и просто: «Здравствуй, дед». Такой же простой и короткой была и твоя жизнь... Знаешь, как-то даже странно писать «дед» тому, кого я сама старше на добрых пятнадцать лет... Да и писать письмо тоже, наверное, странно, когда знаешь, что адресат его не получит. Но очень хочется. И с каждым годом это желание не проходит, оно становится только сильнее.

Надюша все твои пятнадцать писем сохранила. На желтой тонкой бумаге, протершиеся на сгибе до дыр, кое-где с плохо видимыми чернилами, она их все наизусть выучила. Жалела, что так мало их было – поздно вы весточки друг о друге получили, поздно писать начали, когда война уже на перелом пошла, и громили немцев по всем фронтам. В самом первом своем «треугольнике» (жена твоя всю жизнь их складывать умела), ты написал: «Что дети живы отношу это твоей материнской любви»... Эх, дед, не знал ты – какой силы была эта любовь, и что ей стоило дочерей твоих сберечь. Не писала она тебе об этом – жаловаться не привыкла, а, может, считала – так оно все и должно быть и не герой она вовсе. А я все таки напишу – как выжила тогда моя «бабца»... Ничего, что я ее так называю? Тебе трудно представить, но твою же-

ну, младше тебя на пять лет, я только седой помню и старенькой, а потом – совсем старенькой. Девяносто пять все-таки было... Гордились мы нашей «бабцой», не меньше чем тобой – дедом-героем. Правда, гордость эта не сразу пришла – в детстве все думали – герои – это те, кто под танк с гранатой или как ты – на пулемет, а бабушка то она и не партизанила даже. Кстати, о том, что в оккупации была и вовсе не так давно узнали – не жаловали раньше тех, кто на земле, немцами занятой оказался.

Тебя забрали в первый день войны. Вернее, ты сам, после истошного крика соседки: «Война! Война, миленькие! Что ж теперь будет?!» сказал спокойно и даже как-то буднично: «Надюш, собери вещмешок». И ушел, чтобы, как было сказано в твоей военной книжке: «Явиться на призывной пункт в первый день объявления военных действий». И ты явился. Как повелось веками, постоял на пороге, подкинул под потолок Светланку, поцеловал «Белый Грибок» по имени Аллочка в вихрастую макушку, жену обнял и ушел...

Кавалерийский полк, куда тебя определили на «учебку», стоял совсем рядом и тебе даже через месяц удалось на часик заехать к своим. Твоя старшенькая, которой тогда еще даже трех лет от роду, не исполнилось, хорошо запомнила, как ты лошадь привязал у крыльца и в дом пошел, а она возьми и отвяжись. У твоей дочери всю жизнь перед глазами так и стоит картинка – улица, на ней по своим делам люди снуют, а посередине дети малые играют – возрастом,

как сама Светланка, ну, может чуть младше или чуть старше, а прямо на них лошадь несется – звуков громких испугалась. Они понять толком не могут – какая беда на них надвигается, как стояли посреди улицы – так и стоят. Лошадь все ближе, все опаснее, те, кто мимо шли – замерли, как вкопанные – от ужаса... Но не таков ты был, чтобы детям пропасть дать. Любил их сильно – и своих, и чужих – всех детей. Когда из дома на работу уходил у Светланки всегда спрашивал: «Чего принести?» И заказ ее «колбаски и ситро» всегда выполнял. А на Новый год сам игрушки мастерил и Деда Мороза из папье-маше сделал красиивого... Разве ж мог такой человек, как ты от опасности детей не уберечь? В окно все увидел, в секунду через подоконник перемахнул, в несколько огромных прыжков догнал свою Звездочку и на холке повис. Остановилась она, только бока раздуваются, да ушами прядет – от гонки отходит... Смелый – мало сказать – отчаянный ты был! В детстве «на кулачках» драться ходил, хоть и пытались тебя за пианино усадить... Нет, играть ты на нем, конечно, научился, только не больно жаждал. А вот кулачные бои – это «твое» было. Когда сестра младшая Нина в пору «жениховства» вошла – мало, кто рисковал к ней подойти. Один на танцах нашелся – ангажировать решил, она отказалась со смехом: «Ты ж вон какая каланча, как мы танцевать то будем? Разве что на руки возьмешь, так и завальсируем?». Парень тот, не местный, потому не знал, с кем дело имеет. Он отомстит «пигалице»

пригрозился, только товарищи поумнее быстро его на грешную землю «спустили»: «Ты хоть знаешь – Чья она сестра?! Сашки Ширкина! Не, мы с ним ссориться не будем». Пальцем у виска кавалеру неугомонному покрутили и ретировались от проблем. Ну и он, глядя на них, «огородами, огородами» и подальше от танцплощадки. А ведь здоровый парень был, тебя повыше и плечи пошире, а испугался...

Выучку, как на лошади воевать, ты хорошую прошел – все-таки два месяца в Лисках в учебном полку был, премудрость кавалерийскую постигал. А потом вас на фронт отправили. В тот день кто-то Надюшке твоей сказал, что эшелон с кавалеристами на станции стоит, отправления ждет. Как же она бежала!.. Никогда в жизни, ни «до, ни «после» так не бегала. Вообще она с детства спортивная была, в детдоме на верху «пирамиды» стояла – еще бы «соломинка», как ее все называли – пара секунд и на самой верхотуре уже. Не обидел ее Бог быстротой и выносливостью, а все же не успела...Подбегает к станции, а перед ней, вагоны «проплывают» ... как в кино... Сначала медленно, потом все быстрее, быстрее, быстрее, а она бежит рядом и в лица вглядывается – вагоны открытые, в них лошади, а рядом – бойцы стоят. И чудится ей, что увидела она тебя, хоть и на секундочку, хоть и на один вздох, а разглядела. Вроде ты даже крикнул ей: «Я вернусь»... Не знаю, да и она сама не знала - увидела? Или только показалось?.. Хотя, наверное, это уже не важно было, тогда то мгновение – вымышленное или

наиву бывшее – ей душу согревало, когда совсем сил жить не было...Поезд ушел в военную даль, оставив после себя черный дым, рвущийся в небо и протяжный плач тех, кто на перроне остался.

Бабушка говорила, ты на белом коне в Берлин мечтал въехать. Я иногда даже представляла, как бы ты в логове немецком на лошади смотрелся - высокий, красивый с шапкой кудрявых черных волос, со своей знаменитой на всю Гусиновку улыбкой. Интересно, почему этот ваш район так междусобойно называли – Гусиновка? Вроде гусей там не больно много наблюдалось?.. А после войны птичьим стали МОПРой величать. По названию улицы. Народ у нас такой – уж скажет, так скажет...Жаль, мечта о Берлине не сбылась...Не на лошади, не пешком...Да и повоевать на лошадях долго тоже не получилось - в сорок третьем кавалеристы все больше «пехотинствовать» стали, а кто и в разведку ходить – как ты...

С начала войны жена твоя в госпитале работала. Сколько она бинтов перестирала – кожа на руках слезала. А уж чего там только не насмотрелась...Летчика часто вспоминала обгоревшего...Он за простынкой лежал, отдельно от всех – полностью раздетый, его ничем нельзя прикрывать было. Он весь обгорел, ни одной клеточки здоровой - одна сплошная кровавая рана, а, представляешь, молча лежал, не стонал даже! Как его только врачи с сестричками не выживали, но все равно не спасли...Еще лейтенантика молоденького помнила, тот все метался и кричал:

«Пристрелите меня, пристрелите», - видать, терпеть боль сил не было. Ранения всякие попадались. Самые «такие» Надю отправляли обрабатывать, как женщину замужнюю. Не девчонок же посылать, когда у бойца ранение мягкого места имеется?! Он, бедолага, когда под артобстрел попал, на животе лежал, оттого ранение у него такое «интересное» получилось – все сидячее место как траншеями изрыто. Раны эти прочищать надо было, чтоб не гноились. Вот Надя бинты, растворами пропитанные, через них и протаскивала.

Закроет детей малых дома и в госпиталь, а что делать? Садики уже не работали, хорошо, когда мама твоя на работу не ходила – окопы рыть, тогда она с внучками оставалась. Вот раз возвращается Надя домой, а на подоконнике Светланка скачет и кричит в форточку, весело так, громко, радостно: «А нас бомбили!» Дети – они же маленькие, глупенькие – не понимали, что бомбы настоящие и убить могут... Как ту девушку в белом платье. Всю жизнь потом Надя белый цвет не любила – перед глазами трамвай разбомбленный «вставал» и девушка молодая, красивая, на земле лежащая. Платье белое задралось, а вместо ног – пустота... Бомбили часто. Когда снаряд в городской холодильник попал, все ринулись мясо по домам разобрать – с продуктами уже «напряженка» была. Надя с сестрой твоей, Ниной, вместе со всеми побежали. Схватили на радостях две туши, а по дороге одну бросить пришлось – тяжелые они были, да еще замороженные – долго не пронесешь. На той

дороге потом много туш коровьих валялось. А через несколько дней в кондитерскую фабрику бомба попала – опять все за продуктами побежали. Надя с Ниночкой, как все за патокой поспешили. Чуть не погибла тогда твоя сестра – на передние ряды стали задние напирать, она равновесие не удержала и в бочку с патокой с головой нырнула. Из бочки Надя ее спасла, а волосы обрезать пришлось – ничем не отмывались – торчали во все стороны, как деревянные. Артобстрелы в это время шли почти непрерывно. Как выдавалась минутка затишья Надя с Ниной сразу на речку бежали – за водой. Однажды только набрали воды – стрельба началась. Они на землю упали, а ведра перед собой поставили. Молодые были, глупые – разве ж спасли бы их ведра те?... В один из походов за водой, Надя в реке бойца нашего увидела... Мертвого... Шинель распласталась и на воде его держала, так плыл он вниз лицом, неведомый защитник страны...

А потом пришли немцы... Они заходили в дома и выразительно показывали на входную дверь: «Матка, фьют-фьют!». Надюша, хоть и побледнела, но стойко держалась, а прабабушка Катя, мама твоя, как стояла, так на диван замертво и повалилась. Хорошо, немец не злой попался, добивать не стал, подождал, когда она в себя придет и все из дома выйдут. Ночью в чужой избе, куда набилось много народу переночевать перед дорогой, Надя заснуть не могла – лежала и думала: «Ничегошеньки с собой не взяли! Как же

теперь совсем безо всего?» Сон не шел. После полуночи она встала тихонько, чтоб никого не разбудить, пробралась на темную улицу и, крадучись и поминутно озираясь по сторонам, стала пробираться к своему дому. Чуть-чуть, чтобы не дай Бог, не скрипнула, приоткрыла калитку и скользнула в избу. На ощупь, в кромешной тьме, она нашла детское одеяло, свое зимнее пальто, маленькую кастрюльку, пару чашек и каравай хлеба. Все это она быстро сунула в рюкзак и также незаметно, стараясь слиться с окружающими деревьями, пробралась обратно. Жителей сразу предупредили – кого в своих домах заметят – на воротах повесят... Страшно она рисковала тогда, а что было делать? Так хоть что-то удалось взять.

Утром всех погнали на станцию огромной колонной. Стояла одуряющая августовская жара. Надя шла в зимнем пальто – чтоб не потерять его в суматохе, иначе, нечем будет потом детей укрывать, за спиной рюкзак, на руках – Белый грибок, за подол Светланка держится. В какой-то момент Наде показалось, что она сейчас упадет и больше не сможет подняться. Одна мысль только держала ее на ногах – дети без нее пропадут, а она – бывшая детдомовка, все детство мечтавшая о семье, никак не могла этого допустить. Пот лился градом, застилая глаза, руки тряслись от тяжести младшей дочери. Светланка, из-за дикой жары постоянно просила пить, а ей не давали. Воды было мало, ее сэкономили, но как это понять ребенку, которому трех лет от роду не исполнилось?..

Внезапно рядом с Надей остановилась немецкая машина. Шофер открыл дверь и поманил их рукой: «Садитесь». Первая мысль – отказаться? Могут расстрелять... Сесть? А куда повезут? Скорей всего, тоже на смерть, а вдруг нет, тогда куда? Неизвестность угнетала, казалось – и так, и этак – смерть, но маленький, слабенький росток «а вдруг все обойдется» все-таки вырос в ее измученной душе. Не зря же ее Надеждой назвали. Она залезла в машину, втащив детей. По толпе пронесся вздох: «Куда Надю повезли?» «Если что – только бы сразу и всех... Они без меня не выживут», – глядя выгоревшие белые головки, думала молодая мать. Немецкий офицер вдруг спросил через шофера-переводчика у девчонок: «А где же ваш папа?». Твоя старшенькая, любительница колбаски и ситро, гордо заявив: «Фашистов бьет!», провалилась от усталости и жары в тяжелый сон. «Все... Теперь точно не пожалеют... Только б не мучили», – судорожно сглотнула Надя, боясь повернуть голову в сторону немца. Но тот неожиданно засмеялся и отвернулся к окну. То ли шофер что-то не так перевел, то ли не все немцы зверями были, по крайней мере, в начале войны, то ли кто из девчонок ему своих детей напомнил, не знаю. А, может, мама Надюшкина, покойная, дочь свою любимую, так рано оставленную в сиротстве, как Ангел-хранитель оберегала... Как бы то ни было, но не убили их, а подвезли почти до моста. Пока в машине ехали, Надя с детьми отдохнули, и немного сил набрались, чтоб дорогу оставшуюся выдержать.

Высадили их так же неожиданно, как и подсадили – немцам в сторону сворачивать надо было. Шофер помог детям из машины выбраться и тут же «газнул». Опять они в колонну влились, дальше со всеми пошли. Дорога мимо «Орловки» проходила, где больных держали, которые, как тогда говорили «умом повредились». Обитатели этого скорбного дома прикинули к окнам, радуясь неожиданному развлечению – огромной массе разных людей. Они улыбались, махали руками, кричали что-то весело-неразборчивое. Особенно запомнилась проходящим одна девушка. Она двигалась взад-вперед у открытого окна и громко скандировала: «Дуня я, Дуня я, Дуня ягодка моя». Она была единственная, кто не обращал на идущих ни малейшего внимания. Людская толпа текла и текла мимо, а она все так ж вышагивала по палате, монотонно выкрикивая песенку про Дуню...

На станции их погрузили в «свинячие» вагоны. Набили столько, что можно было только сидеть, это еще если повезет и займешь хоть какое-то местечко на полу, про «полежать» речи, конечно, не было... В дороге заболела и умерла твоя племянница Клавдюшка, то ли от жары, то ли от воды грязной... Правда, злые языка шептались, что Нина дочку мясом жаренным накормила – ну, тем, которое они из разбомбленного холодильника в четыре руки тащили, мол, пожадничала, только свою накормила, объелась она поди, вот и померла. Люди всякое болтать могут... На самом то деле, никто не знал – отчего и почему. На очередной

остановке, на полянке, где земля рыхлая попалась, Нина с Надей руками могилку выкопали... Вот в ней и нашла последний приют твоя племяшка...

Жара страшная стояла, когда везли их на Украину, туда, где немец всю хозяйничал. Ехали несколько суток. Пили из луж на стоянках – платки положат на воду, чтобы муть внизу оставалась, и пьют. Однажды поезд у реки остановился, все кубарем на берег скатились – лицо и руки ополоснуть. А к воде подойти так и не смогли – берег вшами кишел! Надя такое первый и последний раз в жизни видела – чтобы весь песок был черными шевелящимися точками усыпан! После той речки бабушку одну старенькую с поезда ссадили – на ней столько этих насекомых было – аж брови двигались, как живые...

Когда их на Украину привезли – кого довели, конечно, в село с жутковатым названием Погребищи поселили. Чтобы как то выжить, Надя со свекровью шить стали – кому рубахи, кому юбки, бывало и брюки, и платья, и пальто заказывали. Скоро по селу слух пошел – «золотые руки» у портнихи Катерины. Однажды даже немецкий офицер им шинель принес перешивать – не по размеру она ему оказалась – большая слишком. Как они тряслись, когда заказ отдавали – вдруг не понравится – всю семью расстреляют. Офицер тот очень довольным остался. Хоть денег не заплатил, но все живы и то, слава Богу! Кусок ткани, который у них остался после переделки, потом на хорошее дело пошел – сшила бабушка после ос-

вобождения девчонкам пальто, одно на двоих, зато теплое и сносу ему не было.

Чтобы Нину не угнали в Германию – тогда матерей с детьми маленькими не отправляли, твою старшенькую за ее дочь выдали. Она крестной Светланке была, та ее привыкла «мама Нина» звать – очень это пригдилось. Устроилась Нина на «каптахе» работать – птицефабрике по-нашему. Им там яйца разбитые иногда выносить можно было. Так они и жили: шитьем, да кое-какими продуктами с «каптах», еще и земляков угощать умудрялись. На масленицу напекли две сковородки блинов, а Надя с бабой Маней ни одного так и не попробовали – пока последние дожаривали – остальные уже «улетели».

Что больше всего Надю в Погребищах удивило – не столько немцы, сколько полицаи лютовали – на всех срывались, даже животных не жалели. У Надюши собачка была маленькая, беленькая, Мухой звали. Однажды полицай к ним в палисадник зашел, она его облаяла – понятное дело, собака же. А он винтовку вскинул и выстрелил в животинку. Как она, бедная, заскулила, закрутилась вокруг себя – до шеи раненой достать пыталась! Когда изверг ушел – Муху в дом унесли, перевязали. Долго она страдала, скулила, повязку зубами стащить пыталась. Выходили ее все-таки. Вы же с женой, как на подбор попались – добрые, душевные, всех жалели. Помнишь, как беспризорных в дом приводил? Она для порядка повозмущается: «Саш, зачем? Вдруг украдут чего?» А ты

улыбнешься своей знаменитой улыбкой, жену обнимешь: «Надюш, брать у нас нечего, а их накормить надо». Вздохнет она тихонько – а ведь прав муж и на стол накроет. И, правда, ничего никогда не украли у вас и беды никакой не наделали те обитатели котлов асфальтовых.

В партизаны Надя не подалась – за семью опасалась, а продукты нет-нет да и передавала лесным бойцам на опушке, у края поля, рассказывала – кто где из немцев живет, где комендатура находится. Риск большой был – на предателе ведь не написано – что он предатель, нарваться на такого запросто можно было. У них в соседях муж-украинец жену-еврейку три года прятал, про то многие знали, да молчали, а все же нашлась подлая душонка – выдала, ее не за долго до прихода наших расстреляли. Как и отца с сыном – связников партизанских. Лежали они оба русоголовые, в одинаковых вышитых рубахах...

Освобождали Погребищи под самый Новый, сорок четвертый, год. Весь день канонада стояла, крики, стрельба, а когда все стихло, самая нетерпеливая – Нина тихонечко на улицу шмыгнула. Все остальные у двери вслушивались – какая речь на улице – немецкая или русская – уж больно неразборчиво говорили. Через несколько минут Нина вбежала – счастливая, радостная! С порога закричала: «Матом ругаются! Значит, наши!» Тут все давай обниматься и на стол – накрывать – все, что было съестного - выставили и дверь в избу приоткрыли. По улице шли солдаты под

проливным дождем – такой вот новый год тогда был – «не зимний». С полушубков и висящих на веревочках рукавиц стекали потоки воды, валенки размокли, а они шли и шли гнать на Запад проклятого врага. Иногда несколько бойцов отделялись от строя, забегали в открытые избы, остограмливались, на ходу хватали щепотку капусты или картофелинку и бежали дальше – догонять своих. Следом другие – так Новый год и встретили.

Пасха в сорок четвертом ранняя была – апрельская. Накануне Надя решила хату побелить – выскочила на улицу разгоряченная воду вылить, тут ее ветром и прохватило – много ли надо было организму, измученному войной, недоеданием и вечным страхом за детей? Началось воспаление легких. Кашель был такой, что, когда дети подходили к кровати и брались ручками за грядущку, боль сотрясала все тело, Надя стонала: «Не надо, не трогайте». Никакие лекарства не помогали, все хуже и хуже Надежде становилось. Мама твоя плакала, девчонки, чувствуя, что на их маленькие головки готова обрушиться страшная беда, ходили по дому на цыпочках, разговаривали в пол голоса и все время смотрели, вытягивая тощие шейки на кровать, где лежала заходящаяся в страшных приступах кашля Надежда. Представляешь, и на этот раз Бог ее спас. Ангел-хранитель явился в образе женщины-врача из стоявшей в селе части Красной Армии. Зашла она подшить халат медицинский и случайно вроде бы именно во время болезни попала, только

ведь случайностей в жизни не бывает, я это точно знаю. Как услышала она кашель, взглянула на белое, почти прозрачное лицо молодой женщины, раскинувшейся в полу беспмятстве на кровати, сразу поняла все серьезность положения. Она быстро вышла, так и не успев сказать – зачем приходила к портнихе Катерине, но тут же вернулась, неся в руках ампулы. Если б не военврач – где бы антибиотики нашли в то время?! Только они и помогли тогда – болезнь отступила. Об этом Надя тебе, конечно, не писала – не такая она была, чтоб тебя, бьющего в пекле передовой немецкого зверя, огорчать...

Через месяц после освобождения села стали приходить от тебя письма. Когда Надя первый треугольник получила – глазам поверить не могла! «Жив, жив, жив!» – это слово стучало в голове веселой морзянкой, пело в душе весенней капелью. Домой она не шла, а летела – торопилась с радостной вестью. Два с лишним года ни одной строчки, ни одной весточки, уж и не чаяли узнать друг о друге, что живы. Да и как могли до оккупированных земель письма с фронтов доходить? Когда после госпиталя ты короткий отпуск получил, сразу домой поехал. Только там одни обгорелые руины стояли. Всю родню ты дальнюю обошел, всех знакомых спрашивал: «Где мои, не слышали? Что с Надей? Мать жива? А дети?» Кто-то неуверенно сказал, что вроде на Украину их увезли – а дальше что с ними случилось, об этом уже никто сказать не мог. Тогда больше полагаясь на страстное желание

увидеть семью живой, чем на твердую веру, что они на самом деле не погибли, ты оставил маленькую фронтовую фотокарточку с надписью на обороте: «Покажите своей маме своего папку» и адрес полевой почты. Каким-то чудом, через какие-то сложные оказии, через время, но адрес до Надюши дошел! И «полетели» треугольники с фронта на Украину и обратно. В письме от четырнадцатого июля ты написал, что скоро в наступление и, если все пройдет удачно, приедешь в отпуск.

В начале августа к Наде вернулась ее открытка, в уголке было написано одно короткое слово. Как ни старалась, никак его разобрать не могла, и к кому не обращалась помочь прочитать, все твердили: «Не разборчиво. Не прочтешь». В один из холодных августовских вечеров решила она печку открыткой этой растопить, поднесла спичку, и вдруг сразу прочитала слово то, в уголке написанное: «Убит». Никому она тогда о своем открытии не сказала, а через несколько дней Надю в военкомат местный вызвали. Сердце до последнего верить не хотело, но когда казенный конверт вручили, сразу все внутри оборвалось. Как домой дошла – не помнила. Как сестрам твоим про «похоронку» сказала, тоже не помнила. В память только одно врезалось, как услышав во дворе голос твоей мамы Кати, они вниз, со второго этажа сиганули, чтобы мать по заплаканным лицам не догадалась, что беда смертная в дом пришла. Внизу бочки с водой стояли – для нужд лаборатории, что на первом

этаже располагались, приготовленные. Вот в них-то они и попали. Смех и горе рука об руку ходят, даже на войне...

Про то, что случилось двадцать первого июля, Наде твои однополчане рассказали, когда их красные следопыты на тридцатилетие Победы в село Пища пригласили. Соединялись тогда части Красной армии и партизанские отряды. Говорят «мясорубка» страшная была. Немцы дзот во дворе школы устроили, пулемет фашистский наши наступающие части «кошил», никакого сладу с ним не было. Последний оплот вражий столько бойцов положил, что наступление «захлебнулось». Тогда во весь рост с гранатой в руках поднялся высокий черноволосый, с ослепительной белозубой улыбкой помощник командира взвода разведки, лейтенант Александр Ширкин...И на далекой украинской земле шагнул в вечность...Рядом с искореженным пулеметом валялись тела четверых мертвых немцев, рядом лежал русский боец. Наступление продолжилось, наши солдаты пошли в атаку, днем село было полностью «очищено» от фашистов. Бойца, похоронили там же, во дворе школы, где он совершил свой подвиг. А после войны герои тех дней нашли последний приют под памятником с красной звездой.

Я все-таки написала тебе письмо, дед. И мне почему-то кажется, что оно дойдет до адресата...

ВСТРЕЧА

(История одной фотографии...)

Данила развернул штурманскую карту и занялся изучением маршрута. Передышка скоро закончится, опять в наступление, надо подготовиться. Каждый полет, как в первый раз, никогда не знаешь, что тебя за дальним облаком ждет. Штурман внимательно изучал карту, когда над сожженными березками поплыли звуки далекой гармонии. Данила поднял голову и прислушался. «Несе Галя воду...» - наигрывал незнакомый музыкант. Мысли летчика «потянулись» за любимым мотивом. Сразу вспомнилась белая хата под желтой крышей, палисадник за низким забором, на пороге – отец и мама Лукерья. Свою родную мать он не помнил, Лукерья согласилась за вдовца Андрея замуж выйти, когда у того пятеро маленьких ребятешек было. Это ж сколько жалости к чужой ребятне надо было иметь, чтобы не раздумывая на пять «довесков» согласится. Своих им с Андреем Бог детишек не дал, так она чужих всех и вырастила...

Карта мертвым грузом лежала в руках штурмана, а он все никак не мог наслушаться знакомой песней. Когда гармонист заиграл «Цвите терен», Данила поднялся и пошел на звук гармоники. Навстречу попадались то пехотинцы, то танкисты, то, как он – летчики. Ждали начала большой, серьезной наступательной операции, а пока все наслаждались минутами такого редкого, а от того еще более желанного отдыха.

Штурман быстро нашел полянку, на которой вокруг гармониста собрались бойцы. Тут музыкант грянул: «Распрягайте, хлопцы, коней» и слушатели не выдержали – ноги сами понесли их в круг. В самом центре оказался улыбающийся, белозубый танкист, в лихо заломленным назад шлеме и с перевязанной шеей, которая никак не мешала ему отплясывать под знаменитую «Маруся, раз, два, три, калына». На груди бойца сверкала золотая звезда «Героя Советского союза». Данила остановился и стал разглядывать танцующих сначала просто так, из любопытства, а потом, поддаваясь странному чувству, что среди них есть кто-то знакомый, хотя ни одного летного шлема рядом видно не было. Чем больше он вглядывался, тем больше ему казалось, что в самом центре лесной поляны отплясывает «Хлопцев» его родной младший брат – Иван, с которым он не виделся уже почти семь лет – с тех пор, как ушел в училище на летчика учиться, а вскорости – на финскую! Штурман подумал, что так не бывает, такого просто не может быть. Он на минуту закрыл глаза, потом открыл и снова стал вглядываться в толпу бойцов. Песня закончилась, танкист, еще не отдышавшийся после веселой пляски, вернулся на свое место рядом с гармонистом, который завел «По диким степям Забайкалья». Данила нерешительно окликнул: «Ванька...» Тот оглянулся, но, не видя позвавшего, решил, что ему послышалось и отвернулся.

- Ванька! – крикнул Данила, который наконец-то перестал сомневаться в чуде. Иван тут же оглянулся

и стал напряженно рассматривать лица бойцов, столпившихся рядом, ища того, кто так упорно звал его голосом старшего брата. Данила пробился сквозь толпу и как-то не по-солидному, не по- мужски, бросился на шею младшего. Тот, вскрикнув от неожиданности и от боли в раненной шее, через секунду уже сжимал брата в объятьях.

- Данила?! Ты?! Как?

- Ванька, - только и мог выговорить брат, у которого от радости все остальные буквы алфавита напрочь выветрились из головы. На двух братьев, никак не решающихся выпустить друг друга из крепких мужских объятий, и от неожиданности не могущих выговорить ни слова, бойцы смотрели, как на восьмое чудо света. Наконец, Данила с Иваном обрели подобие осмысленности окружающего и сели на ближайшую поваленную березу. Весть о случайной встрече двух братьев на войне, которые мало того, что воевали на разных фронтах, мало того, что они служили в разных родах войск, они еще и не виделись почти семь лет, мгновенно облетели всех. Вокруг них стала собираться внушительная толпа. Тут, как по мановению волшебной палочки, из ближайшего блиндажа выскочил военный корреспондент и, на ходу нацеливая объектив издававшей виды «Лейки», стал стремительно «щелкать» нежданную встречу. Он приехал писать заметку про Данилу и его новенький орден «Красного знамени», вернее, описывать – за что он его получил, а тут – такое, что и захочет его брат-журналист на-

рочно придумать и не придумает – жизнь – лучший писатель!

- Ребятки, вы ко мне лица поверните, я вас сейчас красиво, торжественно запечатлю, как раз под статью моменту.

- Мы ж не артисты, позировать не умеем. Уж так как-нибудь печатли.

- Ребята, какая заметка выйдет – два брата на войне встретились – ну, вы даете! Так, братцы, давайте – пусть старшой сидит, а младший вот тут встанет, вот, чтоб звезда Героя видна была. Вот! Так хорошо! А говорили – позировать не можете, не артисты. О! Красавцы!

- Ладно нас расхваливать, не девки красивые.

- Я вам фотки обязательно передам – своим отправите! Это ж какой коленкор! У вас семья где, товарищ летчик?

- Жена писала, в Андреевку она с малыши добра-лась, как фрицев отогнали, учительствует теперь там. (Младшему) В нашей хате живет.

- Ну, дела...

- А у вас – жена, детишки есть, товарищ танкист?

- Куда ему, молодой еще! Рано!

- Ага, героя получить, стало быть, не рано, а жениться рано? – заготовали все вокруг. Иван, смущаясь и от того слегка покраснев (детская привычка даже на войне осталась) ответил: «Вот войну закончим, домой вернусь – самую лучшую дивчину найду...».

- Правильно, брат, не до девчат сейчас...

- Слушай, танкист, ты звезду то за что получил, а? – вступил в разговор рыжий разведчик.

- Да эт я под Курском на фрицев озлился сильно, вот первым и «влетел» на станцию, название у нее такое заковыристое: «Малоархангельск», я еще подумал – Орловская земля, почему Архангельск, да еще маааальный?» - залиvistый смех танкиста раскатился по всей поляне и он продолжил: «ну вот пять часов мы на той станции с фашистами договориться не могли, чуть все боеприпасы на них не угробил, но фрицев всех под чистую в расход пустил», - рот Ивана снова растянулся в залихватской улыбке, - «вот как то так». Все вокруг одобрительно закивали головами: «Молодец, танкист!»

Корреспондент повернулся к Даниле: «Я ведь по вашу душу, товарищ летчик, прибыл, а тут такой поворот! Такая встреча!»

- Что это «газете» от меня понадобилось? - на губах Данилы заиграла точная копия улыбки младшего брата, - «звезды» у меня нет...пока...(тут улыбка стала еще шире)».

- Так я про то писать прилетел, как вы сами самолет через линию фронта на одном моторе тянули.

- Ишь ты, знающий какой.

- Работа у меня такая – все знать, а про что узнал – всем рассказать.

- Одно слово «газета», - засмеялись столпившиеся у поваленной березы бойцы, никак не хотевшие расходиться по своим делам.

- Ну, а что ж делать было? Я над картой наклонился, маршрут сверял, тут из облаков мессер, командир на меня повалился – убило его, стрелок ранен, Ну, досадил к нашим на аэродром – горючее выгрузил и обратно. На левом моторе дотянули. Жаль, командир не дожил – мы ведь тогда над его домом пролетали, приземлиться на поле, на пару минут хотели на обратной дороге...

- Ну, брат, ты даешь!

- Ванька, а сам то?! Зеленый еще, а, смотри-ка, старшего обскакал...

Корреспондент, положив «Лейку» на землю, торопливо исписывал страничку за страничкой потрепанный фронтовой блокнот, стараясь не пропустить ни слова...

Через неделю все фронтовые газеты «облетела» фотография двух улыбающихся братьев и заметка с коротким названием: «Встреча».

ДЕНЬ ЛЕТНЕГО СОЛНЦЕСТОЯНИЯ

Людмила ЛАПИНА

Репродуктор вздрогнул, и бодрые звуки «Марша авиаторов» раздались над перроном Витебского вокзала. До отправления скорого поезда «Ленинград–Одесса» оставалось десять минут.

- Будем прощаться, - сказала Лидия Андреевна. Студентка Яна бросилась на шею матери, сбивая ее шляпку.

- Ну, полно, полно, дитя мое, - укоризненно сказала Лидия Андреевна, поправила белую кружевную шляпку и поцеловала дочь.

- Папочка, до свиданья!

Всхлипывающее чадо перешло в объятия отца, массивного и непривычного в белом чесучовом костюме, форма военврача идет ему гораздо больше.

- Янка, не грусти, мы вернемся через три недели и поедем на нашу дачу, - сказал Ян Михайлович и поцеловал дочь.

- Да, папочка, хоть бы скорее.

- Лина, берегите Яночку, - строго сказала Лидия Андреевна и подтолкнула девушку к домработнице.

- Не беспокойтесь, Лидия Андреевна, у нас все будет хорошо, как всегда. А вы, как приедете, сразу дайте нам телеграмму.

Акулина Михайловна – член семьи уже сорок лет. Она вынянчила Лидочку Муромцеву, а когда та вышла замуж и родила Яночку, Акулина Михайловна вынян-

чила и ее. И с тех пор вела хозяйство Петерсов. Хозяйка и домработница поцеловались, глава семьи пожал руку Акулине Михайловне.

- Садитесь, пожалуйста, осталось пять минут, - пригласил пассажиров мягкого вагона щеголеватый, подтянутый проводник в черной форме. Семья еще раз торопливо расцеловалась, и Ян Михайлович подсадил жену в вагон.

Лина и Яна подошли к окну вагона. Петерсы сидели в двухместном купе и счастливо улыбались. Лидия Андреевна успела снять шляпку и теперь поправляла темные волосы, скрученные в два валика над высоким белым лбом, как у Любови Орловой. Яна постучала в закрытое окно. Родители послали ей воздушный поцелуй и украдкой взяли за руки. Паровоз громко свистнул, окутался паром, поезд медленно поплыл вдоль платформы. Яна и Лина стояли, обнявшись, и махали вслед.

- Они до сих пор красивая пара, - сказала тетя Лина.

- Счастливые, - выдохнула девушка, - едут к морю в мягком вагоне.

- В понедельник, наверное, придет от них телеграмма, - сказала няня.

- Как бы я хотела поехать с ними далеко-далеко, в мягком вагоне, - мечтательно произнесла Яна. Ей всегда нравился особый запах на перроне - горячий металл и горящий уголь звали в дальнюю дорогу.

- Ты же едешь завтра на дачу, и будешь там всю субботу и воскресенье.

- А мы сейчас зайдем в Елисейевский? – с лукавой улыбкой спросила девушка.

- Заедем, егоза, - ответила Лина.

Они вышли с вокзала и сели в трамвай. Деревянные сидения тянулись вдоль всего вагона, раздался громкий звонок, и трамвай тронулся. Яна наслаждалась поездкой. Жаркий солнечный день заканчивался. Золотистое закатное сияние охватило всю западную сторону неба. Яна восторженно крутила головой и вскрикивала:

- Как красив наш Ленинград в такую погоду!

- У меня глаза болят, уж слишком много сейчас света, - ворчливо сказала няня.

- Ну что вы говорите, разве света может быть много! Посмотрите, тетя Линочка, Ленинград сейчас кажется полупрозрачным, почти стеклянным, или леденцовым, как в той сказке Гофмана. Помните, мы ее читали, когда я была маленькой.

- Про этого... с орехами... Щелкунчика?

- И на балет вы меня водили...

- Но зимой у нас холодно и мрачно, - настаивала Лина.

- И вовсе нет, одеться потеплее, и на каток в ЦПКиО, или в Дюны на лыжах!

- Вставай, егоза, выходим!

На главном проспекте Ленинграда Лина и Яна стояли, любуясь закатом. Широкий проспект по всей длине залит пурпурным сиянием опускающегося за горизонт в сторону Невы солнца, даже зеленые кро-

ны деревьев в саду Дворца пионеров кажутся багряно-золотыми. Все величественные здания освещены одинаково, тень не отбрасывают, в темнеющем небе ослепительно горит золотая игла Адмиралтейства.

- Завтра будет хорошая погода, - уверенно сказала Лина, - смотри, деточка, закат красный, а не малиновый.

Их обгоняли гуляющие, почти все были в белом и улыбались красивой девушке. Яна сегодня надела белую юбку, блузку с рукавами-фонариками и комсомольским значком. Ее белые парусиновые туфли добрая тетя Лина с вечера начистила зубным порошком. Яна поправила белый берет на темных, как у матери, волосах, и потянула няню в ленинградский гастроном №1.

- О чем вы задумались, тетя Линочка? – ласково спросила Яна.

- Как чисто в нашем городе, безопасно, уютно, и людей немного, никто не толпится, не толкается, не кричит.

- Так было, наверное, до революции? – наивно спросила Яна.

- Так стало в последние два-три года, - со вздохом ответила Лина. Они вошли в магазин и повернули налево. Ярко светили круглые матовые электрические лампы, отражаясь в неровной форме зеркалах и стеклянных витринах прилавков. И кассы, и прилавки сделаны их заморского красного дерева. «Вот вам буржуазный стиль модерн во всей красе, - потрясенно подумала Яна, - и он мне очень нравится».

- Какие конфеты покупаем? - осведомилась Лина.
- «Раковые шейки», конечно, - отозвалась Яна.
- Да, твои любимые.
- А помните, как в «Хождении по мукам», в первом томе, Телегин предлагал Даше карамельки от Елисеева?
- Да, ты мне читала это место, - ответила Лина. - Что еще берем?
- Колбасу докторскую... - подсказала девушка.
- Вскоре, нагруженные покупками, Яна и Лина вышли в коридор, разделяющий две части Елисеевского магазина.
- Зайдем сюда, - позвала Яна, стремительно поворачивая направо.
- Чего ты еще хочешь? – вздохнула Лина, но пошла за своей девочкой.
- Кофе, - ответила она, блаженно вдыхая запахи свежемолотого кофе, копченой рыбы и специй. «Так, наверное, пахнет во всех магазинах колониальных товаров по всему миру».
- Молотый или в зернах? – уточнила Лина.
- В зернах, я его завтра сама емлю, - ответила девушка, слегка краснея.
- Они вышли из магазина, и перешли проспект 25-ого Октября к остановке троллейбуса. Вскоре подкатил троллейбус №5. Яна и Лина поднялись в салон и поехали домой к Смольному собору.
- Пусть завтра у нас опять будет хорошая погода, - горячо шептала девушка, глядя в окно.

- А если будет дождь, останешься дома? – поддразнила ее Лина.

- Все равно поеду, надену плащ, резиновые боты, возьму зонт и поеду, там же наш кот один остался.

- Не забудь дать ему докторской колбасы, - напомнила Лина.

- Ой, тетя Линочка, вы до сих пор считаете меня маленькой дурочкой, - вспыхнув, выдавила Яна. Няня ответила ей со спокойной улыбкой:

- Как же ты дотащишь все эти продукты, которые мы купили?

- Но вы же меня проводите на вокзал, тетя Линочка?

- Конечно, провожу, и вернусь домой стирать белье.

- А вы разве не поедете со мной?

- Нет, я приеду вечером. Но тебя же там встретят.

- Да, Егор Шестаков, мой однокурсник. Мы будем заниматься историей и немецким языком, - ответила Яна и покраснела.

- Ну что ж, это приличный молодой человек, - сказала Лина. – Я знаю его маму и сестер.

- Представляете, он разгружает вагоны, чтобы купить своим сестрам обновки.

- А как он учится в университете?

- Почти на все пятерки, - радостно сказала Яна. – Занимается парашютным спортом!

Яна легко сбежала вниз по ступенькам троллейбуса и помогла Лине вынести тяжелую сумку. В боль-

шой квартире Петерсов стало непривычно тихо. Яна, как обычно, понесла в столовую поднос с чайной посудой, но тетя Лина сказала:

- Попьем чаю на кухне и будем ложиться спать.

Девушка вздохнула, убрала обратно в кухонный буфет стакан отца в серебряном подстаканнике и мамину голубую чашку императорского фарфорового завода. Казалось, уехавшие родители забрали с собой уютную семейную атмосферу: громкий жизнерадостный голос мамы, постукивание ее каблучков по наборному паркету, шутки, которыми сыпал отец с невозмутимо серьезным лицом, их хохот дуэтом, дым папирос «Беломор» - курили и Ян Михайлович, и Лидия Андреевна. После ужина Яна ушла в свою комнату. Сердце ее замирало в предчувствии собственной судьбы. Неужели это будет Егор? Белая ночь совсем посветлела, и настало утро. Купола Смольного собора, видимые в окно кухни, показались Акулине Михайловне особенно белыми на фоне алой летней зари. Тетя Лина изумленно охнула, когда чисто умытая и причесанная Яна вышла на кухню.

- Доброе утро, - сказала она, светло улыбаясь.

- Ты рано встала, моя девочка, но я уже сварила твою любимую кашу.

- Манку? – радостно спросила Яна.

- Овсянку, - поправила Лина.

- А, ладно, спасибо, - девушка села за стол, няня подала ей тарелку горячей каши со сливочным маслом и чашку свежесваренного чая. Торопливо отпра-

вив в рот две ложки каши, девушка отхлебнула чай, обожглась и отставила чашку.

- Ну, все, я побежала на вокзал, - Яна выскочила из-за стола.

- Погоди, егоза, я тебя провожу, - тетя Лина поправила белый платок перед большим зеркалом в прихожей и взяла тяжелую авоську, приготовленную с вечера. Яна опустила на деревянное сидение и взглянула в окно вагона. Тетя Лина стоит на платформе и машет ей рукой. Паровоз засвистел, поезд тронулся. Яна помахала няне и поехала на дачу. Погожий субботний день только начинался. Девушка сняла соломенную шляпку и повесила ее на крючок у окна поверх авоськи с продуктами. Щурясь от солнца, Яна смотрела в окно. Зелено-медные сосны Карельского перешейка проплывали за окном вагона, белые облака летели по сияющему небу, но маленький серебряный самолетик обогнал их, покачал крыльями и исчез на севере, там, где море. Яна проводила его долгим взглядом. Предвкушение встречи с морем наполняло душу девушки ликованием. Конечно, Финский залив очень мелкий, но погулять на пляж она все равно пойдет. И однокурсник Егор составит ей компанию. Надо же им выполнять комсомольское поручение старосты их группы: Егор подтягивает Яну по немецкому языку, а она его – по античным мифам. Он должен прийти с утра на дачу Петерсов, и Яна спешила встретить гостя. Полчаса поездки тянулись как капли застывающей смолы по рыжему сосновому стволу. Девуш-

ка ощутила себя застрявшей во времени, как муха в янтаре. Момент, когда она впервые осознала, что однокурсник ей дорог, всплыл в памяти: морозный январь этого года. Они вышли из университета, миновали Зимний дворец (теперь – Музей революции) и долго гуляли по проспекту 25-ого Октября, разговаривали обо всем, ели пышки, и Егор нес ее портфель с учебниками. Из первого вагона дачного поезда Яна выпорхнула, озаряя улыбкой все вокруг. Крепкая рука с золотистыми волосками вокруг запястья поддержала ее, и девушка совсем не удивилась. Егор пришел ее встретить, разве он мог поступить иначе? Он взял ее набитую продуктами авоську, Яна надела шляпку и поправила темную косу с белой ленточкой. Егор перекинул авоську в левую руку и сжал ладонь девушки движением, с середины весны ставшим привычным. Ресницы ее опустились, скрывая теплые карие глаза.

- Я скучала по тебе, - смущенно выдохнула она. Он отвел прядь темных волос с ее атласного виска.

- Янушка, и я.

Она взгляделась в дорогое лицо и сожалением заметила, что тени под синими глазами никуда не делись, а щеки запали, делая худое лицо Егора совсем аскетичным. Одет он был, как всегда, аккуратно: белые брюки, белые парусиновые туфли, тенниска в черно-белую полоску, на левой стороне широкой груди сиял вытянутый золотисто-синий значок «Парашютист-спортсмен».

- Ты не выспался? – нежно спросила она.

- Глаз не сомкнул, ночью разгружал вагоны, а потом ждал, когда ты приедешь. Я встречаю уже третий поезд.

- Мы с тетей Линой вчера зашли в «Елисеевский», а утром она проводила меня на вокзал.

- Вы, наверное, скупили полмагазина, - сказал Егор. – Ого, тяжеленная сетка, как ты ее дотащила?

- Это наш завтрак, - скромно ответила Яна. Молодые люди подошли к даче. Серый полосатый кот ждал на ступеньках крыльца. Увидев молодую хозяйку, он выгнул спину и громко замыкал. Она подхватила любимца, зарылась лицом в густую шерсть, и зверь басовито замурлыкал. Голова девушки кружилась от счастья и голода.

- Я еще не завтракала.

Не считать же завтраком две ложки овсянки и глоток чая.

- Я тоже.

Яна, прижимая к себе кота, схватила Егора за руку и повлекла на кухню. Там урчащий полосатый зверь был спущен на пол.

- Поставь сетку на стол, пожалуйста, - попросила Яна, достала оттуда кружки докторской колбасы в пергаментной бумаге и выложила их на блюдец.

- На, Барсик, ешь.

Кот подошел к своему блюдцу и набросился на колбасу. Девушка вымыла руки и потянулась за спичками.

- Сейчас разожгу плиту и приготовлю нам завтрак.

- Я помогу, - сказал Егор.

- Не надо, родители оставили растопку с прошлого воскресенья, - ответила Яна, одной спичкой разожгла плиту и поставила на нее старый медный кофейник.

- А кофе можешь смолоть? Кофемолка наверху.

Егор вытянулся во весь рост и достал с верхней полки буфета дореволюционный механизм, сверкнувший медной ручкой. Вскоре бодрящий аромат свежесваренного кофе поплыл из кухни на веранду. Яна повязала нянюшкин фартук поверх своего белого платья и выкладывала из сетки на кухонный стол привезенное из города угощение: два городских батона, розовую ветчину, докторскую колбасу в веревочной сетке, яйца, кусок желтого дырчатого сыра, бутылку сливок, пряники, две плитки шоколада и кулек карамелек «Раковые шейки». Опустившись на табурет, молодой человек наблюдал за проворными загорелыми руками девушки. Наконец сетка была разгружена. Яна вскрикнула, когда Егор поставил на стол глухо стукнувший сверток в газетной бумаге.

- Егор, что это?

- «Абрау-Дюрсо».

- Зачем? – удивилась девушка. - Это же дорогое вино.

- Отметим окончание летней сессии.

- Ах, вот зачем ты вагоны разгружал, - догадалась Яна.

- Помогаю маме, и сестрам надо купить зимние пальто.

- Помоги и мне, сбегай в огород, принеси укропа и зеленого лука, - попросила она, нежно, улыбаясь. Егор мигом исчез, а девушка взяла миску и разбила в нее пять яиц.

- А ты хозяйственная, Янка, - выдохнул Егор, кладя на стол пахучий пучок зелени. Бархатные карие глаза девушки повлажнели – так осчастливила ее похвала Егора.

- Я с детства помогаю тете Лине на кухне, - пролепетала она, тайком утирая слезы.

- Это твоя тетя?

- Это моя няня и великолепная кухарка. Она научила меня готовить вкусный омлет, кашу и гренки. Любишь омлет? – спросила она ласково.

- Только омлет, - сглотнув, ответил он (в их семье предпочитали яичницу-глазунью). Яна тихонько запела, накрывая стол на открытой веранде для их первого совместного завтрака. Вскоре пышный крестьянский омлет поднялся на горячей сковородке, а на белом в голубых незабудках блюде мейсенского фарфора выросла горка золотистых гренков. Яна торжественно поставила его в центр накрытого льняной скатертью стола и перелила густые сливки из стеклянной бутылки в сливочник из того же сервиза.

- Будешь ветчину? – спросила она, не оборачиваясь, и так чувствовала, что Егор стоит за ее спиной.

- Угу, - выдохнул он.

- На, съешь кусочек.

Егор нагнулся, задел горячими губами тонкую шею девушки и вытянул из ее аппетитно пахнущих пальцев ломтик розовой ветчины с тоненькой прослойкой сала.

- А сыр? – спросила она задышающим голосом.

- Да, и скорее.

- Сейчас, – девушка быстро разложила на тарелки ветчину, сыр, украсила веточками укропа. – Ну вот, носи на стол.

Кот, мурлыча, потерся об ее ноги.

- Поел, Барсик? Иди, погуляй, – сказала Яна любимицу, – а мы пойдем есть.

Девушка сняла передник, Егор галантно пропустил ее на веранду, захватил сковороду с омлетом и разложил его на две тарелки, расписанные такими же, как блюдо, цветочками. Молодые люди завтракали чинно, как примерные комсомольцы. Яна разливала кофе, гость потом вымыл посуду. Закончив хозяйственные дела, они взяли учебники и пошли на пляж. Прекрасное летнее утро превратилось в сияющий солнечный день, тихая вода залива блестела тысячами маленьких солнц.

- Знаешь, завтра будет солнцестояние, – задумчиво сказала девушка, глядя вдаль, где темно-голубое море и светло-голубое небо сливались в иллюзорной линии горизонта.

- В астрономическом календаре написано: день двадцать второго июня – самый длинный в нынешнем, тысяча девятьсот сорок первом году, – ответил Егор, любуясь нежным профилем Яны.

Орёл над перевалом

Борис Алексеев

Меня разбудил ночной телефонный звонок.

- Борис Алексеевич?

- Да.

- Здравствуйте. Вас беспокоит полковой священник Анатолий Песков. Мы закончили строительство храма Александра Невского и хотели бы украсить его стены фресками. Вы согласны нам помочь?

- Согласен.

- Вас не тревожит, что речь идёт о работе в Средней Азии?

- Нет.

- Спокойной ночи!

Великое случается неожиданно.

Как только священник «на том конце провода» отключил связь, я почувствовал, как привычная картинка моего московского быта затрещала по швам и стала рассыпаться на фрагменты, напоминающие картонные пазлы. Так рассыпается (А-ах!) на тысячи брызг пенная штормовая волна, наваливаясь грудью на бетонные выступы волнореза...

Наутро штатный ковёр-самолёт с двумя пулевыми ранениями фюзеляжа "выкрал" меня из лабиринта столичных улиц и перенёс в девственное предгорье Тянь-Шаня, на заснеженный берег неба.

- Неба? - спросите вы улыбнувшись.

- Да, именно так. Рассматривая стоптанную Сушками взлётную полосу Российского военного аэродрома, я понял, что небеса начинаются не где-то там за горизонтом, а прямо передо мной. Прямо передо мной небесная волна набегают на человеческое побережье, выманивая "на глубину" крылатых авантюристов и романтиков!..

Но обо всём по порядку.

Рассказ 1. Командир

На аэродроме меня захихнули в старенький УАЗик и доставили в гарнизонную гостиницу. Вручив ключи от отдельного номера с видом на полковую баню, лейтенант, сопровождавший «груз», отдал честь и удалился.

Ощущение тверди под ногами после стольких часов, проведённых в зияющей пустоте эфира, пробудило во мне зверский, не подобающий иконописцу аппетит. Я вышел на кухню. У плиты кашеварил военный лётчик, квартирующий по соседству.

- Вот, значит, как выглядят великие художники! – сказал он, не поворачивая головы.

«Ага, значит, меня ждали» - подумал я и ответил, глядя собеседнику в затылок:

- Точно так же, как выглядит лётчик в толпе горожан.

- Это как? - он обернулся.

- А так. У него два передних глаза смотрят в небо, а третий, тот что на затылке, прикрывает спину!

Мы понравились друг другу, разговорились и в будущие дни пригубили не одну рюмку чая, встречаясь на кухне за дружеским ужином (если не было ночных полётов).

Разрешите представить: полковник Российских ВКС Горшелев Антуан Олегович. Добряк, лет средних, с огромной шевелюрой каштановых волос и седыми прожилками на висках. Рост штурмовой, опять же средний. Черты лица тонкие. Глаза печальные и внимательные. Вежлив, предупредителен. На шее крестик. Прибыл в часть для обучения младшего лётсостава приёмам воздушного боя в гористой местности.

...Командир поредевшего штурмового звена подполковник Горшелев пятьдесят вёрст тянул подбитую, истерзанную Сушку до аэродрома. Как-то сел. А когда выполз из кабины на руки товарищей и глянул со стороны на собственные крылья, крепко призадумался. Не верилось, что огрызок металла без хвоста, шасси, с пробитым фюзеляжем выпорхнул из рукавичек смерти и долетел до своих! На лицо было "обыкновенное чудо".

"Да, тут без Бога не обошлось, - решил Антуан, - пора креститься!»

- Небо – это для тебя что? – спрашиваю.

- Небо? – Антуан замирает, - Небо, как тебе сказать, это... мой дом. На Земле я в гостях. Томительно здесь, люди, вещи. А там!.. Знаешь, лечу я сегодня

над перевалом, а внизу орёл застыл, не шелохнётся. Я его облетаю, а ему хоть что, только крыльями чуть перебирает. Я кричу: «Посторонись!» А он в ответ: «Мир тебе, человек-птица!» Боря, веришь ли, я даже в автомобиле руль порой на себя тяну. Эх, если б не гаишники!

...Помню, как-то полковник пришёл за полночь. Я сидел на кухне и распечатывал путевые заметки из блокнота. Увидев меня, он нахмурился, как-то неловко поздоровался и прошёл в свой номер, нечаянно хлопнув дверь.

Утром следующего дня мы встретились на кухне. Ни о чём не спрашивая, я оглядел моего товарища и обратил внимание на припухлость век, верный признак бессонной ночи. Из приоткрытой двери его комнаты нещадно несло прогорклым «ароматом» горелого табака. Я знал, что у него сегодня тоже полёты и участливо поинтересовался:

- Антуан, как вы себя чувствуете?

- Неважно. В смысле не важно всё это. Будете кофе?

Я принял приглашение, мы сели. Антуан распихал растворимый порошок по чашкам и начал заливать его кипятком. Вдруг он отставил чайник и произнёс:

- Какого ..., прости Господи, Серёга попёрся за перевал! Себя убил, ладно, полтинник пожил, нашему брату и того достаточно, но лейтёху-то молодого зачем угробил? У того жена, два малых. Бабе теперь

что, из ордена, как из топора, прикажешь мальчикам кашу варить? Ишь ты, помочь союзничкам решил. Те обделались со страху и давай трындеть: «Русо, выручай!» Ему же нельзя было туда лететь, и он знал, что нельзя, интернационалист хренов!

Я закончил приготовление кофе и спросил:

- Это то, о чём сегодня Яндекс трубит?

- Ну да. Быстро разлетелось. Стоит где промашку дать, шакалы с блокнотами тут, как тут – за уши не оттянешь!

Антуан механически помешивал сахар в чашке и рассеянно смотрел в окно, где над полковой баней набирало силы голубое гарнизонное утро. «Где он сейчас? – подумал я, - Может, летят они бок о бок с погибшим другом над перевалом, и отработав боекомплект по условному, или иному противнику, возвращаются домой с посадочным интервалом в пятнадцать секунд? А может, закадычный друг зазвал товарища погостить, да взглянуть на картографические особенности Того света. Бывает, в бою не разобрать - жив ты, нет ли. А лететь всё равно надо...»

Антуан закончил инструктаж молодых офицеров и неожиданно ночью съехал из гостинницы. Утром на кухонном столе, за которым мы столько выпили чая, я прочитал записку: «Боря, уезжаю не простившись. Выдалась оказия за Серёгу поквитаться. Помнишь, я рассказывал тебе про орла над перевалом? Не забывай его, дружище!»

Рассказ 2. Первое июня

Сегодня самое первое, самое "маленькое" июня - День защиты детей! Праздник в прошлом сентиментально-торжественный, ныне забытый совершенно и государством, и его взрослыми представителями. То ли детей не стало, то ли мы, растеряв российское прошлое, перестали думать о российском будущем? А может, что-то невзрачное, как похмелье, опутало житейские тяготы первого летнего дня? Так или иначе, нет детского праздника на Руси в 21-ом веке. Видимо, не нужны цветные мелки юным корифеям, с трёх лет свободно редактирующим мамину фотографию в последней версии ещё не русифицированной программы "Paint". Так решили родители.

...В далёкой, очень серьёзной российской воинской части на территории неба, подконтрольной оперативной службе ПВО, выдалась дивная космическая амброзия. Солнце солировалало!

Перед зданием гарнизонного клуба собрались нарядные молодые женщины (вы же понимаете – в таких частях служат только контрактники, и живут они не в казармах, а семейно в гарнизонном городке). Счастливые мамы, как цветущие ветви розария, возвышались над множеством празднично экипированных малышей. Играла музыка. Женщины-организаторы изобретали немислимые соревнования длямышлёных, смешных и милейших карапузов. Кто-то

прыгал через верёвочку, кто-то рисовал мелками на асфальте, кто-то картавил в микрофон – веселились все!

Глядя на праздник будущей осмысленной жизни, я невольно представлял, что каждую минуту этот человеческий рай может вздрогнуть от рёва гарнизонной тревоги. Огромные папы с ружьями и гранатами, на глазах притихших от ужаса детей, побегут на огневые точки, не успев даже попрощаться с любимыми крохами. А мамы, прижав к груди свои испуганные сокровища, бросят на асфальт всё лишнее - сумки с переодеванием, коляски, апельсины и помчатся, как сполохи вихря, в бомбоубежище, о котором им столько раз говорили заботливые папы...

Да продлятся дни земного рая! Быть может, тогда мы наконец забудем основную житейскую печаль: ради благополучия надо всё время немножечко бояться. Наши души, сбросив груз страха, станут лёгкие, как пепелы*, поднимутся в небо над всеми гарнизонными ПВО и полетят в будущий день «на разведку» всеобщего личного счастья!

*пепела - бабочка (груз.)

ОГЛАВЛЕНИЕ:

Поэзия

Сергей Момджи

<i>Возвращение на Родину</i>	4
<i>Сорок седьмой - тяжёлый год</i>	6
<i>Мне дороги отца воспоминанья</i>	7
<i>Два билета на 22. 6. 41г</i>	8
<i>Посёлок геологов в декабре</i>	9
<i>Дети войны</i>	11
<i>Дети и война</i>	12
<i>22 июня</i>	13
<i>Правда о 22 июня 1941г</i>	14
<i>22 июня 1941г</i>	16
<i>День скорби</i>	17
<i>Война и мир</i>	18
<i>Николай Кузнецов</i>	20
<i>Танковый десант</i>	21
<i>СССР после войны</i>	23

Константин Спасский

<i>Судьба потомков</i>	25
<i>Наш бой</i>	25
<i>Право</i>	26
<i>Война</i>	28

Анатолий Беднов

<i>Пограничник</i>	31
--------------------------	----

Виктадий Чепет	
<i>Штурмовики</i>	34
Владимир Капицын	
<i>Памяти деда-фронтовика</i>	42
Владимир Мальцев	
<i>Верность</i>	47
Марина Макова	
<i>Один в поле воин</i>	48
<i>В Безвестье падает листва</i>	50
<i>Идёт война</i>	51
Михаил Фисенко	
<i>Двадцатый век</i>	52
<i>Довоенные танго</i>	54
<i>Мой Дед</i>	55
<i>Борису Корнилову</i>	56
Сергей Александров	
<i>О тылах</i>	58
<i>Сны старого солдата</i>	59
<i>Отцу</i>	60
<i>Осень 41-го</i>	61
<i>22.06.1941</i>	62
<i>Мы. Те, которые –</i> <i>от Москвы до Берлина</i>	62
Эльрида Морозова	
<i>Живой</i>	64
Юрий Согрин	
<i>Знает кроха</i>	66
<i>Раненый</i>	66
<i>Малолетка</i>	68

Александр Богданов

Честный напиток мужчин 72

Солдаты – журавли..... 73

Зоя Резанова

Память, и не только моя 74

Светлая Память!..... 75

Мальчишкам ВО войны..... 76

Солдатам ВО войны..... 77

Где то - там. (Украине) 79

Смотрел он молча. (Донбасу) 81

Проза

Ким Ярушко

Разведка боем..... 84

Валентина Жукова

«Исповедь близнецов» 96

Игорь Летунов

Цветы победителям..... 126

Григорий Подольский

Беба. День Победы..... 134

Николай Багдасаров

Хай мынанк – останемся армянами . 139

Ольга Ильинская

Обычные дети войны..... 147

Сергей Александров

Ванюшин 150

Владимир Чикуров

Русская любовь 164

Марк Турков

Оглянись: 22 Июня, 1941 года..... 166

Инесса Шевцова

Письмо деду..... 174

Встреча 191

Людмила Лапина

День летнего солнцестояния 197

Борис Алексеев

Орёл над перевалом..... 210

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6
М67

Главный редактор: Никита С. Митрохин
Технический редактор: Василиса Ивина
Редакторы: Дмитрий Глазков
Корректор: Андрей Василевский
Верстка: Михаил Горин

Подписано в печать: 10.06.2017
Выпуск книги: 22.06.2017

Издательство:
НАП и СМИ «Русский литературный центр»
143423, МО, Красногорский район, пос. «Истра», д. 20.

Торгово-полиграфическое представительство
«Книжный ряд»
143423, Московская область,
Красногорский район, пос. «Истра», стр. 19.
Общий тираж: 40 000 экз.

По вопросам распространения обращаться:
info@litagency.ru, 8-800-200-21-55

www.litagency.ru

ББК 84(2Рос=Рус)6
УДК 821.161.1

ISBN 978-5-00014-182-3

- © Городская организация Союза писателей
- © Национальное агентство по печати и СМИ
«Русский литературный центр»

221

